СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XCIX, № 4.

CODEX GERTRUDIANUS

С. Н. Северьянова

ПЕТРОГРАДЪ
Россійская Государственная Академическая Типографія
1922

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Май 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*.

Настоящее изслѣдованіе сотрудника Отдѣленія русскаго языка и словесности С. Н. Северьянова, умершаго въ 1918 г., осталось незаконченнымъ. По смерти автора въ наборѣ осталось: 1) Описаніе кодекса и 2) Нѣкоторыя разрозненныя дополненія. Въ виду отсутствія оригинала, напечатать послѣднія оказалось невозможнымъ.

I.

Въ 343 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1900 г. было перепечатано сообщеніе изъ Рима «Кіевлянину», что «въ одномъ изъ монастырей сѣверной Италіи, на границѣ Тироля, открыта интересная рукопись на пергаменѣ, заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX в., также церковный календарь, при датахъ котораго записаны имена умершихъ лицъ, за которыхъ нужно было молиться при обѣдняхъ». Далѣе говорилось, что «между этими записанными попадаются имена поляковъ, чеховъ, венгерцевъ и русскихъ». Такое газетное сообщеніе получилъ я въ Вѣнѣ отъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, отъ лица покойнаго предсѣдателя Отдѣленія, съ порученіемъ научно разслѣдовать сообщавшееся. Глухое указаніе мѣстности вызвало во мнѣ естественное желаніе обратиться въ редакцію за разъясненіемъ римскаго источника, но пришлось отказаться отъ этого желанія и ѣхать на слѣпой розыскъ рукописи. Не полагавшись на газетное сообщеніе и видѣвъ въ немъ отчасти смѣшеніе съ пресловутымъ Чивидальскимъ Евангеліемъ, я началъ свой обзоръ монастырскихъ и муниципальныхъ архивовъ не съ границы Тироля, какъ указывалось, а изъ Понтеббы. Осмотрѣвъ архивы въ Gemona-Ospedaletto, San Daniele и Udine, я добрался до богатаго древностями маленькаго городка Cividale del Friuli, гдѣ и удалось мнѣ напасть на искомый кодексъ, оказавшійся «Кодексомъ Гертруды», давно извѣстнымъ въ западной литера-

турѣ. Въ то время, какъ готовилъ я свой отчетъ въ занятіяхъ кодексомъ, вышелъ въ свѣтъ трудъ нѣмецкихъ ученыхъ Генриха Sauerland и Артура Haseloff, обратившихся къ совмѣстному изслѣдованію Кодекса Гертруды, по порученію der «Gesellschaft für nützliche Forschungen zu Trier». Трудъ этотъ вышелъ 10 апрѣля 1901 г., ко дню столѣтняго юбилея Обва, а распредѣлился между названными учеными такъ, что Sauerland взялъ на себя историческое и палеографическое изслѣдованіе кодекса, а Haseloff занялся художественной стороной пергамена. Результатомъ занятій обоихъ явились двѣ статьи, составившія юбилейное изданіе («Festschrift der Gesellschaft»), а именно: 1) «Der Psalter des Trierischen Erzbischofs Egbert in Cividale. Eine historischkritische Untersuchung und Darlegung von Heinrich Volbert Sauerland» и 2) «Der Bilderschmuck des Psalters Erzbischof Egberts von Trier in Cividale (Codex Gertrudianus). Kunsthistorische Untersuchung von Arthur Haseloff». Въ отдѣльной папкѣ изданіе даетъ 62 картона фотографій со всѣхъ миніатюръ и орнаментовъ кодекса и нѣкоторыхъ листовъ письма, а въ уменьшенномъ видѣ и снимки изъ другихъ кодексовъ, стоящихъ въ родственной связи съ Кодексомъ Гертруды. Вѣсть о выходѣ этого юбилейнаго изданія остановила меня въ отчетѣ о Кодексѣ Гертруды. Выжиданіе результатовъ изслѣдованія названныхъ ученыхъ было для меня дѣломъ настоятельнымъ. Совершенно неожиданно выведенный изъ круга своихъ занятій старославянскимъ пергаменомъ въ его связи съ византійской письменностью, я очутился въ новой для меня области латинскаго пергамена, главный интересъ котораго составляли миніатюры, а не письмо; тогда какъ ученые Sauerland и Haseloff заявили себя въ литературѣ,—одинъ, какъ мѣстный историкъ Тріера, другой, какъ тонкій знатокъ миніатюръ и орнамента на пергаменѣ. Теперь, когда, благодаря любезному содѣйствію и собственной заинтересованности маститаго ученаго Ягича, тріерское изданіе было выписано вѣнской придворной библіотекой и стало мнѣ доступнымъ, я вижу и себя не лишнимъ въ литературѣ Кодекса Гер-

труды, такъ какъ его пергаменомъ занимался я основательно и совершенно независимо отъ названныхъ авторовъ тріерскаго изданія. Настоящей своей замѣткой *отнюдь не берусь за рѣшеніе загадочныхъ сторонъ въ кодексѣ*: съ нимъ литература имѣетъ дѣло вотъ уже за полторасто лѣтъ, и богъ вѣсть, сколько еще остается ждать прежде, чѣмъ все разъясняющее время выложитъ намъ на ладонь всю многовѣковую замысловатую судьбу, пережитую кодексомъ. Я знаю, что труденъ доступъ къ нему въ условіяхъ пристальныхъ занятій, что интересенъ кодексъ въ своей исторіи, такъ какъ сулитъ собой проясненіе любопытныхъ чертъ русской жизни XI в.,—знаю это и потому считаю долгомъ, не входя въ оцѣнку того, что̀ добыто моей штудіей, просто повѣдать о мысляхъ, ею навѣянныхъ, и о томъ, какъ отозвалась въ моемъ представленіи штудія почтенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ.

II.

Кодексъ представляетъ собой соединеніе двухъ фрагментовъ въ одно цѣлое, при чемъ спаемъ этому соединенію служили пять византійскихъ миніатюръ и молитвы отъ лица нѣкоей Гертруды. Главный фрагментъ есть латинская Псалтырь, раздѣленная нѣмецкими миніатюрами тріерскихъ святителей на 15 декадъ, съ дополнительными литургическими статьями [1]) и тетрадкой дедикаціонныхъ (нѣмецкихъ же) миніатюръ. Писанъ этотъ фрагментъ нѣкимъ Рупрехтомъ, лицомъ, судя по облаченію на миніатюрѣ, діаконскаго званія; писанъ по иниціативѣ тріерскаго архіеп. Егбрехта или Егберта. Время написанія опредѣляется временемъ

---

1) Именно: 10 библейскими пѣснями (Cantica), Молитвой св. Амвросія («Te deum»), Молитвой Господней («Pater noster»), Универсальной литаніей и покаянными исповѣданіями (Confessiones peccatorum) и молитвами (orationes post confessionem).

правленія Егбрехта съ 977 по 993 г. [2]). Судя по дедикаціоннымъ миніатюрамъ Псалтыри, она была вкладомъ въ какой-нибудь храмъ во имя апостола Петра. Вотъ все, что мы *положительно* знаемъ объ этой части кодекса. Второстепенный фрагментъ есть Календарь на всѣ 12 мѣсяцевъ съ его аксессуарами, изъ которыхъ сохранились только двѣ гадательныя статьи: 1) статья «о лунныхъ дняхъ», безъ начала и 2) такъ наз. въ нашей литературѣ «калядникъ» или календарникъ. Спай этихъ двухъ фрагментовъ представляетъ для насъ, русскихъ, особенный интересъ. Изъ пяти миніатюръ четыре дедикаціонныя, какъ называютъ западные ученые, т. е. служатъ образнымъ посвященіемъ рукописи тому или другому лицу. Изъ сопоставленія дедикаціонныхъ миніатюръ мы положительно узнаемъ владимирско-туровскаго князя Ярополка, съ именемъ *Петра* въ крещеніи, по свидѣтельству миніатюры и молитвъ, княгиню Ярополкову съ именемъ *Ирины* и обособленную на миніатюрахъ мать Ярополка, стало быть, жену великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича, которую кодексъ *въ молитвахъ* величаетъ *Гертрудой*. Так. обр. мы приходимъ къ факту, что Псалтырь, исполненная по заказу тріер. архіеп. Егбрехта какимъ-то діакономъ Руперехтомъ, пришла въ состояніе фрагмента и по какому-то случаю реставрирована кѣмъ-то въ кон. XI в. съ цѣлью посвященія Псалтыри теперь уже Гертрудѣ. Опредѣленіе Кодекса Гертруды, его сущности, нельзя формулировать иначе, какъ выше. Нельзя, напримѣръ, видѣть въ немъ соединеніе 3-хъ фрагментовъ, т. е. Календаря, византійскихъ миніатюръ и Псалтыри: византійскія миніатюры носятъ характеръ спая, п. ч. пятая изъ нихъ, «Богоматерь на тронѣ», несомнѣнно, одной кисти съ 4-мя прочими, попала на пергаменъ Тріерской Псалтыри, остававшійся съ одной стороны чистымъ (л. 41[a]), а съ другой занятый тріерской миніатюрой «St. Valerius» (л. 41[b]).

2) Trierer Geschichtsquellen des XI Jahrh. untersucht und herausgegeben von H. V. Sauerland (Trier 1889). Фил. della Torre и Eitelberger давали сроки правленія невѣрно: первый — 979 по 993, второй — 957 по 994.

Подтверждается выставленное положеніе прежде всего самимъ пергаменомъ: его качествомъ, форматомъ, почерками и брошюровкой. *Наблюдается три сорта пергамена.* Высшій сортъ принадлежитъ Псалтыри. Онъ необыкновенно тонокъ, бѣлъ и, при всей своей массѣ, съ самымъ незначительнымъ числомъ пергаменныхъ дыръ, очень маленькихъ и тщательно заплатанныхъ съ клеемъ; а пергаменныхъ структурныхъ пятенъ и вовсе нѣтъ. Мѣра его — $0{,}235^{m} \times 0{,}188^{m}$. Второй сортъ хорошъ, но не такъ бѣлъ и тонокъ, занятъ календаремъ. Третій сортъ, значительно худшій, служитъ Молитвамъ и византійскимъ миніатюрамъ. *Форматъ этихъ послѣднихъ былъ больше формата Псалтыри.* Обратите вниманіе на сильный обрѣзъ виньетокъ на рамкахъ, на отсутствіе креста на главномъ куполѣ храма, содержащаго въ себѣ миніатюру «Рождества Христова»: все это передаютъ фотографіи, какъ есть въ натурѣ. Этотъ обрѣзъ миніатюръ я объясняю тѣмъ, что ихъ исполнитель жилъ не въ одномъ городѣ съ писцомъ молитвъ, составлявшимъ Кодексъ Гертруды, и сообщался съ нимъ временами. Исполнивъ заказъ вдали отъ Тріерской Псалтыри, онъ не смогъ хорошо потрафить выборомъ для нея пластовъ пергамена, и пришлось обрѣзать самые рисунки. Принеся исполненный заказъ, онъ написалъ 5-ую миніатюру (л. 41^{a}) уже тутъ, на мѣстѣ. Когда всѣ миніатюры были готовы, составитель Кодекса Гертруды засѣлъ за свою работу. Онъ началъ письмо вступительныхъ молитвъ двумя молитвами апостолу Петру по бокамъ его фигуры на первой миніатюрѣ (л. 5^{b}). Длина строкъ письма *подчиняется ширинѣ пространства*, оставшагося свободнымъ отъ миніатюры, обведенной рамкой формы неправильной съ тою цѣлью, чтобы дать больше мѣста писцу Молитвъ. Умѣстивъ первую молитву слѣва, онъ не умѣстилъ второй справа и перенесъ ея окончаніе на теперешній л. 6. Исписавъ этотъ, реставраторъ-писецъ перешелъ на новый биніонъ (лл. 7—10) и заключилъ вступительныя молитвы на л. 8^{b}, не дописавъ этой страницы на одну треть. Такимъ образомъ получилось полтора биніона дедикаціонной части новаго кодекса. Почему въ теперешней 2-й тетрадкѣ (лл. 5 и 6) отрѣзаны

два листа (именно, 3-й и 4-й въ биніонѣ), не извѣстно; но вѣроятно, не годились они для письма по дурной ихъ выдѣлкѣ. Эту убыль писецъ пополнилъ пергаменомъ 4-й теперь тетрадки (лл. 11—14); онъ взялъ этотъ биніонъ изъ бывшаго подъ руками Календаря, такъ манившаго качествомъ своего пергамена. Этотъ Календарь, который мы видимъ теперь въ Кодексѣ Гертруды, предназначался раньше для другого кодекса, но не получилъ въ свое время примѣненія по какой-то причинѣ и ждалъ случайной утилизаціи въ ларѣ нашего писца. Оттого мы и видимъ на стр. 11^{ab} фрагментъ статьи о лунныхъ дняхъ и календникъ на лл. 11^{b} и 12^{a}. Это не безпокоило составителя Кодекса: онъ выигрывалъ чистый хорошій пергаменъ на $5^{1}/_{2}$ страницахъ 4-й тетрадки и исписалъ ихъ молитвами, не побрезговавъ и лакуной, остававшейся на л. 12^{a} отъ Календника. Перешедши теперь уже на пергаменъ Тріерской Псалтыри, на бывшую ея начальную тетрадку (лл. 15—18), реставраторъ-писецъ снова заключилъ свои Молитвы на л. 16^{a}, имѣвшемъ на своемъ оборотѣ миніатюру «Рупрехтъ» и потому остававшемся чистымъ вмѣстѣ съ л. 15^{ab}, который былъ охраннымъ для кодекса. Такъ плотно сковалъ своимъ письмомъ реставраторъ оба бывшіе у него фрагмента, Календарь и Псалтырь. Но тѣмъ онъ не исчерпалъ своего труда на спасеніе души владѣтельной Гертруды: онъ прошелъ своимъ письмомъ черезъ всю Тріерскую Псалтырь, по нижнимъ полямъ и лакунамъ недописанныхъ въ ней страницъ, *захвативъ и нижній рандъ пятой визант. миніатюры, «Богоматерь на тронѣ», двумя строчками своего письма*; и все-таки не умѣстилъ всѣхъ моленій и принужденъ былъ одну тетрадку (29-ю) вставить между и одну прибавить къ концу (33-ю). Вотъ какъ представляется исторія возникновенія интересующаго насъ Кодекса Гертруды.

Конечно, нарисованная мной обстановка возникновенія спая фрагментовъ есть только приблизительный, возможный контуръ ея, который всегда легче рисовать крупнѣе. Это значитъ: если я говорю «писецъ и рисовщикъ жили въ разныхъ городахъ», то

отнюдь не склоненъ останавливаться мыслью на *разстояніи*, которому въ моемъ представленіи предоставлено сокращаться до разстоянія разныхъ кварталовъ или улицъ въ одномъ и томъ же городѣ. *Мнѣ важенъ фактъ разности форматовъ пергамена* въ Псалтыри и во второй группѣ дедикаціонныхъ миніатюръ (первая группа есть рупрехто-егбертовская). Какъ иначе объяснить эту *несомнѣнную* разность? «Несомнѣнную», говорю, потому что какъ допустить, что такой мастеръ-художникъ (его кистью любуется и тонкій-тонкій знатокъ Haseloff) сумѣлъ дать намъ такую художественную пестроту красокъ, что теперь, когда краски мѣстами отпали, и тѣмъ умалился эффектъ ихъ ensemble'я, миніатюра «Рождество Христово», право, такъ же чаруетъ, приковывая къ себѣ нашъ взоръ, какъ чаруетъ, напримѣръ, непостижимая уму, но плѣнящая душу *архитектурная груда* св. Марка въ Венеціи; какъ, говорю, сумѣлъ такой мастеръ-художникъ дать намъ чарующую пестроту красокъ, а не сумѣлъ расчесть масштаба, чтобы умѣстить храмъ съ его главнымъ крестомъ? Эстетика такъ капризна, что снимите съ Марка его главный крестъ, придавите сверху какой доской, что Вы будете чувствовать? Передъ Маркомъ, какъ извѣстно, стоятъ теперь два глупыхъ бревна: чей глазъ не бередили они? Маркъ старъ, и на штукатурномъ лицѣ его много морщинъ: кто не искалъ любоваться имъ при полномъ вечернемъ освѣщеніи большой площади св. Марка, которое такъ молодитъ, такъ сглаживаетъ эти морщины? Нѣтъ, если эстетика такъ капризна, абсурдно допустить, что такой художникъ ложкой дегтя испортилъ бы бочку чуднаго меда: *обрѣзала рандъ картины рука не художника, а писца*; другими словами, писецъ молитвъ и рисовальщикъ — лица разныя.

Взгляните и на письмо: видитъ ли кто въ немъ даровитость каллиграфа, которая въ чемъ-нибудь должна же прорваться въ почеркѣ рисовщика, писцовые мускулы кисти котораго привыкли порождать художественныя черты? Ни помина на каллиграфію. Писецъ молитвъ даже не въ силахъ хорошо расчесть, чтобы сносно для глаза уписать свои горячія молитвы, которыя онъ

изъ своей горячей души переливаетъ въ душу Гертруды: то письмо въ 22 строки (лл. 6^{ab}), то въ 34-ре (лл. 7^{ab}, 8^{a}); то 21 строка на полустраницѣ, при чемъ вторая половина оставляется не исписанной (л. 8^{b}); то страница имѣетъ 22 строки (15^{ab}), то 23 (16^{a}), то 27 (17^{b}), то 28 (л. 18^{a}), то только 20 (л. 206^{a}, 208^{b}) и т. д. *И все это одна рука, все одинъ почеркъ.* Почтеннѣйшій описатель содержанія Кодекса Гертруды въ тріерскомъ изданіи, я любуюсь Вашей дорогой намъ *точностью и обстоятельностью* Вашего описанія, п. ч. знаю неудобства чивидальской обстановки (мы продѣлали одну и ту же работу, но Ваша въ моихъ глазахъ выше); но зачѣмъ было такъ всматриваться въ письмо, ища въ немъ отмѣтинъ? Если характеръ почерка иной, онъ самъ кричитъ о томъ. Если этого нѣтъ, микроскопическій анализъ не умѣстенъ: онъ открываетъ массу противорѣчащихъ случайностей и приводитъ къ заключенію о множествѣ почерковъ. Всякая буква живетъ своей жизнью и подъ микроскопомъ не похожа на другую, п. ч. и буква писца есть *моментъ*, т. е. обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, какое Doumer красиво формулировалъ въ словахъ «Drei Dinge kehren nie: der Pfeil, der abgeschossen, das ausgesproch'ne Wort, *die Tage*, *die verflossen*». Палеографъ тѣмъ сильнѣе въ сужденіи, чѣмъ онъ свободнѣе отъ этого *момента*, чѣмъ ярче горитъ его общее впечатлѣніе отъ письма; и потому больше довѣрія тому палеографу, который *затруднится* оправдать высказанное сужденіе. Нельзя видѣть зданія, уткнувшись въ его кирпичъ. Кто сдѣлалъ большую ошибку, видѣвшій ли, какъ я называю, въ спаѣ *множество почерковъ*, или Филиппъ della Torre, *вовсе не различавшій* писцовъ даже между письмомъ реставратора и письмомъ Рупрехта? Della Torre писалъ: «ergo inter memoratos annos 979 et 993 codex noster exaratus fuit, et quidam in urba Treuirensi, uel loco alio eius dioecesis, in qua etiam Geltrudam principatum habuisse suum suspicari licet» (Codex Gertrudianus f. 9^{a}). Наконецъ, какъ имѣть довѣріе къ палеографическому сужденію лица, отъ вниманія котораго ускользнула разность написанія лигатуръ подъ перомъ реставратора, именно лигатуръ

$=r+t$ и $=s+t$? D-r Sauerland на л. 6ª кодекса читалъ «postas» вм. читаемаго «portas» и въ изданіи при словѣ поставилъ знакъ удивленія «!»: недосмотръ случайно вопіющъ потому, что въ одной и той же 6-й строчкѣ листа обѣ лигатуры на лицо. Именно: «Ad introitu ad *portas* aecclesię tuę confugio et pignora sanctorum tuorum *prostrata* indulgentio peto, precor et supplico и т. д. Есть и другіе промахи въ сравнительномъ изслѣдованіи моментовъ почерка, но будь это сказано отнюдь не къ упреку почтеннаго описателя Кодекса. Повторяю, зная мѣстныя условія пристальной штудіи пергамена, я преклоняюсь предъ точностью и обстоятельностью работы, которой мы обязаны тріерскому историку.

D-r Sauerland обстоятельно показалъ брошюровку всего кодекса, но не придалъ никакого значенія *отличію тетрадокъ* по содержанію въ себѣ листовъ. Всѣ тетрадки главнаго фрагмента *кватерніоны*, т. е. тетрадки изъ четырехъ пергаменныхъ пластовъ, перегнутыхъ пополамъ; тогда какъ всѣ тетрадки реставратора *биніоны*, т. е. составлены изъ двухъ пластовъ, перегнутыхъ пополамъ. Исключеніе составляютъ 5-я тетрадка— биніонъ, принадлежащая главному фрагменту, и 29-я тетрадка — терніонъ, принадлежащая реставратору. Составъ биніона въ 5-й тетрадкѣ оправдывается тѣмъ, что она была начальной въ Тріерской Псалтыри и служила спеціально дедикаціоннымъ миніатюрамъ. Составъ терніона въ 29-й тетрадкѣ оправдывается потребностью въ пергаменѣ для вставочнаго текста, потребностью, превышавшей биніонъ и не доходившей до двухъ биніоновъ. Надо замѣтить, что обычной вязкой книгъ была вязка въ кватерніоны. Биніонной и терніонной вязки въ XI в. я никогда не встрѣчалъ: биніоны и терніоны вообще очень рѣдки. Биніонную вязку нашего реставратора надо объяснять или *своеобразностью школы*, воспитавшей его, или *его личнымъ предпочтеніемъ* маленькихъ тетрадокъ, предпочтеніемъ, усвоеннымъ на его большой практикѣ реставрированія фрагментарныхъ книгъ. Такая спеціализація

очень понятна въ его время, когда книги больше реставрировались, чѣмъ вновь созидались. А предпочтеніе биніоновъ и, въ крайнемъ случаѣ, терніоновъ передъ кватерніонами тоже понятно: при затруднительности расчета, сколько потребно пергамена для той или другой вставки, конечно, легче имѣть дѣло съ биніонами. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что *замѣшательство въ расчетѣ какъ разъ было отличительной чертой нашего реставратора.* Биніоны присущи и календарному фрагменту въ Кодексѣ Гертруды; и *это даетъ поводъ думать о родственномъ происхожденіи этого фрагмента съ Молитвами Гертруды.* Его пергаменъ отличается высшей добротностью; болѣе мелкій минускулъ отличается порядочностью; самый обликъ письма двѣнадцати мѣсяцевъ синаксаря, писаннаго *сплошь* золотомъ [3]), говоритъ о роскоши, пристойной развѣ Тріерской Псалтыри, но никакъ не Кодексу Гертруды. Сказать, принадлежитъ ли одному лицу письмо календарнаго фрагмента и письмо Молитвъ Гертруды, я затрудняюсь; но скажу увѣренно, что *календарный фрагментъ писанъ въ другое время, и именно, раньше, въ другой обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ, тѣмъ же самымъ писцомъ или его товарищемъ по школѣ.*

III.

Когда я нанесъ на пустую карту Средней Европы тѣ пункты, съ которыми связывались календарныя памяти, то карта испестрилась отнюдь не характерно для того, чтобы уловить на ней контуръ какой-нибудь митрополіи, гдѣ былъ составленъ Календарь. Эта карта съ прихотливо разсѣянными на ней пунктами

---

3) D-r Sauerland сообщаетъ (стр. 30), что календарь писанъ не сплошь, а мѣстами золотомъ. Онъ впадаетъ въ ту же ошибку, что и я въ свою первую поѣздку. Во вторую поѣздку я замѣтилъ свое заблужденіе. Оно оправдывается тѣмъ, что отчасти золото выпорошилось, отчасти уже у писца не имѣло эффекта по самой природѣ красящаго состава.

календарныхъ памятей говорила мнѣ, что предо мной—не заурядный переписчикъ календаря, оснастившій свой оригиналъ памятями мѣстной святыни, а солидный менологъ съ широкимъ агіологич. горизонтомъ, менологъ, преподавшій годовой циклъ еортологіи XI в. со всѣми агіологич. памятниками ирландской культуры за весь ея пятивѣковый ходъ въ Средней Европѣ. Таково общее впечатлѣніе отъ внутренняго содержанія Календаря.

Всего меньше онъ имѣетъ отношеніе къ центру тріерской діоцезіи, что указываетъ на *непричастность этого фрагмента къ Тріерской Псалтыри*. Въ Календарѣ находимъ только двѣ памяти, пріурочиваемыя къ Тріеру: 1) Goaris presbyteri confessoris ad S. Goarem in agro Trevirensi († 575 г. пам. 6 іюля. Act. SS. Jul. II, 333) и 2) епископа тріерскаго Паулина († 358—360 гг. пам. 31 авг. Act. SS. Aug. VI, 676). Эти святые пользовались особой популярностью и входили въ календари, совершенно чуждые Тріеру. Какъ на примѣръ, укажу на *зальцбургскій* Календарь при Антифонаріи XI—XII в. зальцбургскаго монастыря Петра апостола [4]). Этотъ Календарь одинаково съ нашимъ имѣетъ изъ тріерскихъ памятей только Гоара и Паулина. Паулинъ заслужилъ себѣ большую календарную извѣстность своимъ противоборствомъ аріанству, а Гоаръ, пустынникъ тріерскій, обязанъ своей популярностью народному творчеству, залегшему въ основу его Житія, составившагося ок. IX в.

Какъ чужды другъ другу Календарь и Литанія [5]), убѣждаетъ

---

4) Ein Antiphonarium mit Bilderschmuck aus der Zeit des XI und XII Jahrh. im Stifte S. Peter zu Salzburg befindlich. Beschrieben und herausgegeben von Dr. Karl Lind. Wien. 1870. in 4^0.

5) Въ своей замѣткѣ на пергаменѣ Кодекса Гертруды Филиппъ della Torre первый указалъ на тѣсную связь «Универсальной литаніи» съ Тріер. Псалтырью. Рядъ именъ тріерск. святителей, слѣдующихъ въ Литаніи другъ за другомъ въ томъ же причудливомъ порядкѣ, какъ и на миніатюрахъ, раздѣляющихъ Псалтырь на 15 декадъ, убѣждаютъ *легко* всякаго въ несомнѣнности этой тѣснѣйшей связи; легко, говорю, потому что имена выдѣлены въ Литаніи золотымъ письмомъ (лл. 210^d—211^a). Оставалось загадочнымъ, почему и непосредственно слѣдующія имена еще восьми святыхъ тоже отмѣчены золотомъ. Dr. Sauerland на стр. 11 своего изслѣдованія обстоятельно разрѣ-

сравненіе ихъ содержанія: оказывается, что Календарь имѣетъ 270 памятей, совершенно неизвѣстныхъ Литаніи, а Литанія имѣетъ 135 именъ святыхъ, неизвѣстныхъ Календарю; другими словами, оба памятника въ $43\frac{1}{2}\%$ сходятся, а въ $56\frac{1}{2}\%$ расходятся въ почитаніи святыхъ. Замѣчу кстати ошибку, въ которую впадаютъ почтеннѣйшіе агіографы-болландисты, не разъ упоминающіе нашъ Календарь въ изданіи Альтана. Въ I части II тома «Ноября» (pag. 25 A), трактуя о давности занесенія въ календари памяти s. Pirmini abbatis, говорятъ: «Praeterea inter Kalendaria edita a Fred. Althano, Gertrudianum Treverense, *scriptum inter annos 979 et 993*». Изъ этого видно, что агіографы, согласно съ della Torre, *объединяютъ происхожденіе* Календаря и Тріерской Псалтыри (ср. сноску 2 и стр. 8, цитату).

Въ числѣ 358 памятей Календарь имѣетъ 12 господскихъ и богородичныхъ, а именно: Circumcisio domini 1 янв., Epiphania domini 6 янв., Purificatio s. Mariae 2 февр., Adnunciatio s. Mariae 25 мар., Resurrectio domini 27 мар., Inventio s. crucis 3 мая, Ascensio domini 5 мая, Transfiguratio domini 5 авг. [6]), Assumptio s. Mariae 15 авг., Nativitas s. Mariae 8 сент., Exaltatio s. crucis 14 сент. и Nativitas domini nostri 25 дек. Что касается до Пасхи 27 мар. и Вознесенія 5 мая, то эти праздники не опредѣляютъ времени написанія Календаря, такъ какъ это отнюдь не передвижные праздники, а историческія даты событій, добытыя апокрифическимъ путемъ. Впервые на это указалъ Piper [7]) и привелъ многихъ, впавшихъ въ ошибку, и между прочими Лаврентія

шилъ эту загадку объясненіемъ причинъ мѣстнаго въ Тріерѣ почитанія этихъ святыхъ, кромѣ восьмого, Генриха, остающагося и для него загадочнымъ («Heinrich bleibt rätselhaft»). Позднѣйшій святой Литаніи пріурочивается къ 784 г. (Pirminius, abbas et chorepiscopus, основатель знаменитаго монастыря Reichenau, пам. 3 ноября).

6) На эту особенность памяти въ Код. Гертруды указываетъ Piper, но другихъ календарей, повидимому, не знаетъ. Какъ на другую особенность, указываетъ Piper пам. Преображенія 27 іюля. Ferdinand Piper «Die Kalendarien und Martyrologien der Angelsachsen». Berlin. 1862. p. 16.

7) ib. pp. 17—21.

della Torre и Альтана, опредѣлявшихъ 981 годомъ время написанія Кодекса Гертруды, судивъ по Пасхѣ въ его Календарѣ [8]).

Позднѣйшая въ Календарѣ память пріурочивается къ 1004 г.

Это память 10 нояб. «S. benedicti. ysac. ioh(ann)is matth(aei) et xp (т. е. Christini [9])). Извѣстна она въ народномъ зовѣ подъ именемъ «пяти братьевъ» («ss. quinque fratrum»); чешская Хроника «tak řečeného Dalimila» прибавляетъ къ тому опредѣленіе «českych mníšków», а ея др. нѣм. версія возстановляетъ всю цѣлость дружины числомъ «шесть» («ses brudir vz Behemlant») [10]). Легенда чисто чешскаго народнаго происхожденія самой немудрой фабулы. Шесть братьевъ, Бенедиктъ, Исаакъ, Іоаннъ, Матѳей, Христинъ и Варнава спасались въ лѣсу: ѣли злаки; хлѣбъ—рѣдко, а мясо, сыръ, яйца и не называли; съ камнемъ подъ головой спали; говорить—совсѣмъ не говорили. И прослышалъ про святость ихъ князь польскій, Мешко. Прослышалъ и послалъ имъ серебра кучу, «aby jím své chudoby zbyli, za-ń snažně boha prosili». Порѣшили братья: серебро душѣ пагуба и въ пёкло скатертью дорога. И послали съ Варнавой серебро назадъ къ князю. Да почуяли разбойники деньги: напали на братьевъ и въ злобѣ всѣхъ перерѣзали, кромѣ шестого, что съ серебромъ пошелъ къ князю. Сказаніе попало во всѣ чешскія хроники, не миновавъ и почтеннаго Космы, оснастившаго сказаніе религіозной интерпретаціей; пробралось и на нѣмецкую народную почву др. нѣм. версіей, не утратившей первобытнаго чешско-національнаго характера; наконецъ запало въ горячую голову епископа-сакса Бруно-Бонифація и невѣроятно разрослось въ

---

8) Gori «Symbolae litterariae opuscula varia philologica etc.». Vol. IX. Florentiae. 1752, въ статьѣ Laurentii a Turre «De duobus Psalteriis Foroiuliensibus dissertatio», на стр. 190. Что до Althan'a «De calendar.», гдѣ впервые изданъ Календарь Кодекса Гертруды, то, къ сожалѣнію, я не могъ достать этого сочиненія.

9) «xp» обычная въ лат. рукописяхъ аббревіатура-грецизмъ (χρ) для корня «Christ-».

10) «Fontes rerum Bohemicarum» III, 75. (Прага. 1882).

«Vita vel passio ss. Benedicti et Iohannis sociorumque suorum», извѣстнымъ также подъ именемъ «Brunonis Vita quinque fratrum» [11]).

Что за аллегорія во множествѣ братьевъ и отсталости шестого? Что за сцена — польскіе дремучіе лѣса съ разбойниками и польскимъ представителемъ Мечиславомъ, своей благодѣтью отправляющимъ на тотъ свѣтъ дѣвственныхъ братьевъ? Что за странный ореолъ мученичества не за Христа, а за нестяжаніе, и въ обстановкѣ чисто восточнаго аскетизма? Не сложилась ли легенда въ борьбѣ стараго порядка чешской жизни съ новыми условіями нѣмецко-христіанской цивилизаціи? Народная фантазія привязала память къ 1004 году. И какъ характерно эта фантазія подѣлила трофей народной борьбы: «Quatuor autem fratres, повѣствуетъ Неплаха, scilicet Benedictus, Matheus, Iohannes, Ysaac, sepeliuntur in ecclesia Boleslauiensi (стало быть, въ ц. св. Вита, освященной уже Болеславомъ Окаяннымъ), sed quintus, scilicet Christinus, in ecclesia Olomucensi». Не подчеркивается ли здѣсь именемъ перваго Бенедикта sociorumque suorum громкое величіе Monte-Casino св. Бенедикта, гдѣ черпалась христіанская сила гнета нѣмецкой политики? не доносится ли въ имени послѣдняго одиночнаго Христина кроткое имя Христа, связанное съ проповѣдью сильнаго генія моравскаго просвѣтителя, крестившаго Боривоя? Не даромъ, вѣдь, и Бруно-Бонифацій водворяетъ братьевъ въ польскихъ лѣсахъ послѣ длинной прогулки изъ нѣдръ Monte-Casino; не даромъ и потребовалась пылкая фантазія ультрамонтана, фантазія, въ которой смогла бы утонуть песчинка народнаго творчества. Итакъ, какъ ни популярна календарная память «ss. quinque fratrum» въ католическомъ мірѣ вообще и

11) Издалъ Каде въ «Monumenta Germaniae historica», въ 1-й ч. 15-го тома «Scriptorum» (Hannoverae. 1887. in f.), pp. 709—716 съ предисловіемъ издателя. Перепечатано Войцехомъ Кентржинскимъ въ «Monumenta Poloniae historica» VI, 383—387 (Kraków. 1893. in 8°) со своимъ предисловіемъ. У Космы см. «Fontes rer. Bohem.» II, 56. См. хроники: рнемованную чешскую ib. III, 75; лѣтоп. Генриха von Heimburg ib. III, 309; хронику Neplacha, opata Opatovského III, 464 и 467 и Яна z Marignoly III, 588.

у поляковъ въ частности, намъ не мѣшаетъ считать эту память чисто мѣстною, пражскою, такъ какъ покоятся ихъ мощи въ Прагѣ, въ ц. свв. Вита-Вячеслава. Считать эту память мѣстной пражской побуждаетъ и то обстоятельство, что, кромѣ ея, Календарь имѣетъ еще четыре несомнѣнныхъ уже пражскихъ памятей. Именно: двѣ памяти св. Вячеслава кн. чешскаго 28 сент. и 4 мар., св. Людмилы, его бабки, 12 сент. и «dedicacio aecclae(siae) Sci uincezlaui mar(tyris)» 30 сент. Нѣтъ сомнѣнія, послѣдняя память имѣетъ въ виду ц. св. Вита въ Прагѣ, заложенную самимъ Вячеславомъ, но освященную только при Болеславѣ, или въ годъ смерти Исангрима, еп. регенсб., или при его преемникѣ, Михаилѣ, какъ повѣствуетъ Косма, указывая на 22 сент. [12]), по поводу перенесенія праха убитаго кн. Вячеслава. Разность показанія Космы и нашего Календаря въ датѣ освященія не даетъ вовсе повода видѣть и разность событій неоднократнаго освященія этой церкви (напр., освященія послѣ пожара въ 1091 г., о которомъ говорятъ Пражскія Лѣтописи [13]), или освященія въ 1143 г., о которомъ упоминаетъ D-r Sauerland на стр. 30—31). Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего, гдѣ устойчиво опредѣленное показаніе? длился ли праздникъ одинъ день, или 8 дней? а потомъ, не естественно ли думать, что неоднократно практиковавшееся освященіе ц. св. Вита всегда приноравливалось къ одному и тому же дню, именно, дню памяти перваго освященія, въ виду привычки народа ко дню празднованія; если естественно, то и освященіе въ 1143 г. днемъ 30 сент. вспоминаетъ день перваго освященія совершенно согласно съ показаніемъ нашего Календаря.

Память св. Вячеслава 28 сент. имѣетъ въ виду кончину князя, а 4 марта перенесеніе мощей («Translatio s. uincezlaui martyris). Память св. Людмилѣ чешской 12 нояб. въ Календарѣ

---

12) «Quid multa? X kal. Octobris (dne 22 září) dedicata est s. Viti martyris ecclesia, laetus repedat praesul (т. е. Михаилъ) ad propria». *Fontes rerum Bohemicarum*. II, 30 (изд. Палацкаго. Прага 1874).

13) Letopisy Pražské ib. tom. II. pars 2. p. 376: «1091. Monasterium Pragense sancti Viti incendio corruit».

читается «Liudmilae viro (sic)». Здѣсь отнюдь не «virg», какъ прочелъ D-r Sauerland, и что бы могло обозначать только virginis, не подходящее къ Людмилѣ: я читаю «viro» («o» внѣ сомнѣнія), какъ не дописанное писцомъ «viro suo viduatae», обычное выраженіе, которое совсѣмъ къ лицу Людмилѣ. Этой святой положено церковью двѣ памяти: кончина въ сентябрѣ и перенесеніе въ ноябрѣ. Емлеръ [14]) говоритъ, что память кончины, празднуемая теперь 16 сент., чтилась до 1245 г. 15 сент., тогда какъ память перенесенія 10 нояб. у него не колеблется. О древности памяти 10 нояб. свидѣтельствуетъ и Беда Дудикъ [15]), находящій пам. 10 нояб. и въ Календарѣ Подлажицкаго латин. кодекса, опредѣляемаго Дудикомъ 1239 годомъ. Итакъ нашъ Календарь свидѣтельствуетъ, что и эта память Людмилы колебалась и въ XI в. праздновалась 12 нояб. Въ данномъ случаѣ на колебаніе могла вліять отчасти и память св. Мартина: ихъ два, Мартинъ Туровскій 11 нояб. и Мартинъ папа 12 нояб., а въ народѣ память перенесенія называлась «Ludmila před sv. Martinem».

Есть въ Календарѣ Кодекса Гертруды еще особенности, которыя совпадаютъ съ особенностями пражскаго мѣстнаго календаря. Таковы памяти: *Willibrordi ep. Ultraiectensis et fundatoris coenobii Epternacensis* († 738) 6 нояб. вм. 7-го, какъ у Сирія; *Vitalis et Agricolae martyrum Bononiae* († 304) 27 нояб. вм. 4-го, какъ въ Acta SS. Boll.; *Reginae virg. mart. prope Veterem Alesiam, ubi nunc fanum s. Reginae, in ducatu Burgundiae* 20 іюня вм. 7 сент., какъ въ Acta SS. Boll. Емлеръ для праж-

14) Emler. «Rukověť chronologie křestanske zvláste české. Прага. 1876 Надо бы повторить это изданіе, такъ какъ достается оно антикварнымъ путемъ. Пожелаемъ новому изданію лучшей обработки агіологическаго отдѣла, такъ какъ въ теперешнемъ его видѣ мѣстная агіологія совсѣмъ не удовлетворительна и по скудости матеріала, и по неразличенію тезоименитыхъ памятей, и по неразличенію *нормы* отъ *особенностей* въ памятяхъ.

15) Beda Dudik. «Forschungen in Schweden für Mährens Geschichte». Im Auftrage des hohen mähr. Landesausschusses im Jahre 1851 unternommen und veröffentlicht. Brün 1852. Стр. 230. Podlažic былъ очень незначительный и въ крайне бѣдственномъ состояніи бенедиктинскій монастырь im Chrudimir Kreis Königr. Böhmen.

скаго календаря даетъ тѣ же самыя особенности; при этомъ относительно памяти Регины 20 іюня Емлеръ указываетъ на старочешскій Календарь кон. XV в. и на празднованіе въ пражской діоцезіи.

Итакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что *календарный фрагментъ Кодекса Гертруды писанъ для Праги и не раньше 1004 года*, къ которому приурочивается память перенесенія мощей *пяти братьевъ*, занесенная въ Календарь.

IV.

Перехожу къ другимъ чертамъ предлежащаго Календаря, именно, къ чертамъ, которыя бы мы вправѣ ожидать отъ пражскаго календаря и которыхъ не находимъ. Прежде всего нѣтъ въ немъ памяти славянскихъ первоучителей, что важно отмѣтить и вмѣстѣ съ тѣмъ легко объяснить. Ссылаюсь на свидѣтельство чешскаго ученаго Вондрака, что отсутствіе памяти славянскихъ первоучителей есть общее явленіе всѣмъ древнечешскимъ агіологическимъ памятникамъ до 1347 г.[16]). На этотъ фактъ легко смотрѣть, какъ на естественный отблескъ колорита цѣлой эпохи гнета чешскаго національнализма подъ ладонью св. Бенедикта, Monte Casino котораго было единственными пропилеями въ небесный рай, сулимый Римомъ. О памяти св. Прокопа, перваго аббата Сазавскаго монастыря († 1053), не можетъ быть рѣчи, такъ какъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ народнаго почитанія этого святого до канони-

16) «Die beiden Slavenapostel selbst kommen in Böhmen vor dem Jahre 1347 in den Missalien, Brevieren, Calendarien etc. nicht vor .... Im nächsten Jahre (1347) berief er (d. h. Karl IV) kroatische Mönche .... Seit diesem Jahre erscheinen auch, wie wir schon oben erwähnt haben, die beiden Slavenapostel in den Brevieren und Missalien, die für Böhmen bestimmt sind». *D-r W. Vondrák* Zur Würdigung der altslov. Wenzelslegende und der Legende vom heil. Prokop» (Sitzungsberichte der k. Akad. der Wiss. in Wien. Bd. 127. Wien. 1892. Ss. 10 und 53).

заціи, осуществившейся только въ 1204 г. Очень загадочно отсутствіе въ Календарѣ памяти св. Адальберта-Войтѣха, второго пражскаго епископа (983—97). Календарная норма этой памяти — 23 апр. (Act. SS. Boll.), а мѣстная календарная особенность ея — 24 апр., какъ видимъ то въ Зальцбургскомъ Календарѣ при Антифонаріи XI—XII в. монастыря Петра апостола въ Зальцбургѣ. Тѣмъ болѣе загадочно отсутствіе этой памяти, что 23 число апрѣля въ Календарѣ одиночно занято папой и муч. Гаемъ или Каемъ († 296; норма памяти 22 апр.), а *24 число оставлено вовсе безъ памяти*, что̀ для нашего Календаря составляетъ большую рѣдкость. Кромѣ памяти св. Адальберта, обращаетъ на себя наше вниманіе и отсутствіе памяти св. Вольфганга, регенсбургскаго епископа (972—94; память 31 октября; канонизованъ въ 1052 г.). Теперь я обращусь къ изслѣдованію внутренняго содержанія этихъ двухъ памятей съ тѣмъ, чтобы выяснить хронологическій признакъ въ отсутствіи ихъ въ нашемъ Календарѣ.

V.

Почитаніе св. Адальберта началось со дня его мученической кончины въ Пруссахъ, и предположить, что Календарь старше этой памяти, нельзя, такъ какъ тому мѣшаетъ память «пяти братьевъ», которая, несомнѣнно, XI в. Память св. Адальберта въ XI в. была такъ *жизненна*, что совершенно невѣроятной представляется возможность быть ей забытой *въ Прагѣ вообще кѣмъ бы то ни было, а внѣ Праги чехомъ, полякомъ или нѣмцемъ*. Знаніе наше о святомъ очень не достаточно; самый обликъ святого крайне смутенъ; дѣятельность его задорно загадочна; и тѣмъ не менѣе мы хорошо видимъ пыль-столбомъ тамъ, гдѣ прошелъ онъ свой жизненный путь; мы хорошо видимъ, что и ему смерть, какъ баснословному Фениксу самосгараніе до пепла, служила возрожденіемъ до пышнаго расцвѣта жизни въ идеѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Главными источниками нашего знанія о святомъ остаются два «Житія». Одно изъ нихъ приписывается Іоанну Канапарію, аббату монастыря свв. Бонифація и Алексѣя въ Римѣ, написано *ок. 999 г. и, какъ старшее,* служитъ знанію базисомъ [17]). Другое написано саксомъ Бруно-Бонифаціемъ Кверфуртскимъ († 1009) и важно отчасти большей освѣдомленностью, отчасти сопоставленіемъ одного и того же разсказа [18]). Іо. Канапарій сильно занятъ риторическими и агіологическими цвѣтами, изъ которыхъ плететъ надгробный вѣнокъ святому. За этими цвѣтами скрыта дѣйствительная личность пражскаго епископа, а его политическая дѣятельность и совсѣмъ утонула въ глубь пышнаго вѣнка. Остовъ этого вѣнка и составляетъ тотъ историч. источникъ, до котораго докапываться предоставлено историку.

Литература о св. Адальбертѣ довольно обширна, какъ можно то видѣть у *Potthast'a*, въ его «Bibliotheca historica medii aevi» [19]). Я не буду вдаваться въ обзоръ сочиненій изъ этого перечня и замѣчу вообще, что литература объ Адальбертѣ, при всей ея обширности, сильно страдаетъ бѣдностью въ уясненіи притаившейся за цвѣтами агіологіи важной исторической единицы, какой была для всего XI в. личность св. Адальберта. Лучшія силы историч. литературы были направлены въ область самихъ источниковъ о св. Адальбертѣ, а не о его личности, не о его значеніи. Къ сожа-

17) Acta SS. Boll. April. III, 178. Въ прекрасной серіи Ваттенбаха переводовъ нѣмецкихъ историческихъ первоисточниковъ «Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit». Zweite Gesammtausgabe. X-tes Jahrhundert. Siebenter Band: «Das Leben des Bischofs Adalbert von Prag». Nach der Ausgabe der *Monumenta Germaniae* übersetzt von D-r Hermann Hüffer. 2-te Auflage. Neu bearbeitet und durch die Leidensgeschichte vermehrt von W. Wattenbach. Leipzig. 1891. in 8°. XIV+54 стр.

18) Acta SS. Boll. April. III, 187. Hüffer (см. сноску 17) въ примѣчаніяхъ къ своему переводу канапаріевскаго «Житія» слѣдитъ за отличіемъ его отъ «Житія» бруновскаго.

19) «Bibl. hist. m. aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500». 2-te verbesserte und vermehrte Auflage. Berlin. 1896 (стр. 1134—6). Въ перечень не вошли общеисторическіе труды, останавливающіеся на Адальбертѣ, и это, по отношенію къ трудамъ Gfrörer'a, которыхъ касаюсь я ниже, составляетъ значительный пробѣлъ.

лѣнію, такіе видные историки, какъ *Wilhelm von Giesebrecht* [20]) и *Alfred von Reumont* [21]), визировавшіе въ сущности одну и ту же вѣху изъ діоптровъ съ разныхъ пунктовъ, говоря объ Адальбертѣ, дружно вторили затверженнаго Канапарія и отнюдь не отваживались проникнуть тайники агіологіи критикой ея данныхъ и съ ними оріентироваться въ историч. обстановкѣ того времени. Интересной попыткой освѣтить историческій обликъ св. Адальберта обязаны мы замѣчательному нѣмецкому историку *Gfrörer* [22]). Огромная историческая начитанность въ первоисточникахъ принесла ему завидное историческое знаніе, которое, благодаря массѣ запечатлѣвшихся деталей, отличается оригинальностью и замѣчательной живостью, картинностью историческаго представленія съ глубокимъ проникновеніемъ въ сущность событій. Однако и попытка Gfrörer'a не можетъ назваться удачной: историкъ не сводитъ концы съ концами, впадаетъ въ противорѣчіе и въ частностяхъ не понималъ изслѣдуемаго матеріала. Причина всему этому заключается въ томъ, что Gfrörer не достаточно разобрался въ житійныхъ данныхъ о св. Адальбертѣ и то эпическія, то агіологическія общія формулы выраженія склоненъ былъ возводить въ дѣйствительные факты.

Безспорна важность агіологіи для историка, но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что въ ней самой заключена солидная надежность историческаго матеріала, завѣренная народнымъ почитаніемъ, безъ участія котораго не могъ возникнуть самый культъ. Отсюда во всякомъ агіологическомъ памятникѣ наблюдаются два элемента: народный или фактическій, составляющій весь интересъ историка, и литературный или агіологическій элементъ, идеализующій фактъ облеченіемъ его въ общую евангельскую формулу. Историкъ не долженъ забывать этой спеціальной

20) «Geschichte der deutschen Kaiserzeit» I, 656 und 682—90 (Braunschweig. 1874).

21) «Geschichte der Stadt Rom» II, 302 und 303 (Berlin. 1867).

22) *A. Fr. Gfrörer.* «Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter». 5-ter Bd. (Schaffhausen. 1860) Ss. 605—626. Его же «Allgemeine Kirchengeschichte» 3-ter Bd. (Stuttgart. 1844).

своеобразности агіолог. памятника: она придаетъ историч. матеріалу иногда очень большую громоздкость и требуетъ отъ историка умѣнья вникнуть въ историческую суть и отъ нея получить исторически вѣрное впечатлѣніе о конкретной личности святого. Въ агіологіи сглаживаются индивидуальныя черты святого по той причинѣ, что индивидуальность его тонетъ, меркнетъ *въ блистаніи вѣчнаго бога, живущаго во святомъ и дѣйствующаго въ немъ.* Эта теократическая тенденція агіологіи формулируется въ словахъ 67-го Псалма,—«*дивенъ богъ во святыхъ его*» (именно: Θαυμαστὸς ὁ θεὸς ἐν τοῖς ὁσίοις αὐτοῦ, ὁ θεὸς Ἰσραὴλ, αὐτὸς δώσει δύναμιν καὶ κραταίωσιν τῷ λαῷ αὐτοῦ, εὐλογητὸς ὁ θεός». Пс. 67, 36). И не только индивидуальность святого растворяется въ общей формѣ евангельской добродѣтели: агіологич. цѣль, заключающаяся *въ проявленіи вѣчнаго бога,* подчиняетъ себѣ и житійную фабулу, отдѣльные моменты которой терпятъ абстракцію въ общую евангельскую идею. Эта абстракція житійной фабулы *въ систему евангельскихъ идей* зиждится на той идеѣ, что «*святъ только одинъ богъ, и онъ свою святость проявляетъ въ людяхъ*». Сравните Лев. 11, 44; 1 Петр. 1, 15—16; Иса. 62, 12; 1 Цар. 2, 2 и т. д., но первоначально въ Книгѣ «Левитъ». По евангельскому ученію, святость есть истина (Іо. 10, 36; 18, 37; 14, 17 и пр.). Если Гете озаряетъ насъ своимъ геніемъ, то, конечно, въ моментъ этого усвоенія мы сами становимся тѣмъ же Гете и нисколько не ниже его. Если богъ озаряетъ насъ своей святостью, то святы становимся и мы, пріобщаясь богу и оправдывая библейское ученіе «бози есте» (Пс. 81, 6; Іо. 10, 34). Пріобщать людей богу или «святить людей» (Иса. 62, 12) со временъ апостольскихъ стало спеціальной задачей церкви, и ядромъ ея культа стало «*воспоминаніе* (Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 24) *послѣдняго*» (Матѳ. 26, 29) общенія Христа-бога съ учениками его, т. е. «*таинство причащенія (святости)*». Вотъ откуда заимствовала агіологія свою основную идею,—изъ «литургіи вѣрныхъ», изъ того ея момента, когда «святость» предлагается людямъ возгласомъ «Святая святымъ» (Τὰ ἅγια τοῖς ἁγίοις), а причастники

святости исповѣдаютъ «Единъ святъ, единъ господь» (Εἷς ἅγιος, εἷς κύριος, Ἰησοῦς Χριστὸς, εἰς δόξαν θεοῦ-πατρὸς, ἀμήν). «Ἀληθῶς γὰρ εἷς ἅγιος, училъ Кириллъ іерусал., φύσει ἅγιος· ἡμεῖς γὰρ εἰ καὶ ἅγιοι, ἀλλ' οὐ φύσει, ἀλλὰ μετοχῇ, καὶ ἀσκήσει, καὶ εὐχῇ [23]). Итакъ «люди святы» (Иса. 62, 12) «не существомъ, какъ только одинъ богъ, а причастіемъ, подвигомъ и молитвой». Еще въ первыя времена христіанской церкви установилась тѣснѣйшая историческая связь культа мучениковъ съ таинствомъ евхаристіи, отправлявшимся при гробахъ мучениковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на самыхъ гробахъ; откуда и древнее названіе христіанскихъ храмовъ «μαρτύριον» или «μαρτύρια» и обычай до нашихъ дней при освященіи алтаря подъ его престоломъ класть мощи мучениковъ. Эта солидарность ясно выражена и въ проскомидіи, т. е. въ самомъ приготовленіи св. даровъ: изъ первой просфоры вынимается «частица», изображающая «св. агнца» (Иса. 53, 7) и полагается на дискосѣ; по правую сторону кладется «частица», вынутая изъ второй просфоры, въ честь богоматери, а по лѣвую укладываются въ три ряда по три девять «частицъ», вынутыхъ изъ третьей просфоры, въ честь *всѣхъ святыхъ вообще*. Здѣсь число «девять» обусловлено ученіемъ Діонисія Ареопагита о девяти чинахъ ангельскихъ, потому что въ Христовой церкви культъ святыхъ вытѣснилъ своей конкретностью абстрактный культъ ветхозавѣтныхъ ангеловъ. Какъ эти слиты были съ существомъ Iehóvah (высшій чинъ ангеловъ у Ареопагита такъ слитъ съ существомъ бога, что нельзя уловить раздѣльности) и выражали собой *безпредѣльность* бога, такъ агіологія обобщала подвигъ мученическій съ крестной смертью Христа и въ уста мучениковъ вкладывала рѣчь самого искупителя. «Азъ бо отъхождѫ отъ васъ, и отъселѣ не видите мене въ плъти (Матѳ. 23, 39)», говоритъ у агіолога мученикъ Василискъ братіи своей и матери. Какъ въ личныхъ чертахъ мученика рефлектировали въ глазахъ агіолога личныя черты самого искупителя міра, такъ въ обста-

23) Κατήχησις μυσταγωγική έ Кирилла іерус. въ изд. Antonii Augustini Touttaei pag. 331; Migne XXXIII, 1124.

новкѣ мученика строилась въ глазахъ агіолога обстановка совершенія таинства евхаристіи. Св. Капитону, епископу херсонскому и мученику, невѣрными предложено было для доказательства святости его ученія войти въ горящую печь безъ вреда для самого себя. Совершеніе этого завѣренія, по способу библейскихъ отроковъ передъ Навуходоносоромъ (Дан. 3, 96), агіологъ передаетъ въ обстановкѣ «литургіи вѣрныхъ»: пристѫпивъ же е҆п҃пъ къ е҆д҆ной пешти горѫштии҆, помоливъ сѧ и҆ прѣкръстивъ себе и҆ пешть҆, вь҆ н҃ѫже хотѣаше вь҆лѣсти, диꙗкоу рекшоу «вьнь҆мѣмь҆», вьлѣзе вь҆ пешть горѫштѫѭ [24]). Діаконскій возгласъ «вьнь҆мѣмь҆» (πρόσχωμεν) переноситъ насъ въ литургію вѣрныхъ, непосредственно передъ возгласомъ священника «Святая святымъ». Чѣмъ чище агіологическое произведеніе, т. е., чѣмъ свободнѣе оно отъ народнаго элемента, низводящаго его на степень «сказанія», тѣмъ строже служитъ своей идеѣ. Отсюда и свойство агіологич. произведеній—ихъ шаблонность, потому что все утопаетъ во всеобъемлющемъ единомъ богѣ, всѣ фабулы упрощаются въ направленіи одного Евангелія, которое одно, въ глазахъ агіолога, непремѣнно отыщетъ, обниметъ, и заключитъ бога, пребывающаго во святомъ. Эта шаблонность и была той причиной, что порождала извѣстное въ агіологіи явленіе, смѣшеніе культовъ, смѣшеніе лицъ святыхъ. Къ сожалѣнію, агіологическій отдѣлъ византійской литературы совсѣмъ не обслѣдованъ, а что еще хуже, мы не досчитываемся массы памятниковъ, безслѣдно пропавшихъ для насъ, когда византійская церковь переживала наиболѣе бурные дни своей идейности. Этотъ ощутительный недостатокъ и причиняетъ намъ ту помѣху въ стройности научно-историческаго обслѣдованія литургическаго генесиса агіологіи, который приходится больше угадывать à priori; ту, говорю, помѣху, что, дѣйствительно, ставитъ изслѣдователя въ положеніе, какъ въ дремучемъ лѣсу, по выраженію нѣмецкаго византолога Крумбахера [25]).

24) Супрасльская рукопись, старослав. пергаменъ XI в. въ изданіи русской Академіи Наукъ. 540, 28—541, 1.

25) *Karl Krumbacher*. «Geschichte der byzantinischen Litteratur». 2-te Auflage. München. 1897. S. 174.

Черты абстрактности въ агіологіи прямо роднятъ ее съ византійской церковью, которая, очутившись внѣ политической жизни государства, приняла и усвоила себѣ философское, абстрактное направленіе. Попавъ въ латинскій переводъ, дѣтище византійской церкви нашло себѣ подражаніе въ латин. литературѣ; но, если агіологія и на родной почвѣ сильно считалась съ народнымъ элементомъ, то на западѣ акклиматизоваться ей было и вовсе не подъ силу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если абстрактность визант. церкви обострялась въ явленіе иконоборства, то западная церковь вся погрузилась въ реализацію Христова ученія о царствѣ небесномъ *въ систему царствъ* на землѣ, объединенныхъ одной главой церкви; поэтому она должна была крѣпко держаться почвы и всякую идею силиться изобразить воочію то картиной, объяснявшей, напр., идею ветхозавѣтныхъ прообразованій, будь то на оконныхъ витринахъ церквей или въ такъ называемыхъ «Biblia pauperum», то еще болѣе грубо—изваяніемъ, которое уже и совсѣмъ *низводило мысль въ чувство*. Если визант. церковь требовала отъ сыновъ своихъ выспренняго отвлеченія помысла отъ суеты мірской къ небу; если воспитывала въ сынахъ своихъ строгій *аскетизмъ*, ничѣмъ не разнившійся у мірянина и отшельника, а въ семейный очагъ вносила чисто *церковную обстановку* съ массой иконъ, щеголявшихъ ризами и лампадами, обстановку, пропитанную запахомъ кипариса, масла и ладона; то церковь западная участливо нисходила въ самую суету міра, чтобы протянуть руку спасенія падшимъ въ этой суетѣ и *очистить ихъ покаяніемъ*. Вотъ характерная дѣятельность зап. церкви, обусловленная реальностью ея направленія; въ ней она спеціализовалась, какъ Византія въ аскетизмѣ, и мы, дѣйствительно, видимъ въ зап. церкви *тонкое развитіе дисциплины покаянія*, съ ученіемъ о чистилищѣ, институтомъ индульгенцій, т. е. со всѣмъ тѣмъ, чего настоятельно требовала суета міра. Эта разница церквей, ихъ діаметрально-противоположныя свойства и дали тотъ истор. результатъ, который легко наблюдается въ современныхъ чертахъ Востока и Запада на почвѣ агіологическаго знанія въ

народѣ. Мы знаемъ изъ обыденной жизни, какую важную роль играетъ въ представленіи о нравственности у нашего народа «хожденіе въ церковь»; и это имѣетъ свое историч. основаніе въ той воспитательной роли, какую въ древней народной жизни, такъ скудной проповѣдью, поученіемъ, игралъ самый процессъ богослуженія съ его конечнымъ результатомъ, общеніемъ съ богомъ, таинствомъ евхаристіи; въ той воспитательной роли, что впервые была высказана нашимъ славнымъ *Горскимъ* въ его лекціяхъ по церковной исторіи. Знаемъ изъ обыденной же жизни, и какъ народъ нашъ въ минуту подъема своего душевнаго настроенія тяготѣетъ къ монастырямъ; — историч. основаніе этому тяготѣнію надо искать въ томъ, что въ монастыряхъ народъ нашъ находилъ сугубое общеніе съ богомъ, потому что тамъ онъ внѣ часовъ богослуженія отдавался слушанію минейнаго чтенія житій святыхъ, этому суррогату св. причащенія. Отсюда и страсть нашего народа къ чтенію «божественному», къ которому онъ такъ рвется, какъ только выучится читать, и подъ которымъ онъ разумѣетъ агіологію. Отсюда же и то, что нашъ темный народъ и безъ грамоты умѣетъ выложить по пальцамъ весь годовой циклъ еортологіи, тогда какъ на Западѣ мы постѣснимся и ученому патеру задать вопросъ, какому святому празднуетъ онъ въ тотъ или другой день.

Обращаясь къ «Житію св. Адальберта», приписываемому Канапарію, аббату монастыря свв. Бонифація и Алексѣя, я вижу въ этомъ щеголеватомъ латинскомъ произведеніи абстрактный строй только что разсмотрѣнной мною византійской агіологіи, изъ категоріи прославленія святого по канону «преподобныхъ». И это важно: *агіологъ окружаетъ св. Адальберта ореоломъ не мученика, не святителя, но преподобнаго, а картиной общаго отъ Житія впечатлѣнія наноситъ на этого преподобнаго кистью агіолога штрихъ евангельскаго «нищаго духомъ»*. Вотъ глубина, вотъ тонкое пониманіе латинскаго автора византійской сути въ агіологіи. Что за дѣло, что авторъ хлещетъ насъ латинской риторикой, щеголяетъ Гораціемъ? Мы привыкли терпѣть риторику и въ греч.

«житіяхъ»; риторику, особенно донимающую насъ, когда она, исчезнувъ въ оригиналѣ, окоченѣлымъ трупомъ застыла въ славян. переводѣ такъ дословно, такъ неуклюже, что не даетъ намъ забывать риторическое свойство византійской агіологіи. И Горацій намъ не диковина: мы привыкли въ греч. «житіяхъ» къ цитатамъ изъ Гомера, а наши добрые предки до того освоились съ «еллинскими», т. е. языческими, гостями въ ассоціаціи византійскихъ идей о божествѣ, что гостепріимно отвели въ своихъ божественныхъ храмахъ цѣлый par-terre, что заняли Сивилла Дельфика, Омиросъ, Платонъ, Еврипидъ [26]). Можно сказать, Канапарій достойно занималъ мѣсто своего предшественника, славнаго умомъ Leo, друга св. Нила, того Нила, что своимъ поражавшимъ всѣхъ прозорливостью умомъ и огромной ученостью обнялъ литературу и греческую, и латинскую и воспарилъ надъ Византіей и Римомъ высоко-высоко съ девизомъ — нѣтъ мудрости греческой, нѣтъ латинской, она одна — отъ бога, источника истины, «святости». Выборъ «Житію» его автора Оттономъ III, врагомъ всего вуль-

---

26) Покойный учитель нашъ, Тихонравовъ, въ лекціяхъ о «Толковой Палеѣ», впервые имъ освѣщенной въ наукѣ, трактуя объ основной идеѣ стариннаго иконостаса въ русск. церквахъ и описывая самый нижній, шестой, ярусъ, имѣющій сравнительно малую величину и какъ бы подавляющійся всѣми остальными, говорилъ: «Это скорѣе полуярусъ, гдѣ подъ «мѣстными иконами» 5-го яруса или тябла помѣщаются въ древнихъ церквахъ особыя изображенія иногда по одному, иногда по два подъ каждой иконой изображенія, появленіе которыхъ на первый разъ представляется загадочнымъ: изображены греч. мудрецы, философы, сивиллы со свитками въ рукахъ, люди языческой эпохи, но предрекавшіе Спасителя. Въ древн. новгородскомъ монастырѣ, напримѣръ, подъ иконой Спасителя изображена Сивилла Дельфика со свиткомъ, на которомъ написано такое изреченіе: «отъ небеси царь пріидетъ во вѣки царствовать». Подъ другой иконой изображенъ Гомеръ въ вѣнкѣ, со свиткомъ въ рукахъ, на которомъ написано: «свѣтило на землѣ возсіяетъ во языцѣхъ», а сверху надпись— «Омиросъ». Въ другомъ монастырѣ, Вяжскомъ, подъ одной иконой изображенъ греч. философъ Платонъ со свиткомъ, на которомъ написано: «Аполлонъ нѣсть богъ, но есть богъ на небеси, ему же снити на землю и воплотитися». Подъ другой иконой помѣщенъ Еврипидъ со свиткомъ: «Азъ чаю неприкосновенному родитися отъ дѣвы и воскресити мертвыя, ихже суди». Такимъ представляется намъ и иконостасъ нашего стараго Успенскаго собора. Изъ университетскихъ записокъ, просмотрѣнныхъ профессоромъ (курсъ, читанный въ 1888—9 г.).

гарнаго, народнаго, почитателя ученаго Гериберта, слывшаго за чернокнижника, былъ очень удаченъ. Не даромъ и Бруно Кверфуртскій, авторъ второго «Житія», при всей своей «благопріобрѣтенной» освѣдомленности объ Адальбертѣ, почтилъ абстрактное агіологическое произведеніе Канапарія, *положивъ его себѣ въ основу*. Разница обоихъ Житій—небо и земля, и сочетаніе обоихъ памятниковъ для историка прямо драгоцѣнно. Однако, при всей конкретности въ чертахъ бруноновскаго Житія, оно дорого намъ, только какъ пособіе къ усвоенію Житія канапаріевскаго. Другими словами, я бы согласился лучше потерять первое, чѣмъ лишиться пользованія послѣднимъ. Освѣдомленности Брунона довѣряться надо осторожно, п. ч. какъ-разъ лица, близко стоявшія къ Адальберту, могли, уткнувшись въ стѣну, обонять кирпичъ, но не видѣть всей стѣны, изъ него сложенной; могли также и быть пристрастны или даже, просто, дурно поняты Бруномъ. Что до школьныхъ чертъ, сообщенныхъ имъ, какъ однокашникомъ Адальберта по школѣ, то эти черты сильно требуютъ нашей критики: вѣдь онѣ огульно перенесены на Адальберта изъ школьной сферы, доподлинно извѣстной Брунону, а не добыты имъ наблюдательностью юноши надъ юношей, который и необщителенъ былъ въ школѣ, и не былъ одного школьнаго возраста съ Бруномъ. Спокойныя условія сферы монастыря свв. Бонифація и Алексѣя, гдѣ такъ прижился Адальбертъ и оставилъ по себѣ живой духъ, надежнѣе.

Очень естественно историкамъ, привыкшимъ дословно понимать содержаніе документовъ изъ отдѣла такъ называемой дипломатики, впадать въ недоразумѣніе отъ дословнаго чтенія и памятниковъ агіологическихъ. Въ такое недоразумѣніе впалъ и почтенный историкъ Gfrörer, слабыхъ сторонъ котораго въ разсужденіи объ Адальбертѣ я и хочу теперь коснуться.

Изъ Житія Канапарія Gfrörer понялъ, что императрица Θеофанія *тайно* (clam) ссудила Адальберта казной, якобы на поѣздку епископа въ Св. Землю. «Haec comperto, повѣствуетъ Канапарій, quod gratia orationis exulans ille usque Hierosolimam

pergere vellet, *clam venire illum fecit* et argenti tantum, quantum juvenis Gaudentius (епископское имя Радима, бывшаго Адальберту до самой смерти неразлучнымъ другомъ, а по отцу и братомъ) *vix levare posset*, pro viatico accipere fecit. Quod (т. е. Адальбертъ) *eadem consequenti nocte pauperibus fideliter divisit, atque ab uno denario totum expendens, nil sibi retinuit.* Gfrörer, принимая все это за фактъ, сопоставляетъ съ выраженіемъ Брунона (который, надо замѣтить, по оцѣнкѣ Hüffer'a, былъ неуклюжъ въ латыни) «omnia *secutura* nocte pauperibus expendit» и говоритъ: «Die Form auf-*urus* kann bekanntlich die fernste Zukunft bezeichnen: quid sum miser tum (am jüngsten Tage) dicturus, quem patronum rogaturus». И все это клонится у историка къ тому, чтобы посчитаться съ агіологической формулой заключеніемъ: «Meines Erachtens ist das Geschenk der Kaiserin allerdings — aber erst nach ihrem Tode — Armen zugewendet worden (V, 612)». Gfrörer хотѣлъ видѣть въ побѣгѣ Адальберта изъ Праги въ Римъ заранѣе обдуманное намѣреніе, вызванное кознями императрицы (тайная ссуда денегъ). Θеофанія хотѣла поставить римскую церковь въ такое отношеніе къ императорской власти, въ какомъ была восточная церковь, по отношенію къ власти своего βασιλέως, и тѣмъ создать себѣ ту деспотическую обстановку, въ какой Θеофанія родилась и воспиталась. Усвоивъ себѣ такой взглядъ на побѣгъ Адальберта, Gfrörer впадаетъ въ противорѣчіе, если самъ признаетъ, что въ Житіи Θеофанія представлена особой добродѣтельной, безъ намека на какія-нибудь ея козни. Не ясенъ и исходъ предполагаемой историкомъ интриги Θеофаніи. «Mit dem Augenblicke (т. е. съ посѣщеніемъ Monte Casino), entschlüpfte der Czeche den Schlingen der Griechin. Но гдѣ же «entschlüpfte»? если Адальбертъ вскорѣ бѣжитъ отъ монтекасинцевъ съ видомъ презрѣнія къ нимъ; бѣжитъ къ базиліанамъ, т. е. въ лоно восточной церкви, въ Vallilucium, къ св. Нилу Новому. Въ III т. своей «Allgemeine Kirchengeschichte», на стр. 1521, Gfrörer такъ думалъ о побѣгѣ Адальберта изъ Monte-Casino къ св. Нилу: «Der Verkehr Adalbert's mit Nilus erweckt in mir den

Verdacht, als sey Ersterer schon dámals in einen geheimen Plan, die slavische Kirche vom teutschen Joche zu befreien und dadurch Teutschland zu schwächen, eingeweiht gewesen». Странное «подозрѣніе» ослабляется не категорическимъ «eingeweiht gewesen», которое отнюдь не говоритъ еще, что Адальбертъ самъ сочувствовалъ тому, во что былъ тайно посвященъ. Однако самая просьба бѣглеца принять его въ среду базиліанъ, стало быть, на лоно восточной церкви, убѣждаетъ насъ, что Gfrörer подозрѣвалъ Адальберта въ прямомъ участіи освобожденія чешской церкви отъ нѣмецкой, бывшаго первымъ шагомъ къ освобожденію родины отъ нѣмецкаго ига. Тогда вышеприведенное «entschlüpfte der Czeche den Schlingen der Griechin» сбиваетъ насъ съ толку, говоря, что Адальбертъ поддавался антиримской интригѣ Ѳеофаніи, что рисуетъ его въ положеніи «услуги двумъ господамъ». Нѣтъ, Адальбертъ былъ «нищій духомъ» съ характерной для него чертой прямолинейности, и интриганство не вяжется съ его личностью, не вяжется и съ симпатіей къ Адальберту Gfrörer'а, которую онъ такъ ясно и всюду выражаетъ.

Канапарій ввелъ Ѳеофанію въ «Житіе» съ чертами добродѣтели. Такой взглядъ автора «Житія», на никому не симпатичную, по своей деспотичности, императрицу совершенно оправдываетъ установившійся взглядъ, что «Житіе» написано Канапаріемъ по заказу императора Оттона III, сына Ѳеофаніи, тогда уже умершей: долгомъ автора было отвѣсить «вѣжливый» поклонъ заказчику Житія, и всего приличнѣе было облечь этотъ поклонъ въ форму добраго помина матери императора, отыскавъ въ ней добродѣтель, именно, въ ея озабоченности спасеніемъ души своего умершаго супруга, отца заказчика «Житія». Ѳеофанія расточаетъ милостыню, какъ «задушное» за Оттона II, съ чертами евангельской добродѣтели «тайно творить милостыню» (Матѳ. 6, 2—4). Случившійся въ то время въ Римѣ тогда уже пресловутый своимъ благочестіемъ епископъ Праги входитъ естественнымъ посредникомъ между императрицей и бѣдными, принимаетъ отъ нея деньги и раздаетъ ихъ въ ту же ночь нищимъ «до послѣдняго динарія, ни-

чего себѣ не утаивая». Итакъ, «die Linke weiss nicht, was die Rechte der Theophanò thut, wenn sie Almosen gibt (Matѳ. 6, 3)», слѣдовало понимать Gfrörer'y слова «*clam* venire illum fecit»; и не было бы повода историку, такъ вѣрующему въ честность Адальберта, удивляться растратѣ полученной суммы и ломать голову надъ тѣмъ, что Адальбертъ «eadem consequenti nocte pauperibus fideliter divisit, atque ab uno denario totum expendens, nil sibi retinuit». Послѣдняя добавка Канапарія характерна для того времени, вѣка симоніи, обуявшей «и всѣхъ, и вся»; когда безкорыстіе было такой рѣдкостью, когда около денегъ проваливалась всякая добродѣтель, когда въ Римѣ нельзя было найти человѣка, который бы не воспользовался положеніемъ раздатчика суммы, ассигнованной на бѣдныхъ; было такое время, когда надо было Канапарію подчеркнуть «eadem consequenti nocte» и «nil sibi retinuit», если онъ хотѣлъ выставить необыкновенное нестяжаніе пражскаго епископа. Что касается до словъ «argenti tantum, quantum juvenis Gaudentius vix levare posset», то это простая формула эпической гиперболы; и никто не въ правѣ нарекать за гиперболу, такъ какъ представленіе громадности и субъективно, и обусловлено и временемъ, и обстоятельствами. Мы должны помнить, что та же Ѳеофанія поссорила своего супруга Оттона II съ его родной матерью, мягкосердой бургундкой Adelheid, на той почвѣ, что она растрачивала государственную казну на милостыню нищимъ. «Pro viatico» не можетъ означать путевыхъ издержекъ на самого Адальберта: онъ не былъ въ положеніи ищущаго средства для осуществленія задуманной и уже предпринятой поѣздки въ Іерусалимъ; ни строгій аскетизмъ епископа не мирился съ тратой болѣе или менѣе значительной суммы на комфортъ въ пути. «Pro viatico» рисуетъ одно, что епископъ былъ уже на подъемѣ въ путь и потому милостыня Ѳеофаніи предназначалась не именно для бѣдныхъ Рима, а вообще на добрыя дѣла «по дорогѣ» въ Іерусалимъ. Торопливая раздача этой суммы бѣднымъ въ Римѣ была очень естественна въ виду нужды бѣдняковъ Рима, отъ которыхъ идти прочь для исканія другихъ бѣдняковъ было и не-

лѣпо, и могло привести къ нареканію, что деньги употреблены, не вѣдомо на что.

Gfrörer, погруженный въ мысль объ интригѣ Θеофаніи въ соучастіи самого Адальберта, видитъ въ рѣчи монтекасинцевъ къ епископу желаніе ихъ не раскрыть въ глазахъ Адальберта вздорность паломничества, какъ душеполезнаго предпріятія, а отклонить епископа отъ соучастія въ антипапской интригѣ Θеофаніи, интригѣ, почему-то сопряженной съ Іерусалимомъ. Я приведу эту рѣчь изъ Житія.

«Viam, *inquiunt*, quam acquirendae beatitudinis causa coepisti, longe est a recta via et ab illa quae ducit ad vitam. Perplexitatibus quippe fugacis saeculi carere magni animi est; sed cotidie loca nova mutare minus laudabile est. Sicut enim hiberni maris inconstancia malum nautis, ita vagacio de loco in locum periculum suis sequacibus minatur. Stare autem loco et supernis usibus eo liberius perfrui, non nos, sed praecepta majorum virorumque fortium exempta tibi dicunt».

Начитанному Gfrörer'у неопредѣленно слышался въ этой рѣчи монтекасинцевъ голосъ св. Іеронима (ок. 340—420) и не безъ основаній. Самая манера рѣчи, картинность сравненія въ ней изъ обстановки мореплаванія, такъ излюбленной Іеронимомъ [27]), указываетъ на происхожденіе рѣчи монтекасинцевъ тѣмъ болѣе, что сборникъ Іеронимовыхъ посланій въ средніе вѣка былъ излю-

---

27) Его біографъ, Otto Zöckler, профессоръ богословія zu Giessen, такъ характеризуетъ эту черту. «Es lässt sich dafür namentlich der Umstand geltend machen, dass da, wo er gewisse Lieblingsgedanken oder Bilder wiederholt, er ihnen immer, wo möglich, eine etwas veränderte Gestalt, eine irgendwie neue Wendung und Einkleidung zu ertheilen bemüht war. So kehren gewisse von der See und den Seefahrten hergenommene Bilder — von den Gefahren und Schrecken der hohen See, von ihren Stürmen, von sichern Hafen, von der Ausrüstung und Bemannung der Schiffe, u. s. w. — überaus oft in seinen Schriften wieder, aber so, dass ihre Ausführung fast jedesmal eine eigenthümliche ist, und seine Gabe zu zierlichen Schilderungen nach irgendeiner neuen Seite hin kennen lehrt». «Hieronymus». — Sein Leben und Wirken aus seinen Schriften dargestellt von Lic. Dr. Otto Zöckler. Gotha. 1865. Seite 335.

бленной книгой [28]). Однако самый обликъ учителя зап. церкви, этого сильнаго приверженца аскетизма, этого насадителя на Западѣ идей восточнаго монашества, Іеронима, силой слова и дѣла увлекавшаго за собой римскихъ матронъ на Востокъ, — этотъ обликъ плохо вяжется въ представленіи съ идеей, направленной противъ паломничества во св. Землю. Тѣмъ не менѣе почтенному историку не обманчиво слышался въ рѣчи монтекасинцевъ голосъ св. Іеронима. Въ его посланіяхъ однажды рѣшительно сказался точно капризъ минуты, когда Іеронимъ рѣшительно высказался противъ переселенія въ Іерусалимъ монаха Паулина, который подъ вліяніемъ словъ Спасителя (Матѳ. 19, 21), продавъ имѣніе свое и раздавъ нищимъ, хотѣлъ идти по стопамъ Христа и просилъ у Іеронима совѣта и наставленія въ аскетизмѣ. Іеронимъ, одно время старавшійся склонить римскую матрону, Марцеллу, къ переселенію во Св. Землю, Іеронимъ, одно время такъ цѣнившій экстазъ Павлы отъ посѣщенія св. мѣстъ въ Палестинѣ и такъ живо описывавшій впечатлѣніе св. подвижницы,—этотъ Іеронимъ писалъ теперь Паулину на тему, что не въ томъ дѣло, чтобы жить въ Іерусалимѣ, а въ томъ, какъ жить въ Іерусалимѣ; что господь не только въ Св. Землѣ, но всюду; что царство божіе въ самихъ людяхъ (Лук. 17, 21); что въ нихъ самихъ храмъ божій, и духъ святой живетъ въ нихъ (2 Кор. 6, 16). «Antonius, убѣждалъ Іеронимъ [29]), et cuncta Aegypti, et Mesopotamiae, Ponti, Cappadociae, et Armeniae examina monachorum non viderunt Ierosolymam, et patet illis absque hac urbe paradisi janua. Beatus Hilarion, cum Palaestinus esset, et in Palaestina viveret, uno tantum die vidit Ierosolymam, ut nec contemnere loca sancta propter viciniam, nec rursus Dominum loco claudere videretur. И вслѣдъ затѣмъ силится Іеронимъ умалить ореолъ Св. Земли. Ab Hadriani temporibus usque ad imperium Constantini, per annos circiter centum octoginta, in loco Resurrectionis

28) *Adolf Ebert.* «Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande». Leipzig. 1874. I, 184.

29) Epistola 58 (scripta an. 395 vel circiter) ad Paulinum. *Migne* (series lat.) XXII, 580—582.

simulacrum Iovis; in Crucis rupe statua ex marmore Veneris a gentibus posita colebatur: existimantibus persecutionis auctoribus, quod tollerent nobis fidem resurrectionis et crucis, si loca sancta per idola polluissent. Bethleem nunc nostram (тамъ жилъ Іеронимъ въ основанномъ имъ монастырѣ, обокъ съ монастыремъ, основаннымъ Павлой), et augustissimum orbis locum de quo Psalmista canit — Veritas de terra orta est (Пс. 84, 12), lucus inumbrabat Thamuz, id est, Adonidis, et in specu, ubi quondam Christus parvulus vagiit, Veneris amasius plangebatur. Все это ослабляло впечатлѣніе отъ св. мѣстъ, можетъ быть, у самого Іеронима, но, конечно, не могло ослабить стремленія въ Св. Землю у людей вдали отъ нея. А вотъ, наконецъ, и то, въ чемъ собственно видѣлъ проповѣдникъ аскетизма несоотвѣтствіе Іерусалима подвигу аскета. «Si Crucis et Resurrectionis loca non essent in Urbe celeberrima, in qua curia, in qua aula militum, in qua scorta, mimi, scurrae, et omnia sunt, quae solent in caeteris urbibus: vel si monachorum turbis solummodo frequentaretur, expetendum revera hujuscemodi cunctis monachis esset habitaculum. Nunc vero summae stultitiae est renuntiare saeculo, dimittere patriam, urbes deserere, monachum profiteri, et inter majores populos peraeque vivere quam eras victurus in patria. De toto huc orbe concurritur. Plena est civitas universi generis hominum: et tanta utriusque sexus constipatio, ut quod alibi ex porte fugiebas, hic totum sustinere cogaris». Вотъ физіогномія центра Св. Земли: судилище, казармы, публичныя дѣвки, скоморохи и шуты свойственны Іерусалиму одинаково со всѣми населенными городами; а стеченіе сюда со всего свѣта людей всякаго званія производитъ такую сутолоку людей обоихъ половъ, отъ которой впору бѣжать.

Голосъ св. Іеронима, отрезвлявшій христіанскій міръ отъ увлеченія Св. Землей, не былъ единиченъ; и взглядъ на Іерусалимъ, не какъ на мѣсто спасенія, а какъ на мѣсто, котораго слѣдуетъ бѣжать, у Іеронима отнюдь не оригиналенъ. Еще у Аѳанасія Алдрійскаго († 371), въ Житіи Антонія Великаго [30]),

30) *Migne* (series lat.) LXXIII, 125.

случайно выражена была мысль, что царство божіе въ самихъ людяхъ (Лук. 17, 21), и что нѣтъ нужды предпринимать путешествія ради царства небеснаго, нѣтъ нужды ѣхать за море для подвига благочестія; но у Григорія Нисскаго († 390) вопросу о вредѣ паломничества въ Іерусалимъ посвящено особое посланіе «къ другу», вопросившему епископа Ниссы о подвигѣ паломничества въ Св. Землю. Это посланіе извѣстно подъ заглавіемъ «Περὶ τῶν ἀπιόντων εἰς Ἱεροσόλυμα (начало—'Επειδήπερ ἠρώτησας, ὦ φίλε, διὰ τοῦ γράμματος, πρέπειν ᾠήθην περὶ πάντων σοι καθεζῆς ἀποκρίνασθαι»)[31]). Прямо вслѣдъ за приведеннымъ началомъ Григорій оспариваетъ мнѣніе о каноничности подвига паломничества въ Іерусалимъ, взглядъ на этотъ подвигъ, какъ на долгъ христіанина, какъ на нѣчто заповѣданное самимъ богомъ. Это вступленіе говоритъ намъ, что былъ такой взглядъ и былъ уже въ IV в. Правда, въ посланіи выражена категорія людей «τῶν τὸν μονήρη καὶ ἰδιάζοντα βίον ἐπανῃρημένων», среди которыхъ жилъ импровизированный канонъ; но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ византійской церковью, гдѣ подвигъ аскета не былъ чуждъ и мірянамъ, гдѣ жизнь мірянина отличалась отъ жизни мниха такъ же, какъ отличается разсѣянный дневной свѣтъ отъ яркаго свѣта солнечныхъ лучей, гдѣ все, что преподавалось мниху, на усъ моталось и мірянину. Монастырскія стѣны имѣли, вѣдь, ворота, и явленіямъ въ жизни не было нужды диффундировать сквозь стѣны. Итакъ Григорій въ своемъ посланіи опредѣляетъ самый источникъ взгляда на паломничество, а не обособляетъ кругъ обращенія этого взгляда. Отринувъ каноничность въ происхожденіи разсматриваемаго Григоріемъ подвига а вмѣстѣ съ каноничностью и связанную съ ней душеполезность, епископъ переходитъ къ указанію вреда отъ паломничества. Этотъ вредъ онъ видитъ въ нарушеніи правилъ благопристойности, правилъ, что вообще заповѣданы всѣмъ въ жизни, и мужчинамъ и женщинамъ, а въ жизни, полной умосозерцанія, и особенно обостряются въ харак-

31) *Migne* (ser. graeca) XLVI, 1009—16 (S. Gregorii Nysseni epistola II).

терное свойство (: Ἡ σεμνὴ πολιτεία πᾶσι πρόκειται, καὶ ἀνδράσι καὶ γυναξὶν, ἴδιον τοῦ κατὰ φιλοσοφίαν βίου, ἡ εὐσχημοσύνη). Если бы въ пути слѣдованія въ Іерусалимъ, разсуждаетъ Григорій, можно было совершенно обособить мужчинъ отъ женщинъ, не страдала бы и благопристойность; но природная слабость женщины требуетъ мужской помощи въ пути и не допускаетъ обособленія: то нуждается женщина въ совѣтѣ, то въ защитѣ противъ грубой силы, то въ помощи взобраться на мула или слѣзть съ него. Кто бы ни оказывалъ услугу, знакомый ли, или наемникъ, безъ грѣха дѣло не обойдется, ибо, разъ ввѣрила себя женщина чужому или своему мужчинѣ, она не устоитъ въ предѣлахъ сдержанности (οὔτε γὰρ τῷ ξένῳ ἑαυτὴν προσαναπαύουσα, οὔτε τῷ ἰδίῳ, τὸν τῆς σωφροσύνης φυλάττει νόμον). Григорій указываетъ и на неустроенность городовъ и гостинницъ Востока съ полной неозабоченностью въ противленіи злу отъ совмѣстности обоихъ половъ въ пути: кому въ дыму не разъѣдаетъ глазъ? услышитъ ли ухо, подмѣтитъ ли глазъ что непристойное (τὰ ἄτοπα), какъ ему не пройти въ сердце? какъ окунуться въ грязь чувственности и выйти изъ нея чистымъ? Наконецъ, Григорій разбиваетъ и самую иллюзію паломничества. Чего же ищетъ паломникъ въ тѣхъ мѣстахъ? какъ будто господь и до сихъ поръ пребываетъ тамъ тѣломъ; какъ будто духъ святой въ плѣну у обитателей тѣхъ мѣстъ и не можетъ досягнуть до насъ. Какъ видѣть тамъ особую милость божію, гдѣ такъ сильно зло среди жителей тѣхъ мѣстъ, такъ силенъ порокъ?

Сопоставленіе обоихъ увѣщаній, Григорія и Іеронима, не противится мысли, чтобы Іеронимъ въ посланіи къ Паулину былъ подъ вліяніемъ Григорія Нисскаго. Вообще говоря, учитель зап. церкви не отличается самобытностью, оригинальностью: мнѣ представляется его талантъ талантомъ штудіи, т. е. огромной способностью въ *усвоеніи* идеи, или схваченной ухомъ, или добытый ученымъ трудомъ надъ пергаменомъ и папирусомъ. Это былъ большой почтенный труженикъ науки, вѣчно возсоздававшій, но не создававшій; иначе, съ талантомъ преподавателя, комментатора, попу-

ляризатора. Мало вяжется съ Іеронимомъ сѣрый налетъ у него на Іерусалимъ, и нѣтъ въ посланіи къ Паулину силы убѣжденія, рѣзкой категоричности, какую видимъ въ посланіи Григорія къ «другу», и какую мы въ правѣ ожидать отъ христіанскаго цицерона [32]). Замѣтимъ, что Іеронимъ въ бытность свою въ Константинополѣ былъ ученикомъ не только Григорія Назіанзена († 389), но и Григорія Нисскаго [33]).

Итакъ «Stare autem loco et supernis usibus eo liberius perfrui, non nos, sed praecepta majorum virorumque fortium exempta tibi dicunt», заключалась рѣчь монтекасинцевъ къ Адальберту, по сообщенію Канапарія. Стало быть, въ «praecepta majorum virorum» надо разумѣть ссылку на Аѳанасія Александрійскаго, Григорія Нисскаго и Іеронима. Но что же значитъ, что рѣчь вложена агіологомъ въ уста не одного лица, какъ будто хоровая рѣчь? и не скажу за Gfrörer'омъ, что Адальбертъ приниженъ содержаніемъ увѣщанія, умѣстнымъ больше въ обращеніи къ склонному къ бродяжничеству, чего за Адальбертомъ отнюдь не водилось; но скажу, что самая дидактика монаховъ, какъ будто въ стачкѣ, дѣйствительно, неприлична и не допустима передъ лицомъ епископа (вѣдь, Адальбертъ и бѣжалъ изъ Monte Casino потому, что тамъ видѣли въ немъ епископа, а не рядового монаха, какъ хотѣлось Адальберту, и какъ смотрѣли на него въ монастырѣ свв. Бонифація и Алексѣя). Если поученіе въ Monte Casino запало въ душу Адальберта, если оно отвратило его, по свидѣтельству агіолога, отъ тяжелаго подвига паломника; то эту рѣчь хоромъ надо понимать *формальнымъ выраженіемъ той сути*, что не довѣрявшій себѣ Адальбертъ, убаюканный спокойной тишиной монастырской жизни на Monte Casino, самъ пришелъ въ разладъ съ собою; самъ искалъ въ монастырѣ то того, то другого изъ монаховъ, внушавшихъ ему до-

32) *Zöckler.* «Hieronymus» стр. 323.

33) Ibid. pag. 83. Сравните «Geschichte des Kirchenvaters Hieronymus». — Sein Leben, seine Zeit, seine Schriften und seine Lehre. Nach dem Französischen des *F. Z. Collombet* bearbeitet von *Fr. Lauchert und A. Knoll.* Rottweil a. N. 1846. Seite 167.

вѣріе; самъ вызывалъ ихъ на то, чтооы высказались они въ своемъ мнѣніи о предпринятомъ уже имъ подвигѣ. Въ тотъ моментъ, когда умъ неиниціатора Адальберта искалъ прививки чужой идеи, а воображеніе рисовало величественный силуэтъ авторитета, въ такой моментъ умозрѣніе Адальберта крѣпко смыкалось въ кругъ, въ который уже не попадала, не врывалась никакая позднѣйшая мысль; Адальбертъ казался упорнымъ, но въ сущности, попадалъ на рельсы и законно катился, куда-бы рельсы ни завертывали. «Non nos, sed praecepta . . . . и т. д. звучало. било въ мозгъ, импульсировало пассивную натуру.

Въ монастырѣ Monte Casino, какъ и въ другихъ монастыряхъ Запада, въ X и XI вв. мнѣніе противъ паломничества стало ходячимъ мнѣніемъ. По отношенію къ монастырской жизни, оно было выраженіемъ наступившей реакціи тому возбужденію къ паломничеству, что возникло, конечно, въ монастырской же жизни (этотъ источникъ прослѣживается, по крайней мѣрѣ, уже и на томъ, что голоса Григорія и Іеронима обращены къ монахамъ). Обосновалась эта реакція на принципѣ монастырской осѣдлости и на практическомъ интересѣ монастырей приковать округу къ своей святынѣ. Не одни только отцы церкви, но съ ними и лучшіе представители духовенства давали иниціативу борьбы противъ сильно развившагося паломничества въ Іерусалимъ и Римъ. Оба эти направленія къ поклоненію были одинаково стары, и оба эти паломничества одинаково успѣли внѣдриться въ оффиціальную церковь на Западѣ, вошедъ въ неподвижный канонъ, именно, мѣрой эпитимьи покаянія. Въ этомъ былъ тормазъ; въ этомъ сказалось то сопротивленіе, что обусловило укоснительное движеніе новой идеи, косность реакціи; однако новое явленіе жило настолько бойко въ общественной жизни, что проникало и на русскій Востокъ черезъ неизмѣнные пропилеи для Запада, Новгородъ. Въ XII в. въ немъ уже ясно различаются отзвуки съ Запада. «А иже се, рѣхъ: идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томь грѣхъ?» спраши-

ваетъ Кирикъ новгородскаго епископа Нифонта и получаетъ отвѣтъ: «Велми, рече, добро твориши: да того дѣля идеть, абы порозну ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече»[34]). Мнѣ не извѣстно, чтобы посланіе Григорія Нисскаго къ «другу» было въ славянскомъ переводѣ; а въ латинскомъ оно было; и изъ нашей древней литературы не слышится такого мнѣнія о паломничествѣ: оттого и представляется мнѣ въ приведенномъ отрывкѣ вѣяніе Запада. Тамъ паломничество съ IV в. уже успѣло такъ состариться, что маленькое зерно благочестія, какъ снѣжная лавина, росло въ огромную массу распутства. Со Св. Земли приносилась масса диковинныхъ вѣстей въ родѣ той, что въ 870 г. франкскій монахъ Bernhard съ двумя товарищами по паломничеству, монахами же, испанцемъ и италіанцемъ, принесли въ Европу о чудесномъ самовозженіи лампады у гроба господня[35]). Такія вѣсти разжигали любопытство любителей сильныхъ ощущеній, которыхъ была, конечно, масса, подавлявшая число людей благочестія. И старъ и младъ, и знатный и простолюдинъ, и мірянинъ и монахъ,—кто не былъ падокъ на неизвѣданное, кто не готовъ былъ оторваться отъ обыденной жизни, чтобы расшевелить чувства наплывомъ новыхъ ощущеній въ праздной толкотнѣ на дорогѣ? Будь главнымъ импульсомъ паломничества не лёгонькое чувствишко толпы, развѣ Римъ перетянулъ бы къ себѣ вниманіе паломниковъ на счетъ массы, шедшей въ Іерусалимъ, а теперь затруднявшейся опасностями отъ сарацинъ? развѣ гоненіе на христіанъ убило христіанство, а не служило ему? Развѣ не задолго раньше до зарожденія первой иниціативы крестовыхъ походовъ въ папѣ Сильвестрѣ II, развѣ тогда не раздавались жалобы на чудовищно разросшееся зло паломничества, напримѣръ, жалобы св. Бонифація на распутные дома по пути богомольцевъ, дома, полонившіе паломниковъ больше, чѣмъ тюрьмы по-

34) «Вопрашаніе Кюриково, еже въпраша епископа новгородьского Нифонта и инѣхъ». Историч. Христоматія Ѳ. Буслаева (Москва. 1861), стр. 386.

35) *Guilelmus Malmesbiriensis* Libri V de rebus gestis regnum Anglorum. IV. c. 2.

ганыхъ? «Diese liederlichen Häuser des Festlandes waren mit englischen Dirnen angefüllt, *die als Pilgerinnen* ihre Heimat verlassen hatten. In einem Briefe an den Erzbischof von Canterbury klagt Bonifacius, dass es kaum eine grössere Stadt in Longobardien, Francien und Gallien gebe, in der sich nicht englische Huren umtreiben»[36]). И *Ioh. Gieseler* имѣетъ въ виду развратъ среди паломниковъ, когда говоритъ: «Wallfahrten nach Rom und nach Palästina, wie die besonders von Petrus Damiani empfohlene Heisselbusse, waren empfindlicher, aber für die Sittlichkeit wenig vortheilhafter»[37]). Развратъ среди паломниковъ былъ такъ силенъ, что строились въ борьбѣ противъ разврата странноприимные дома для сбереженія людей отъ язвы порока, что, наконецъ, и оффиціально раздалось запрещеніе пускаться въ путь безъ разрѣшенія епископа. Въ 45-мъ канонѣ Шалонскаго собора (conc. Cabilonense) 813 года запрещалось паломничество въ Римъ и Туръ (мѣсто поклоненія св. Мартину) и другія мѣста: Nam et a quibusdam, qui Romam Turonumve, et alia quaedam loca sub praetextu orationis inconsulte peragrant, plurimum erratur. Sunt presbyteri et diacones et ceteri in clero constituti, qui negligenter viventes, in eo purgari se a peccatis putant, et ministerio suo fungi debere, si praefata loca attingant. Sunt nihilominus laici, qui putant se impune peccare aut peccasse, quia haec loca oratoria frequentant, — non attendentes quod ait b. Hieronymus: «*Non Hierosolymam vidisse, sed Hierosolymis bene vixisse laudandum est*» (въ приведенномъ выше посланіи къ Паулину). Qui vero peccata sua sacerdotibus, in quorum sunt parochiis, confessi sunt, et ab his agendae poenitentiae consilium acceperunt, si orationibus insistendo, eleemosynas largiendo, vitam emendando, mores componendo, Apostolorum limina, vel quorumlibet Sanctorum invisere desiderant, horum est devotio modis omnibus collaudanda»[38]).

36) *Gfrörer.* «Allgemeine Kirchengeschichte» III, 447.

37) *Gieseler.* «Lehrbuch der Kirchengeschichte» II, 293—4 съ источниками подъ страницей.

38) *Jo. Dominicus Mansi.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Tomus XIV.

Въ 16-й главѣ постановленій въ засѣданіяхъ собора zu Seligenstadt въ 1022 г., въ редакціи участника собора, вормскаго епископа Burchard'a (иначе, Buggo 1000—1025) читаемъ: «*Von denen so nach Rom gehen wollen.* — Die heilige Synode hat bestimmt, keiner soll nach Rom gehen, als mit Erlaubniss des Bischofs oder dessen Vicares»[39]).

VI.

По агіологическимъ даннымъ, Адальбертъ рисуется очень и очень простенькой личностью. Я попытаюсь въ этомъ параграфѣ представить очеркъ ея. Прежде всего просится на ея оттѣненіе *штрихъ болѣзненной нервозности*, выражающейся въ необыкновенно глубокой впечатлительности; и такой, что разъ извѣстное впечатлѣніе западало въ душу Адальберта, оно такъ овладѣвало ею, что другому впечатлѣнію уже не было мѣста. Эта нервозность, вѣроятно, была патологическимъ послѣдствіемъ сильнаго въ дѣтствѣ страданія, отмѣченнаго въ «Житіи». Рядомъ съ этимъ штрихомъ нераздѣльно ложится *штрихъ полнѣйшей бездарности*, выражающейся въ полномъ отсутствіи всякой иниціативы духа. Это отсутствіе прослѣживается прежде всего въ падкости натуры подъ вліяніе людей, успѣвшихъ раньше другихъ произвесть на нее впечатлѣніе. Адальбертъ не дѣлаетъ ни шагу впередъ безъ таинственнаго мистика въ Прагѣ, привязывается къ дядькѣ своему, Радлѣ-Анастасію, и Радиму-Гауденцію, побочному сыну Адальбертова отца, такъ, что ихъ представить безъ Адальберта или, лучше, Адальберта безъ нихъ нельзя. Мистикъ, толкователь сновъ Адальбертовыхъ,—стало быть, источникъ житейской про-

39) *Anton Joseph Binterim.* «Pragmatische Geschichte der deutschen Concilien» III, 494 (Mainz. 1837).

ницательности впередъ а вмѣстѣ и духовныхъ побужденій; практическій Радла, врагъ всякой заоблочности,—стало быть, элементъ почвенности въ поступкахъ; наконецъ, нѣжно-чувствительная, покорная, привязчивая натура Радима, съ чертами близкой (кровной) родственности мягкой натурѣ самого Адальберта, личность цѣльная и въ крохотномъ абрисѣ совершенно законченная;—стало быть, почва самоудовлетворенія Адальберта или та призма, сквозь которую проходили всѣ лучи свѣта и покрывали все неприглядно-суровое въ жизни той полоской спектра, въ которой прихотливо главенствовалъ розовый цвѣтъ, и снищевались остальные цвѣта; — вотъ тотъ маленькій мирокъ, что царилъ въ душѣ Адальберта и всецѣло заполонялъ ее; вотъ тотъ психическій коллективъ, что обрекалъ «нищаго духомъ» на необыкновенную пассивность на житейскомъ поприщѣ. Такому нищему духомъ написано было въ «Книгѣ Живота» нестись съ поднятой головой по земному пути прямо въ заповѣданное Евангеліемъ царство небесное, никогда въ землю головы не опускать и предоставить заботливой судьбѣ стряпать ту идею, носителемъ которой станетъ Адальбертъ или, точнѣе, имя, оставшееся по немъ. Случилось однажды, что этотъ психическій коллективъ разстроился, и выпалъ одинъ изъ его элементовъ: Радла успѣлъ обособиться жизнью и тепло пристроиться въ Венграхъ. Смотрите, какъ мечется Адальбертъ и шлетъ въ Венгрію то въ ту, то въ другую сторону рѣшительные призывы къ себѣ руководителя съ дѣтскихъ лѣтъ: точно совсѣмъ остановились функціи какихъ-то двигательныхъ нервовъ, толкавшихъ Адальберта впередъ. Наука была тяжелымъ бременемъ Адальберту, и отъ нея отмахивался онъ, какъ отъ назойливо приставшей мухи. Сколько по́рокъ приняло бѣдное тѣло въ отчемъ домѣ; жестокая порка не перестала преслѣдовать Адальберта и въ Магдебургской школѣ: тамъ ученый Отрихъ, представитель и гордость школы, принималъ эту крутую мѣру противъ того изъ питомцевъ, кто осмѣливался латинской рѣчи предпочитать свою родную. Дѣло въ томъ, что Otrich пользовался отмѣнной славой учителя

а, по языку, сравнивался съ Цицерономъ[40]). Мы не видимъ и школьныхъ привязанностей Адальберта и вѣримъ «Житію», что былъ Адальбертъ въ товарищахъ букой. Какъ Отрихъ или Отельрихъ ни былъ знаменитъ, однако Магдебургская школа ничего не дала Адальберту, кромѣ имени, и отрыгнула его, какъ неудобоваримое; потому что школа Радлы и обстановка огромной родной семьи, кишившей женами и дѣтьми отъ нихъ Адальбертова отца, уже заполонили душу Войтѣха. Свойство поднятой нервозности на почвѣ полной бездарности дало ту видимую черту упорства, что уживалась съ мягкой натурой Адальберта и была той душевной неподвижностью, съ какой Адальбертъ, попавъ въ извѣстную лунку не покидалъ ея ни подъ какимъ толчкомъ въ жизни и, крѣпко-на-крѣпко умастившись, былъ индифферентенъ ко всѣмъ неровностямъ судьбы, бившихъ въ лунку. Таковъ общій очеркъ личности, что обречена была судьбой на сосудъ героизма. Да, героизмъ не ищетъ себѣ непремѣнно грандіозной вазы и часто-часто мирится съ простенькой плошкой, въ которой свободнѣе пылаетъ его пламя.

Вся безталанная судьба Войтѣха построилась на знатности его происхожденія. Съ самыхъ пеленъ пассивная жизнь Адальберта неизмѣнно шла, покорно согнувшись подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ. Не успѣла она даже замереть въ силу внутреннихъ, своихъ причинъ, которыя бы обусловили естественный расходъ нанѣтъ жизненной энергіи. Нѣтъ, безропотно запнулась она и стала на вѣки, покорная капризу извнѣ; запнулась точно по командѣ «стой». Знатность происхожденія служила Войтѣху тѣмъ огромнымъ парусомъ, что гармонировалъ не съ утлымъ тѣломъ Войтѣха, а съ грандіозностью сути историческихъ событій, дувшихъ въ этотъ парусъ. Эти выбивали пульсъ не Войтѣха, конечно, а жившей эпохи, въ концѣ которой и запропастилась громкая память имени Адальберта. Славниковы были очень знатны и очень богаты,—двѣ координаты, которыя ясно опре-

40) *Büdinger*. Ueber Gerberts wissenschaftliche und politische Stellung (Inaug.-Dissertation). Marburg (Cassel) 1851. Ss. 54 ff.

дѣляютъ положеніе точки; два условія, съ которыми не затеривается жизнь человѣка въ житейскихъ волнахъ людской миріады. По историческимъ даннымъ, добытымъ за послѣднее время[41]), ясно опредѣлилось свѣтское положеніе Войтѣха Славникова: онъ былъ племянникомъ (nepos) чешскаго князя Вячеслава, того умнаго и тонкаго политика, что съ плечъ Оттона II не только взнесся къ небесамъ римско-католическаго міра, но отразилъ въ себѣ небесный свѣтъ и русскаго созвѣздія въ лицѣ мучениковъ Бориса и Глѣба. Вотъ ордината точки, если ея абсцисса—богатство Славниковыхъ, не жалѣвшихъ «серебра, золота и подарковъ» славному учителю Отриху, поровшаго юношу, но не забывшаго выдѣлить его изъ среды, наградивъ вѣскимъ въ то время именемъ Адальберта, именемъ самого архіепископа магдебургскаго (968—81).

Адальбертъ-Войтѣхъ принадлежалъ всецѣло второй половинѣ X вѣка. Съ нею склонялось къ горизонту лучезарное солнце нѣмецкой имперіи, Отто Великій, жившій теперь въ своихъ преемникахъ, сынѣ и внукѣ. Но солнце это, утопая теперь въ небосклонѣ, кокетливо посылало свои прощальные лучи безъ практическаго согрѣва, съ одной только призрачностью величія солнца. Житейская арена Адальберта вся совпала съ временемъ этой призрачности солнца, съ временемъ Оттона III, который не царствовалъ, а весь углубился въ самообольщеніе своимъ происхожденіемъ отъ великихъ предковъ, Оттона I (936—73) и Василія Македонянина (867—86); какъ ребенокъ, игралъ своими золотыми кудрями и весь-весь отдался фантазіи отъ розказней сказокъ о чудесномъ Римѣ.

Итакъ, говорить ли мнѣ теперь о крохотной лодочкѣ, у которой только и было, что два бока, носъ да корма; или говорить о томъ ея огромномъ парусѣ, въ который надувалось такъ много сѣ свѣта? Я перейду къ парусу.

---

41) *Pekař.* «Nejstarší kronika česká» въ журналѣ «Český časopis historický», vydávají Jar. Goll a Ios. Pekař. Ročnik VIII. Sešit 4. V Praze. 1902.

VII.

Далеко въ глубь вѣковъ простиралась позади Адальберта эпоха, душой которой была идея *совмѣстнаго роста* государствъ и куріи. Вѣчный Римъ, покинутый въ IV в., оттого не умеръ. Чахла Византія, сказочно раззолоченная Востокомъ, дышала на ладонъ традиціей Рима, кичилась именемъ Новаго Рима; но пробилъ часъ, и время скосило жизнь, оторвавшуюся съ почвы въ высь. И осталась по Византіи одна идея, идея вѣчности, да искусство, неподвижное и необъятное, какъ сама вѣчность. Вѣчный городъ не умеръ съ тоски, а свободно вздохнулъ всей грудью и освѣжился новой жизнью да съ такой силой, что *сталъ собою кругомъ животворить*. Предоставивъ новой царицѣ Востока страдать мегаломаніей и витать въ идеѣ вѣчности, истый Римъ, Римъ реальный, ничего не имѣя за собою, обратился къ утилизаціи воздуха, отыскавъ въ немъ пропасть углерода, который, вѣдь (говорятъ химики), совсѣмъ тожественъ и углю, и графиту, и брилліанту;—стало быть, можно было и безъ горъ золота Востока быть сытымъ по горло и воздухомъ. Такъ обусловилась въ міровой жизни людей идея *совмѣстнаго* роста государствъ и куріи.

Поближе къ Адальберту, на протяженіи вѣковъ, рисовалось время христіанской культуры, вѣявшей съ заброшенныхъ береговъ Англіи въ Среднюю Европу. Вотъ первая половина VIII вѣка. Христіанская культура совсѣмъ въ разгарѣ и шлетъ трудолюбиваго англо-сакса Винфрида-Бонифація († 755), чтобы онъ посѣялъ здоровое сѣмя христіанства среди нѣмцевъ. Не лазилъ Винфридъ въ небо за Христомъ, не ловилъ звука его имени, а рылъ землю и въ ней искалъ вездѣсущаго; вѣрилъ, что и въ язычникѣ богъ, что и варваръ человѣкъ. Сказано, что царство божіе внутри человѣка (Лук. 17, 21), и искалъ Винфридъ этого царства, чтобы свое богатство слить съ богатствомъ ближняго, чтобы шире было царство божіе, чтобы шире лилось море любви. Зналъ Винфридъ, что трудъ единитъ человѣка съ чело-

вѣкомъ, и сталъ единиться съ варваромъ въ трудѣ, не поминая чуждаго варвару Христа, не всаживая богочеловѣка извнѣ, а выжидая, когда осѣнитъ темную душу любовь, т. е. самая сущность Христа. То былъ брилліантъ, добытый изъ воздуха разумомъ Григорія Великаго и слугой его Августиномъ съ товарищами въ далекой отъ Рима странѣ англо-саксовъ. Проповѣдь Винфрида была точнымъ отблескомъ проповѣди апостола Павла; т. е. была сильно смочена потомъ тяжелаго ручного труда (Дѣян. 18, 3; 20, 34; 1 Кор. 4, 12; 1 Сол. 2, 9), горячо согрѣта любовью къ человѣку безъ различія *племени* и состоянія (1 Кор. 13, 1—13; Рим. 3, 22 и 29; 10, 12—13; 1 Кор. 12, 13; Гал. 3, 28), и, какъ Павелъ былъ близокъ въ проповѣди къ Петру, такъ Винфридъ первый въ исторіи христіанской культуры *сталъ льнуть къ авторитету Рима*, высившагося надъ гробницами Петра и Павла. Вотъ какъ характеризуетъ Gieseler самого Бонифація: «слишкомъ высокое мнѣніе (Ueberschätzung) о внѣшнемъ церковномъ единствѣ и церковныхъ постановленіяхъ и глубокое благоговѣніе къ римскому престолу, безъ котораго онъ ничего не предпринималъ, составляютъ основныя черты въ характерѣ Бонифація»[42]). Эта характерная черта Винфрида внесла въ его апостольскій трудъ ту политическую пригодность къ жизни, съ какой выхоженная англо-саксомъ майнцская митрополія политически развилась въ могущественную нѣмецкую имперію.

А вотъ и совсѣмъ уже близко къ Адальберту, совсѣмъ къ ногамъ его, стылу, стелется иная полоса времени, *время христіанской цивилизаціи*. То была культура, а это—цивилизація. То былъ продуктъ, добытый изъ воздуха, а это—реализація цѣнности продукта. Блескъ добытаго Римомъ брилліанта влѣплялся въ корону свѣтской власти, чтобы ослѣплялась блескомъ толпа, питаясь «хлѣбомъ небеснымъ», а себѣ Римъ на этотъ брилліантъ вымѣнивалъ земную сытость. Итакъ, время христіанской цивилизаціи. Она должна была врываться силой въ дѣвственный бытъ славянскихъ

42) *Gieseler*. Lehrbuch der Kirchengeschichte. 3-te Auflage. Bonn. 1831. II, 22[1].

народностей и вносить съ собой организованный строй государственности, жившей среди нѣмцевъ. Другими словами, должна была ширяться на сѣверъ и востокъ нѣмецкая имперія. И она ширилась. Вразумила ее ширяться въ этомъ направленіи страна саксовъ, страна Генриха I и трехъ Оттоновъ, страна Бруно-Бонифація, Widukind'a и Thietmar'a, страна патроната св. Вита, страна, про которую Widukind сказалъ, что она «изъ рабы стала свободной, изъ обязанной трибутомъ вассала стала повелительницей многихъ народовъ», стала такой благодаря св. Виту, какъ утверждалъ Widukind. Итакъ участіе нѣмецкой имперіи въ христіанской цивилизаціи славянъ вызвано было потребностью защиты имперскихъ границъ. Это и опредѣлило характеръ цивилизаціи, именно, какъ функцію сѣверныхъ нѣмецкихъ марокъ, т. е. характеръ цивилизаціи «огнемъ и мечемъ». Дорого стоило имперіи ея цивилизаторство; тяжелымъ бременемъ отозвалось оно на ея внутреннемъ бытѣ; а ходъ цивилизаціи шелъ такой медленной поступью впередъ, что естественно было возникать вопросу, стоило ли выигранное проиграннаго. Если Бруно-Бонифацій не ставилъ этого вопроса, то только потому, что самъ былъ душой этой цивилизаціи, достойнымъ ученикомъ Магдебургской школы, восторжественно аплодировавшимъ товарищу по школѣ, когда тотъ хотябы и подневольно, пассивно, но отбылъ завѣтъ школы. Но не буду навязывать вопроса современникамъ, скажу даже à prіorі, онъ былъ имъ чуждъ, какъ сынамъ времени: мнѣ важно отмѣтить, что ходъ цивилизаціи былъ тугъ, требовалъ необыкновеннаго напряженія, сосредоточивалъ въ сѣверныхъ маркахъ жизненную энергію имперіи, ослаблялъ эту энергію внутри государства, утомлялъ имперскія силы, требовавшія отдыха, требовавшія правленія здраваго практика Генриха II. Тараномъ пробитая брешь сама засыпалась своимъ же мусоромъ, который и свезти было некуда безъ помѣхи своему же движенію. Необыкновенное напряженіе силъ имперіи на эту Сисифову работу перенесло центръ тяжести въ политикѣ на сѣверъ, въ Магдебургъ, положеніе котораго на Эльбѣ, на границѣ славянъ и сак-

совъ, опредѣлило все его значеніе. Это былъ пустой поселокъ, даже не городъ, и имя его случайно объявилось въ исторіи временъ еще Карла Великаго. Теперь Отто Великій вдохнулъ въ Магдебургъ свой духъ цивилизатора славянскихъ народностей, и поселокъ превратился въ «urbs regia», какъ предпочтительно называетъ Widukind, скажу, главный лагерь цивилизаторовъ. «Еще въ 962 г. настаивалъ Отто у папы на письменномъ согласіи съ планомъ учрежденія новыхъ епископскихъ каѳедръ среди славянъ, въ подходящемъ для того мѣстѣ, и при этомъ имѣлъ уже въ виду Магдебургъ, какъ центръ митрополіи, а Merseburg однимъ изъ ея суффрагановъ. Скоро послѣ Пасхи 967 г., на соборѣ въ Равеннѣ, передъ папой и соборомъ, держалъ рѣчь Отто о крайней необходимости учрежденія среди славянъ епископскихъ каѳедръ со своей митрополіей по ту сторону Эльбы для укрѣпленія христіанства, съ такимъ трудомъ и опасностью насажденнаго; и говорилъ, что мѣсто митрополіи, именно, въ Магдебургѣ, такъ какъ нѣтъ болѣе соотвѣтственнаго мѣста, какъ въ немъ, расположенномъ на границѣ славянъ и саксовъ и обладающемъ всѣми средствами господствованія. Соборъ согласился со взглядомъ императора, и оставалось только добиться уступки самаго мѣста, входившаго въ территорію епископа von Halberstadt, да соизволенія майнцскаго архіепископа на уступку суффрагана. Ни того, ни другого не было на соборѣ, и дѣло затянулось; но императоръ заручился теперь буллой Іоанна XIII, соизволявшей подъему магдебургской церкви на степень митрополіи славянскихъ земель съ подчиненіемъ ей епископовъ von Brandenburg und Havelberg и учрежденіемъ въ подходящихъ мѣстахъ новыхъ каѳедръ, именно, въ городахъ Merseburg, Zeiz и Meissen». Такъ говоритъ историкъ Польши Zeissberg[43]). Епископъ Bernhard von Halberstadt († въ февр. 968 г.), по

43) *Heinrich Zeissberg.* «Miseco I (Mieczysław) der erste christliche Beherrscher der Polen» in «Archiv für österreichische Geschichte» herausgegeben von der kais. Akademie der Wissenschaften. Bd. XXXVIII (Wien. 1867). Ss. 71—2.

оцѣнкѣ Zeissberg'a, «былъ личностью ограниченной и до высшихъ цѣлей не поднимавшейся»; архіепископъ же Wilhelm von Mainz († 2 марта 968 г.) былъ побочнымъ сыномъ Оттона I отъ одной славянки и, можетъ быть, потому не сочувствовалъ высокимъ нѣмецкимъ цѣлямъ. Не нашедъ себѣ сочувствія, Отто долженъ былъ ждать смерти обоихъ, чтобы получить согласіе отъ преемниковъ, епископа Hildiward и архіепископа Hatto, въ которыхъ Отто не нашелъ помѣхи. Къ пяти намѣченнымъ въ буллѣ суффраганамъ новой митрополіи примкнула и каѳедра въ Познани, резиденціи польскаго герцога Мѣшки I. Эта каѳедра возникла тогда же, въ 968 г., если не раньше, но безъ участія въ томъ Оттона. Такъ думаетъ Zeissberg. Центромъ Магдебурга сталъ монастырь св. Маврикія. Грамота Оттона на основаніе этого монастыря относится еще къ *21 сент.* 937 г. Такъ старо было тяготѣніе Оттона къ Магдебургу, патрономъ котораго сталъ не св. Витъ, а *св. Маврикій съ дружиною.* Культъ этотъ древностью не простирается далѣе V вѣка, но начало его положено было легкой рукой Евхерія, епископа лугдунскаго († 454); и культъ необыкновенно разросся въ Европѣ. Меня не упрекнутъ почитатели, если я этому культу въ Европѣ подыщу нѣкоторое подобіе въ циклѣ нашихъ былинъ. Очень сложный культъ и плохо выдерживаетъ критику агіологовъ. Основа этого вѣтвистаго культа держится на примицеріи Маврикіи, пострадавшемъ при Максиміанѣ за то, что *призванный со своимъ легіономъ избивать христіанъ отказался отъ этой службы.* Важно отмѣтить, что реализація культа сосредоточилась на копьѣ самого Маврикія; и стало оно эмблемой распространенія христіанства и служить королевской реликвіей. Послѣднее потому, что королевская корона шла отъ папы за водвореніе христіанства, какъ совмѣстно съ тѣмъ во имя дуумвирата исходилъ отъ папы и санъ архіепископа, собственно, какъ послѣдній оффиціальный актъ сформированія новоприсоединенной къ Риму церкви, о чемъ у меня рѣчь впереди. Эмблемой распространенія христіанства стало копье св. Маврикія потому, что оно неслось впереди войскъ христіан-

ской цивилизаціи, какъ ихъ знамя. Съ другой стороны, у объекта цивилизаціи нашлась тоже эмблема, эмблема противленія христіанству,—это изображеніе «сварожичей», носившееся передъ полчищами славянъ. Въ вѣрованіи о загробной жизни сварожичи были у славянъ въ роли τοῦ Κερβέρου грековъ и Cerberi римлянъ, т. е. самымъ первымъ аттрибутомъ мѣста переселенія душъ умершихъ. Отсюда и содержаніе эмблемы: активное, т. е. обѣщавшее смерть противнику (совершенно какъ копье св. Маврикія) и, что тоже возможно, пассивное, т. е., выражавшее твердое рѣшеніе славянъ самимъ умереть, въ виду того страшнаго истребленія славянскихъ племенъ, въ которомъ нѣмцы не свободны отъ нареканія. Какъ бы то ни было, но риторическое противопоставленіе обѣихъ эмблемъ на языкѣ X—XI в. означало войну съ цѣлями христіанской цивилизаціи. Въ письмѣ Бруно-Бонифація къ Генриху II покойный Zeissberg [44]) обратилъ вниманіе на слова, между прочимъ точно цитованныя увѣщателемъ изъ его же «Vita s. Adalberti». Содержаніе письма составляетъ увѣщаніе не преслѣдовать Болеслава Храбраго, съ которымъ Генрихъ II велъ шестнадцатилѣтнюю войну, и у котораго теперь сидѣлъ Бруно въ ожиданіи своей миссіи къ пруссамъ. Какъ прежде миссія Адальберта, такъ теперь и Брунона содержала, кромѣ проповѣдническаго элемента, и элементъ воинскій, снаряженіе котораго и представляло теперь затрудненіе, по случаю военнаго времени. Убѣждалъ Бруно Генриха неприличіемъ поведенія христіанскаго короля, идущаго на христіанъ избивать ихъ копьемъ св. Маврикія, да еще и рядомъ несомаго со «сварожичами». И дѣйствительно, замѣчается въ лѣтописяхъ брюзгливость вассаловъ короля къ союзнику его, несшему впе-

44) *H. Zeissberg.* «Die öffentliche Meinung in XI Jahrhundert über Deutschlands Politik gegen Polen» in «Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien» XIX-ter Jahrgang (Wien. 1868). Erstes Heft. Ss. 83—100.

Тоже въ его же статьѣ «Die Kriege Kaiser Heinrich's II mit Herzog Bolesław I von Polen» in den « Sitzugsberichten der kais. Akademie der Wissenschaften zu Wien (philos.-histor. Classe), Bd. LVII. Ss. 265—432.

реди себя поганыхъ сварожичей, а самая война со стороны Генриховыхъ войскъ отличалась внутренней пассивностью и тянулась въ общемъ больше съ неудачами Генриха, чѣмъ Болеслава. Стало быть, доводъ Брунона *жилъ и во мнѣніи тогдашняго общества.* Изъ польской хроники, приписывавшейся Мартину Галлу, Zeissberg приводитъ военную пѣсенку, пѣтую въ походѣ на Болеслава III нѣмецкими солдатами, трунившими надъ своими неудачами. Весь сарказмъ заключается въ томъ самомъ общественномъ мнѣніи, именно, что богъ благословляетъ походъ Болеслава, грозы язычниковъ, и, храня его за это свойство, покрываетъ неудачами войну нѣмцевъ. Культъ св. Маврикія путался и на Востокѣ, но западный культъ шелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ изъ Рима, на что указываетъ первоначальное распространеніе культа лугдунскимъ епископомъ Евхеріемъ, носившимъ имя одного изъ воиновъ легіона Маврикія. Одного изъ воиновъ легіона Маврикія почему-то облюбовалъ особымъ почитаніемъ и Отто I: этому воину, по имени Иннокентію, императоръ посвятилъ церковь въ Магдебургѣ. Маврикій и Иннокентій примкнули въ почитаніи къ св. Петру, и такимъ образомъ составилась троичная святыня Магдебурга, полная эпоса христіанской цивилизаціи. Что касается даты грамоты Оттона на основаніе монастыря св. Маврикія, то она обусловлена днемъ памяти этого святого 22 сентября, принятымъ болландистами [45]) за календарную норму памяти. Календарь Гертруды, давшій намъ поводъ вести рѣчь о св. Адальбертѣ, имѣетъ память Маврикія въ это же число. Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ локализовался культъ св. Маврикія, былъ Тріеръ: въ немъ совпало и мѣсто страданія, и мѣсто храненія реликвій Маврикія въ монастырѣ св. Максимина, которому Отто I отдалъ аббатство von Weissenburg im Elsass. Въ 937 г. изъ монастыря св. Максимина Отто перевелъ монаховъ въ монастырь св. Маврикія, въ Магдебургъ. Одинъ изъ монаховъ св.

45) Acta Sanctorum Bollandiana 22 Sept. VI. p. 342.

Максимина же, по имени Адальбертъ, былъ назначенъ миссіонеромъ въ Русь, гдѣ и пробылъ совершенно безъ удачъ 961 и 2-й годы. Миссія эта возникла по иниціативѣ нашей княгини Ольги, приславшей пословъ въ 959 г. Выборъ со стороны митрополита Adaldag von Hamburg-Bremen палъ первоначально на монаха св. Альбана въ Майнцѣ, по имени Libutius, который и былъ посвященъ во епископа русскаго; но майнцскій архіепископъ Вильгельмъ, тотъ самый, въ которомъ Отто встрѣтилъ препятствіе въ уступкѣ Магдебурга, противился и отсылкѣ Либуція на славянское просвѣщеніе и затянулъ дѣло до смерти новопосвященнаго въ серединѣ февраля 961 г. Либуція замѣнилъ Адальбертъ. Этотъ, хотя и потерпѣлъ въ миссіи полную неудачу, но сильно пострадалъ отъ русскихъ и вернулся покрытый ореоломъ вынесенныхъ страданій. Этотъ ореолъ вмѣстѣ съ качествомъ бывалаго на Руси человѣка опредѣлилъ блестящую будущность Адальберта: въ 966 г. онъ получилъ отъ императора аббатство von Weissenburg im Elsass, а при открытіи митрополіи въ Магдебургѣ посвященъ 18 октября 968 г. въ архіепископа. Въ довершеніе возвышенія Магдебурга въ политическій центръ христіанской цивилизаціи, учреждена была въ этомъ центрѣ школа, воспитавшая, кромѣ нашего Адальберта-Войтѣха, еще Бруно-Бонифація и лѣтописца Thietmar'a. Всѣ трое выдавались знатностью своего происхожденія: объ Адальбертѣ было говорено, а другіе двое считались родствомъ съ императорами,—Бруно съ Оттономъ, а Thietmar съ Генрихомъ II. Это говоритъ *за блестящее политическое положеніе*, какое въ глазахъ родителей сулила школа своимъ воспитанникамъ. Пусть Отельрихъ или Отрихъ пользуется репутаціей Цицерона своего времени, но его ученость не доминировала надъ полнымъ блеска политическимъ свойствомъ Магдебургской школы: Отрихъ покрывался славой политически взнесенной школы, а никакъ не школа тягалась со славой Отриха.

Такова панорама исторической дали, открывающаяся намъ позади Адальберта, въ той ея части, что стелится сзади, у са-

мыхъ ногъ его. Теперь я перейду къ его настоящему. 7 мая 973 года умеръ Отто Великій. Бруно-Бонифацій такъ оплакиваетъ эту кончину. «Нѣмцы чувствовали потерю своего отца, своего кормчаго; чувствовали, что покоится вѣчнымъ сномъ властитель вселенной, съ которымъ былъ богъ и красные дни» .... «Тогда (т. е. со смертью Оттона I) стряхнули съ себя лютичи ярмо христіанства и въ заблужденіи, которымъ объяты они и по сю пору, бросились неизмѣнно къ своимъ богамъ, а христіане падали отъ меча, кто только не успѣлъ бѣжать. Тогда постигло государство множество ударовъ виною Оттона (II-го); христіанская вѣра чувствовала гнѣвъ божій. Съ поляками воевали,—ихъ герцогъ Misico побѣждалъ хитростью; храбрость нѣмцевъ погребена; воинственный маркграфъ Hodo съ изодраннымъ знаменемъ обращается въ бѣгство»[46]). Такъ оплакивалъ Оттона I, бывшаго душой, царемъ дѣла христіанской цивилизаціи, лучшій представитель этого дѣла, носитель высшаго элемента его. Правда, Бруно былъ пылкимъ фантастомъ, не чувствовавшимъ подъ собой почвы, но что за дѣло? Онъ былъ плохой судья жизни во всемъ ея объемѣ, не компетентный судить изнанку жизни, судья, не убѣждавшій разсудка Генриха II, вызывавшій своимъ судомъ его улыбку; но былъ вѣрнымъ отразителемъ Оттоновой сферы, однимъ изъ микробовъ саксонской болѣзни нѣмецкой имперіи. Бруно былъ высшимъ представителемъ общества, проникшимся назначеніемъ пройденной имъ въ Магдебургѣ школы, проникшимся искренне идеей времени, всѣмъ существомъ безъ оглядки отдавшимся ей;— это былъ химически-чистый углеродъ, добытый изъ воздуха въ лабораторіи Рима, углеродъ, который въ сгораніи не оставляетъ по себѣ ни малѣйшей частички золы. Почитаніе Оттона I отъ лица Брунона *все* исходило изъ проникновенія идеей времени, *все* основывалось на значеніи Оттона въ дѣлѣ христіанской цивилизаціи, объектомъ которой стали теперь славянскія народности, какъ были въ VIII—IX в. саксы. Въ этомъ почитаніи

46) «Vita s. Adalberti» auctore s. Brunone Querfurtensi, cap. 9 et 10 apud Bielowski (Monumenta Poloniae historica. Lwów. 1864. Tom. I).

нѣтъ той узкости, съ какой чтилъ Оттона I Widukind. Почитаніе этого выразилось въ посвященіи Видукиндовыхъ книгъ rerum gestarum Saxonicarum дочери Оттона, Матильдѣ, сверстницѣ нашего Адальберта. Widukind души не чаялъ въ своей Саксоніи. Вѣдь, онъ, монахъ саксонскаго монастыря Новаго Corvey, онъ, «ultimus servulorum Christi martyrum Stephani atque Viti», чтилъ патрона своей Саксоніи, св. Вита, за то, что этотъ семилѣтній ребенокъ, замученный Діоклетіаномъ, ставъ съ чѣмъ-нибудь сотню лѣтъ назадъ патрономъ Саксоніи, превратилъ ее «изъ рабы въ свободную, изъ обязанной трибутомъ въ повелительницу народовъ». Такимъ же точно почитаніемъ проникся Widukind и къ личности Оттона, въ лицѣ котораго главнымъ образомъ сосредоточилась пролитая на Саксонію благодать св. Вита. Widukind стоитъ совершенно внѣ политическаго вліянія Магдебургской школы, отразившейся такъ пышно на Брунонѣ. Не извѣстно, гдѣ Widukind успѣлъ проникнуться стилемъ Саллюстія, который улавливаетъ знатокъ дѣла Ebert[47]), но школа Магдебурга не могла служить Widukind'у просвѣщеніемъ, по своей молодости. Этотъ почитатель Оттона I былъ слишкомъ почвенъ, чтобы проникнуться идеей Оттона, какъ проникся Бруно; до того почвенъ, что запахомъ глины несетъ отъ книгъ rerum gestarum Saxonicarum. Трудно бываетъ разобраться въ чувствѣ самого повѣствователя, когда въ груди его вдругъ вырастаютъ, въ силу вязкости глины, два несовмѣстимыя чувства. Напримѣръ, въ разсказѣ о смерти Wichmann'а трудно уловить, что чувствовалъ Widukind, когда писалъ эти строки: то перо его травитъ спасающагося несноснаго Оттонова врага, какъ зайца, котораго совсѣмъ настигаютъ гончія изъ стаи Оттона, и духъ замираетъ, что зайца не застигнутъ услужливые псы; то проникается благоговѣніемъ передъ саксонскимъ вольницей, когда Wichmann, настигнутый и окруженный непомѣрной

47) *Adolf Ebert* «Allgem. Gesch. der Literatur des Mittelalters im Abendlande» III, 429 und 434.

силой, геройски умираетъ смертью, подобающей доброму саксу. Тогда заяцъ вдругъ вырастаетъ въ благородную лань, несущуюся въ любви къ приволью, настигнутую и издыхающую не то гордо, отъ изнуренія собственныхъ силъ въ непомѣрномъ бѣгѣ, не то возмутительно, отъ впившихся песьихъ зубовъ. Непріятно читателю такое раздвоеніе чувствъ разсказчика, какъ непріятенъ всякому удушливый запахъ глины: и сильно-сильно рисуется узкость Видукиндова почтенія къ герою саксонской вольницы, Wichmann'у, какъ и узкость чувствъ къ Оттону I, орудію претворенія Саксоніи въ рукахъ св. Вита, какъ и самое почитаніе св. Вита, виновника претворенія все той же Саксоніи. Другое дѣло съ Бруномъ: онъ живетъ идеей времени, ищетъ ей въ жизни точку приложенія. По смерти Оттона I, Бруно не простираетъ своего почтенія ни къ сыну, ни къ внуку, продолжающимъ завѣщанную политику; энергично вооружается противъ оставившаго ее Генриха II, занявшагося приведеніемъ въ порядокъ того, что разстроилось въ порѣ исканія, на его взглядъ, посуленнаго въ небѣ журавля: Бруно проникается уваженіемъ теперь къ Болеславу польскому, тому самому, котораго славный, почтенный, правдивый саксъ Thietmar именовалъ не *Великимъ*, какъ нашъ Несторъ или нѣкоторые изъ польскихъ лѣтописцевъ, а «хитрой лисой» и всегда-всегда бурчалъ на него себѣ въ усъ. Болеславъ, польскій богатырь, отражалъ въ себѣ личность Оттона, какъ этотъ — Карла Великаго. Именно, какъ могучій богатырь, одиноко на историческомъ полѣ стоялъ польскій герцогъ: время снесло и политику трехъ Оттоновъ, и тяжелую для Польши политику Генриха II, а тотъ все стоялъ, могуче разставивъ для борьбы ноги, пока не увѣровалъ въ его силу Римъ, пока не влѣпилъ, говорятъ, ему въ корону брилліанта; только тогда и умеръ старый Болеславъ.

Исторія христіанской цивилизаціи построилась на протяженіи VIII—XI вв. въ лицѣ главныхъ дѣятелей въ этой цивилизаціи Карла Великаго, Оттона Великаго и Болеслава Великаго по убывающимъ степенямъ алгебраическаго полинома и тѣсно-

тѣсно примкнула къ исторіи крестовыхъ походовъ совсѣмъ не даромъ, совсѣмъ не по прихоти судьбы, которой категорія не произволъ, а только отдаленность правящаго закона, отнесеннаго за предѣлы нашего поля зрѣнія. Надо вникнуть въ суть христіанской цивилизаціи, чтобы схватить ту ея категорію, которая доминируетъ въ ней. Это, конечно, не идея любви въ формѣ Христа, идея, специфичная христіанской культурѣ, а ея міровой минусъ, *идея жестокости*. Чѣмъ грандіознѣе выражалась эта идея минуса, тѣмъ чище было, ближе къ законченности, цѣльности, самое явленіе цивилизаціи. Вотъ maximum величины—дѣяніе Карла, и на лицо слова Widukind'a, что они, саксы, благодаря привитой къ нимъ Карломъ христіанской вѣрѣ, «стали братьями франковъ и однимъ съ ними народомъ». Я позволю себѣ напомнить жестокость Карла В., отъ которой зависѣла чистота и законченность цивилизаціи, жестокость, въ которой Карлъ не останавливался на полумѣрѣ. Послѣ битвы на горѣ Sintel, на которой Карловы войска были лѣтомъ 782 г. разбиты на голову, саксонскіе борцы за свободу, тѣ самые, что нанесли пораженіе, были выпытаны и выданы Карлу, который приказалъ тутъ же втеченіе одного дня изрубить саблями все это множество въ числѣ четырехъ съ половиной тысячъ. Въ 784 г. Карлъ занялся систематичнымъ приведеніемъ страны непокорныхъ саксовъ въ голодное до бѣдственности состояніе сжиганіемъ жатвъ, уничтоженіемъ хлѣбныхъ запасовъ, превращеніемъ полевыхъ угодій въ отчаянное состояніе, выжиганіемъ и разореніемъ жилищъ. Результатомъ явился отчаянный упадокъ духа у борцовъ за независимость; ярые вожаки, Wittichind и Abbio, сами пришли къ Карлу, приняли въ 785 г. крещеніе и точно утонули въ немъ, такъ какъ больше саксы не видѣли своихъ военачальниковъ. На рейхстагѣ, въ Paderborn'ѣ, даны Карломъ законы саксамъ, знавшіе наказаніемъ одну смерть, какъ за то, что нарушался саксомъ постъ въ св. Четыредесятницу, и ѣлось мясо, такъ и за то, что саксъ возвращался къ своему обычаю сжигать покойника или скрывался отъ крещенія.

Наконецъ, Карлъ приступилъ къ колонизаціи своихъ земель саксами, чтобы обезлюдить Саксонію; и люди выводятся съ расчетомъ, съ выборомъ неспокойнаго элемента. Въ 799 г. выселено множество и отдано въ рабство; въ 803 г. награжденіемъ въ землѣ франковъ леномъ сманена изъ Саксоніи знать, около которой собиралась чернь; въ 804 г. ворвался Карлъ и силой выселилъ 10000 семей изъ самаго неспокойнаго угла Саксоніи, а оставшихся на мѣстѣ лишилъ права наслѣдованія имуществомъ, которое выдавалось родственникамъ послѣ клянчанья у чиновниковъ Карла, убѣждавшихся въ надежномъ спокойствіи наслѣдниковъ. Такъ привелъ Карлъ дѣло цивилизаціи, сопровождавшейся 30-тилѣтней войной, къ тому, что «саксы стали братьями франковъ и однимъ съ ними народомъ». О жестокости Оттоновой цивилизаціи узнаемъ мы отъ Widukind'a. Въ 939 г. маркгерцогъ саксъ Gero пригласилъ къ себѣ на пиръ 30 славянскихъ князей, споилъ до пьяна и пьяныхъ всѣхъ перерѣзалъ. Въ 955 г., въ день св. Галла (16 октяб.), достойно дню памяти этого святаго, кроткаго насадителя христіанской культуры, цивилизаторы напали на славянскій лагерь и почти все войско славянъ уничтожили. На другой день праздновался трофей: на землѣ лежала голова славянскаго князя, павшаго въ единоборствѣ съ однимъ нѣмецкимъ рыцаремъ; вокругъ нея вѣнкомъ расположены были 70 головъ, срѣзанныхъ съ плечъ плѣненныхъ; картина завершалась зрѣлищемъ полуживого приближеннаго князя, съ выколотыми глазами и вырваннымъ языкомъ томившагося среди труповъ своихъ соотчичей. Самъ Отто I писалъ 18 янв. 968 г. изъ Капуи герцогамъ Hermann'у и Dietrich'у съ товарищами, чтобы не давали пощады редаріямъ, бывшимъ вѣроломными при заключеніи мира, чтобы не замирялись съ ними, а всѣ силы напрягли къ тому, чтобы истребить это племя. Widukind, повѣствуя 13-тилѣтней дочери Оттона, Матильдѣ, о дѣяніяхъ отца, не содрогается жестокостью цивилизаціи, вышколенный исторіей своихъ саксовъ и притупленный въ чувствахъ дымившейся и дымящейся на его глазахъ про-

литой крови; не содрогается, а оправдываетъ своихъ христіанныхъ палачей тѣмъ, что и ихъ постигла бы та же участь, если бы славяне одержали верхъ. Конечно, онъ правъ; даже съ той точки зрѣнія, что въ мірѣ добро и зло различается не абсолютомъ ихъ, а только плюсомъ или минусомъ передъ абсолютомъ; но не ошибемся, сказавъ, что христіане перещеголяли язычниковъ жестокостью, потому что, если бы эти уничтожали нѣмцевъ такъ, какъ нѣмцы — славянъ, то врядъ ли бы нѣмцы не сгинули со свѣта, какъ сгинуло подъ ихъ рукой не одно славянское племя. Итакъ, вотъ въ чемъ доминирующая категорія христіанской цивилизаціи, заполнившей вѣка VIII, IX, X и XI. И этотъ періодъ въ исторіи тѣсно сомкнутъ съ періодомъ крестовыхъ походовъ, если вспомнимъ, что иниціатива этихъ принадлежитъ Сильвестру II, т. е. залегла на грани X—XI вв.

Въ исторіи христіанскаго просвѣщенія прежде всего замѣчается, что оно изъ чисто христіанскаго явленія (культура) рѣзко переходитъ въ явленіе чисто политическое (цивилизацію). Этотъ метаморфозъ въ своей исторіи обусловливается вмѣшательствомъ папской власти. Въ первой стадіи культуры носителями христіанскаго просвѣщенія являются ирландцы и франки, и ихъ дѣятельность обособляется характерной до существенности чертой: они стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ участія папы въ ихъ дѣятельности, и проповѣдь сохраняетъ свой частный характеръ, характеръ частнаго предпріятія, какъ въ иниціативѣ, такъ и во всемъ исполненіи. Но вотъ иниціатива переходитъ на лицо самого папы, Григорія Великаго. Исполненіе оттого не теряетъ еще частнаго характера. Августинъ, какъ былъ замѣстителемъ личности Григорія въ основанномъ имъ монастырѣ, въ Римѣ, такъ точно является простымъ замѣстителемъ иниціатора и на почвѣ англосаксонской, гдѣ засѣваетъ будущую англосаксонскую культуру, строго держась данной инструкціи, постоянно управляясь разумомъ великаго иниціатора, не оставляющаго своего миссіонера мудрыми совѣтами. Христіанство не врывается въ языческую среду груборазительной новизной, п. ч. Григорій

понимаетъ, что въ исторіи нѣтъ скачковъ. Григорій наставляетъ своихъ миссіонеровъ не строить вновь церквей, а превращать языческіе храмы въ христіанскіе, не рубить съ плеча въ введеніи христіанскихъ праздниковъ, а ихъ примѣнять къ празднествамъ языческимъ, отнюдь не стѣсняясь датой христіанскаго празднованія. Такая терпимость именно была залогомъ того успѣха, съ какимъ утвердился авторитетъ Рима среди англосаксовъ, авторитетъ, котораго не знали бритты, и который благодаря національной враждѣ къ оттѣснявшимъ ихъ съ родной почвы, сталъ такъ ненавистенъ бриттамъ. Переходъ иниціативы на лицо папы отразился на дальнѣйшей исторіи христіанскаго просвѣщенія. Винфридъ вноситъ новую черту. Еще онъ въ первыхъ шагахъ своей дѣятельности не знаетъ участія папы и въ просвѣщеніи фризовъ заканчиваетъ собой первую стадію культуры. Въ дальнѣйшей дѣятельности является участіе Рима, и послѣ Винфрида входитъ новая черта: иниціаторъ проповѣди становится обязаннымъ испросить у папы разрѣшеніе на нее. Это условіе, говоритъ Wattenbach [48]), становится такъ непремѣннымъ, что вноситъ въ литературу замѣшательство: древніе авторы житій à priori предполагаютъ это условіе и подыскиваютъ имена папъ сообразно съ временемъ проповѣди, вовсе не знавшей участія ихъ, а церковные историки новаго времени, не исключая и Rettberg'a, наоборотъ, по имени папы, стараются установить время проповѣди, хотя бы и изъ первой стадіи культуры. Является вопросъ: чѣмъ отразилось на христіанскомъ просвѣщеніи вмѣшательство Рима? Вносомъ въ христіанскую культуру черты антинаціонализма. Антинаціонализмъ Рима выросъ въ борьбѣ съ византійской церковью. Византія отличалась особенной терпимостью по отношенію къ національности народовъ, съ которыми пришлось ей столкнуться на Востокѣ, источникѣ народностей. Византіи самой пришлось духовно заимствоваться отъ Востока, и восточная

48) *W. Wattenbach.* «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts». 6-te umgearbeitete Auflage. Berlin 1893. I, 123.

пестрота національностей первая запала ей въ душу тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, что такъ характерно вылилось въ дивной пестротѣ византійскаго искусства. Затѣмъ, политическая жизнь Византіи на Востокѣ подъ напоромъ варваровъ не находила внутри себя достаточной силы для ихъ отраженія. Догадливый грекъ сообразилъ, что желѣзо рубится сталью, и стали надо противодѣйствовать сталью же: Византію защищаютъ варварскія наемныя дружины; границы колонизуются варварами же, и варвары прекрасно отражаютъ варваровъ, а греки заинтересованы беречь обликъ чужой національности. Вотъ источникъ византійской терпимости по отношенію къ племенному различію. Βασιλεὺσ—глава церкви: распространеніе церкви обѣщаетъ ему и распространеніе его авторитета; но посягновенія на національность въ просвѣщеніи нѣтъ и въ поминѣ. Первымъ дѣломъ славянскихъ первоучителей являются грамота славянская, славянскій переводъ Св. Писанія, славянское богослуженіе,—все, что пробуждаетъ національное самосознаніе. Болгары остаются болгарами, сербы—сербами, русскіе—русскими. Не ясенъ ли византійскій принципъ въ христіанскомъ просвѣщеніи? И этотъ принципъ засѣвается рукой Византіи и на Западѣ, гдѣ онъ былъ ей доступенъ. Здѣсь этотъ принципъ является уже ненавистными Риму плевелами. Эти плевелы обуяли Чехію, истую западническую страну, богемская котловина которой была котломъ, варившимъ щи для Европы. Изъ этого котла хлебалъ Лютеръ, отравившій Римъ. Изъ этого котла выплеснулся Гусъ, выросшій изъ плевелъ чешскаго самосознанія [49]) и задушившій Лжеисидора, опрокинувшій его идеи, заполонившія всѣ средніе вѣка. И національную физіогномію венгровъ сохранили тѣ же византійскіе плевелы. Греческіе миссіонеры добились блестящихъ успѣховъ въ Венграхъ, но до конца не могли дойти и ограничились только плевелами, только подъемомъ національнаго сознанія. Стефанъ на

49) Сравните *L. Krummel.* «Geschichte der böhmischen Reformation im XV Jahrh.». Gotha. 1866.

рубежѣ Востока и Запада прекрасно понималъ, что политическое оздоровленіе придетъ только изъ Рима, и какъ-будто ждалъ Адальберта, а этотъ легко подвелъ итогъ той войны нѣмецкихъ миссіонеровъ съ греческими, который обезпечилъ Стефану, что церковь не онѣмечится. Тогда Стефану доставлена была корона изъ Рима. Эта двойственность политич. расчета ясно выразилась въ продолженіи св. Стефаномъ и съ лона св. Петра прежней политики, протектората греч. церкви на ряду съ римской. Я сказалъ, въ борьбѣ съ Византіей за миссію выросъ римскій антинаціонализмъ, имѣя въ виду, именно, недовольство Рима по случаю византійскихъ плевелъ на римской почвѣ. Выросъ, повторяю, но возникъ изъ самой идеи мірового призванія Рима. Въ политической роли Рима весь интересъ пришпиливался къ свѣтской власти, а не къ народу, ею управлявшемуся. Народъ надо было Риму свести съ одной точки и поставить на другую, и только. Это исполняли миссіонеры. Дальше этой трудной задачи не было заботы у Рима, потому что онъ зналъ — безъ вѣрованія народъ не живетъ и, вѣровалъ онъ Перуну, будетъ вѣровать и христіанскому богу; вѣровать будетъ сильно, до самозабвенія. Дѣло другое—свѣтская власть: эта одарена здравой критикой, эта распознаетъ точно эмоцію пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній; поэтому надо власть, надо *ее* убѣдить, что Римъ ей выгоденъ, что безъ Рима не жизнь, что Римъ сгораетъ однимъ съ ней желаніемъ—утвердить ее въ народѣ и широко распространить на другіе народы. Вотъ исходный пунктъ антинаціонализма Рима. Вотъ черта существенно характерная, которая сейчасъ же сказалась на практикѣ христіанской цивилизаціи: Винфридъ потерялъ свое англосаксонское имя въ Римѣ и нареченъ римскимъ «Bonifacius»; Willibrord († 738) нареченъ римскимъ именемъ «Clemens». Зачѣмъ? Скажутъ, чтобы въ глазахъ народа поднять апостола нѣмцевъ и апостола фризовъ до апостольскаго величія папы, принимавшаго новое имя? но не было тогда этого обычая; его ввелъ Іоаннъ XII (955 — 64), удержавшій за собой съ именемъ Октавіана званіе патриція и принявшій санъ папы съ

новымъ именемъ Іоанна. Итакъ это переименованіе апостоловъ было сигналомъ войны Рима, открыто объявленной національностямъ. Этотъ сигналъ слышали и Польша, и Чехія, когда грызлись другъ съ другомъ не на жизнь, а на смерть; когда Польша въ конецъ опустошала Чехію, а Чехія—Польшу. Вникнемъ въ суть. На горизонтѣ взошла звѣзда Болеслава Великаго. Онъ ли не сулилъ Риму открыть широкую арену христіанской цивилизаціи сначала съ Адальбертомъ, потомъ съ Бруномъ во главѣ? Бросился ли Римъ къ Болеславу въ объятія? показалъ ли свой спѣхъ влѣпить ему въ корону брилліантъ? Нѣтъ. Римъ ждалъ: Римъ зналъ другого претендента на корону, чеха. Одинъ изъ претендентовъ долженъ былъ поглотить другого и объединить славянскія народности, имже имя легіонъ, объединить панславизмомъ, стирающимъ племенныя особенности, какъ въ нѣмецкой имперіи усердно стирались германскія племена саксовъ, франковъ, баварцевъ и швабовъ. Вотъ почему римскій языкъ сталъ языкомъ Св. Писанія и богослуженія, а прочіе языки—погаными, т. е. языческими, неприличными для произношенія слова божія. Вотъ почему магдебургскій Цицеро усердно поролъ своихъ питомцевъ, почему выгонялъ изъ нихъ національную проказу, родные языки—одинаково и славянскій, и саксонскій, и нѣмецкій, и добивался одного языка, языка христіанской цивилизаціи, языка латинскаго. И правъ былъ Отрихъ въ своей крутой мѣрѣ: она не обостряла способности учениковъ въ воспріятіи языка, чуждаго ихъ природѣ, но воспитывала ихъ, гладко стиравъ личность, вредную въ роли насадителя церкви римской, въ роли, существенно отдалившейся отъ прежней роли просвѣтителей, искавшихъ необъятной шири цѣлаго моря любви. Война Рима съ національзмомъ въ дѣятельности славян. первоучителей кому не извѣстна? Если въ этой войнѣ подчасъ и съёживался Римъ въ лицѣ папы Николая I, то это говоритъ только о силѣ генія просвѣтителей и первичной неподготовленности Рима къ борьбѣ. Намъ поучительна исторія дѣятельности Сазавскаго монастыря, поучителенъ рѣшительный отказъ Григорія VII Вратиславу II

чешскому (1061—92). «А какъ домогалась твоя свѣтлость, писалъ Григорій 2 янв. 1080 г., чтобъ согласились мы на отправленіе у васъ богослуженія на славянскомъ языкѣ, то знай, ни подъ какимъ видомъ этой твоей просьбѣ мы благопріятствовать не можемъ. Конечно, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, становится яснымъ, что не безъ вины всемогущему Богу благоугодно было Св. Писаніе мѣстами облечь въ сокровеніе (ср. Исх. 34, 33—35 и 2 Кор. 3, 13—18): будучи при ясности (языка) всѣмъ заодно доступнымъ, да не испортится (Св. Писаніе) и не подвергнется презрѣнію, или профанами не надлежаще понятое да не введется въ заблужденіе. Не указъ и то, что какіе-то и богобоязненные мужи снисходили тому, чего въ простотѣ души народъ искалъ, и дѣлали поблажку: мало ли чего не замѣчалось въ первоначальной церкви, а впослѣдствіи, когда она окрѣпла въ христіанствѣ и выросла въ богопочтеніи, при шлось святымъ отцамъ исправлять строгимъ изслѣдованіемъ. А потому нѣтъ вамъ того, чего всѣ вы неблагоразумно выпрашиваете, унимаемъ мы властью св. Петра; а тебѣ въ хвалу всемогущаго Бога повелѣваемъ вотъ этимъ людямъ всячески противиться въ ихъ пустомъ безразсудствѣ»[50]). Итакъ всемогущему Богу благоугодна была слѣпая вѣра, и Римъ завѣсилъ алтарь своей церкви въ пониманіи непроницаемымъ языкомъ, а «безразсудству» разноязычныхъ чадъ своихъ, стремившихся все-таки уловить ухомъ слово божіе, сталъ «всѣми силами противиться». Вотъ какъ слѣдовало бы Ozanam'у отвѣтить на поставленный имъ вопросъ: «par quel prodige le latin, cette vieille langue souillée des impuretés de Pétrone et de Martial, devint chrétienne, devint la langue de l'église, celle du moyen âge?»[51])

50) *Mansi* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. XX, 296. Привожу доводъ Григорія въ оригиналѣ: «Ex hoc nempe saepe volventibus liquet, non immerito sacram scripturam omnipotenti Deo placuisse quibusdam locis esse occultam, ne, si ad liquidum cunctis pateret, forte vilesceret et subjaceret despectui, aut prave intellecta a mediocribus in errorem induceret».

51) *A. F. Ozanam.* «La civilisation au cinquième siècle». Oeuvres complètes de A. F. Ozanam. 2-de édition. Paris. 1862. II, 118—9 (XV leçon. «Comment la langue latine devint chrétienne»).

VIII.

Прошло тяжелое время Карла Вел., когда все кругомъ должно было считаться съ его желѣзной волей: Риму пришлось стать въ вассальное отношеніе къ Аахену; всему духовенству— принять личину строгаго аскета Chrodegang'a († 766), мецскаго епископа, и вести несносную «vitam canonicam»; мірянамъ — кряхтѣть подъ тяжелымъ бременемъ десятины; ученымъ — напрягаться въ передачѣ юношеству своей мудрости, построившейся въ систему «trivium et quadrivium»[52]); воинамъ — броней и мечемъ служить одной волѣ Карла а въ досужей жизни не грабить, а въ поясъ кланяться клерикамъ; всему государству,— какъ будто, неожиданно для самого Карла превратиться въ имперію, съ характеромъ совершенно церковнымъ, съ главою совершенно небывалаго типа клерика-воина. Карлъ былъ замѣчательной личностью. Его геній былъ самаго примитивнаго свойства, прямо стихійный, точно осколокъ или отраженіе генія міровой жизни: это былъ геній единенія множества въ неразрывную единицу. Являлся ли Карлъ воиномъ, или правителемъ,— всюду вносилъ онъ собой, и въ войско, и въ государственный организмъ, необыкновенную силу единенія. Войска терпѣли пораженіе наголову, когда не было Карла среди нихъ; являлся Карлъ, и разбитые наносили пораженіе и чувствовали, что Карлъ—грифъ ихъ меча, грифъ, безъ котораго и мечъ—не мечъ. Церковь и государство слились такъ воедино, что Римъ, казалось, перемѣстился въ Аахенъ: раззолоченный папа бережно держался для показу, а Карлъ сзывалъ небывало пышные цер-

---

52) въ систему, названную по зубрившемуся на память двустишію:
Gramm. loquitur, *Dial.* verba docet, *Rhet.* verba colorat;
Mus. canit, *Arithm.* numerat, *Geom.* ponderat, *Astron.* colit astra.
Вся система, три науки изъ области этики и четыре изъ области физики, служила одному высшему знанію, богословію.

ковные соборы, тягавшіеся съ Никейскимъ вселенскимъ, велъ церковныя дѣла и держалъ все духовенство такъ въ своихъ рукахъ, какъ никогда и не снилось того папѣ. Ученыя силы стянуты всѣ въ дружную государственную силу, и Аахенъ сталъ алтаремъ науки, а Карлъ — ея жрецомъ. Все единилъ въ себѣ Карлъ своимъ примитивнымъ геніемъ точно космической силой, единящей міръ; точно ее переливалъ Карлъ изъ міра черезъ себя въ средневѣковое общество, такъ подверженное развалу. Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ вырваны были люди этого общества изъ нѣдръ природы, единившей ихъ языкомъ, съ тѣхъ поръ эти люди, сохранивъ старую наклонность къ грубому насилію, развили въ себѣ узкое до крайности самочувствіе, не дававшее имъ способности единиться крѣпко даже въ супружескую чету. Сошелъ со сцены Карлъ, и не стало обусловленнаго его геніемъ политическаго единенія. Стянутое разлѣзлось по швамъ, но разлѣзшіяся части въ общей государственной жизни далеко ушли впередъ въ политическомъ приспособленіи: вырвавшійся изъ Аахена Римъ сталъ могущественнымъ Римомъ, какимъ не бывалъ до того времени; воины получили сильную наклонность политически обособляться на добытой мечемъ территоріи; клерики научились искать свое благо въ политическомъ единеніи народностей.

Не извѣстно, когда именно, въ первой полов. IX в., откуда, чьимъ усердіемъ и по чьей иниціативѣ появился на Западѣ такъ наз. «лжеисидоровскій сборникъ декреталій», быстро упрочившійся на практикѣ и вытѣснившій собою практиковавшійся до него сборникъ церковныхъ постановленій Діонисія Малаго (Dionysius Exiguus † circa 540—50). Вплоть до XV в. зажилъ новый сборникъ, отнюдь не зная себѣ критики, поскольку онъ принадлежалъ, дѣйствительно, Исидору Севильскому († 636) и поскольку анониму-фальсификатору. Содержаніе сборника составляютъ шестьдесятъ одно посланіе папъ отъ Климента до Мильтіада (310—14), постановленія соборовъ до VII в. и декреталіи папъ отъ Сильвестра I (314—35) до Григорія Вел. (590—

604). Во всѣхъ этихъ составныхъ частяхъ литературныя статьи сильно страдаютъ интерполяціей со внесеніемъ анахронизма, а многія статьи и прямо являются новыми. Цѣль составителя сборника была направлена: къ необыкновенному подъему авторитета папы и всего духовенства, авторитета, обезпечивавшаго церковь отъ вмѣшательства въ нее свѣтской власти; къ централизаціи политической жизни церкви въ единой главѣ ея, намѣстникѣ св. Петра, папѣ; и, наконецъ, къ обособленію епископской власти отъ вліянія архіепископа въ политически замкнутую единицу церкви. Причина огромнаго успѣха и большой живучести лжеисидоровскаго сборника заключалась въ необыкновенной ловкости интерполятора-фальсификатора формулировать идеи, въ скрытой силѣ жившія въ умахъ людей того времени; поэтому сборникъ никого не огорошилъ новизной и всталъ на рельсы, такъ пришедшіяся къ осямъ колесъ, что какъ будто испоконь катился онъ по нимъ изъ глубокой, давней старины и теперь подкатился къ самой жизни людей того времени. Анахронизмы Лжеисидора оставались совершенно незамѣтными въ средніе вѣка, въ эпоху папства, эпоху сумерокъ духовной жизни народовъ, у которыхъ отнято было даже то, что было достояніемъ варваровъ, языкъ, поднимавшій и ихъ духовную жизнь до энергіи на переселеніе, возможнаго только при условіи ассоціаціи труда. Ловкой манипуляціей Римъ вынулъ душу варвара и тонко-тонко препарировалъ ее: отнялъ орудіе національнаго самосознанія, привилъ одно только самочувствіе, чисто бутафорской дѣятельностью обставилъ горизонтъ народнаго вѣрованія новыми предметами, по одному для всѣхъ народовъ шаблону, далъ подзатыльникъ, и пошли варвары въ жизнь, скучиваясь впотьмахъ уже не племенами, а кто какъ пришелся въ толкотнѣ, пошли къ одному просвѣту, просвѣту дивнаго зарева отъ картины Страшнаго суда, на которой были «блажены нищіи духомъ, ибо ихъ было, и только ихъ, царство небесное». Могли ли эти люди распознаться въ анахронизмахъ Лжеисидора? Откуда могла и возникнуть инициатива сомнѣнія, если идеи Лжеисодора такъ совпали съ идеями, скрыто

жившими въ умахъ людей того времени[53])? И вотъ Николай I (858—67) началъ, а Григорій VII (1073—85) закончилъ величественный силуэтъ того папы, идею котораго не могли запакостить тѣ пародіи на папъ, что такъ наполнили этотъ промежутокъ времени. Сильвестръ II (999—1003) при вступленіи на престолъ циркулярно писалъ епископамъ, что свѣтская власть, по своему блеску, въ сравненіи съ духовной то же, что свинецъ въ сравненіи съ золотомъ, и что передъ духовной властью смиренно горбится власть свѣтская[54]). Эти идеи прочно опирались на идею папы Геласія (492—6), что «духовная власть освящаетъ особу короля, но сама никогда не ищетъ себѣ освященія у владыкъ міра»[55]).

Кромѣ этого крупнаго шага впередъ, какъ на слѣдствіе опыта изъ политической жизни въ Карловой монархіи, я указалъ

---

53) Вотъ какъ характеризуетъ *Heinrich Luden* Лжеисидоровъ сборникъ въ своемъ трудѣ «Allgemeine Geschichte der Völker und Staaten des Mittel-Alters» (2-te Ausgabe Jena. 1824. 2-ter Theil. § 208): «Wenn diese Sammlung in Beziehung auf frühere Zeiten auch voll ist von Lug und Trug, so enthält sie doch, als eine Erscheinung der Zeit, in welcher sie entstand, und in Beziehung auf dieselbe, sogar in ihren unächten Schriften, meistens eine Wahrheit, welche manchen Urkunden, in denen Zeit, Ort und Person richtig angegeben sind, abgehet. Sie ist mehr ein Zeugniss über ihre Zeit aus ihrer Zeit heraus, als ein Machwerk, für diese Zeit und in dieselbe hinein. Sie ist wegen ihrer Absicht und ihrer Folgen oft viel zu hoch gestellt, und in Hinsicht ihrer Erscheinung und geschichtlichen Bedeutung selten gehörig gewürdiget. Sie hat kein neues Kirchenrecht gegründet, sondern sie hat nur ausgesprochen, was schon in den Seelen der Menschen gegründet war. Darum fand sie auch so allgemeinen Beifall und wurde so schnell verbreitet».

Сравните тѣ же мысли и въ болѣе позднемъ трудѣ *того же автора* «Geschichte des teutschen Volkes » Gotha. 1830. Bd. V. Seiten 468—76.

54) «Si regum fulgori compares et principum diademati, longe erit inferius, quam si plumbi metallum ad auri fulgorem compares: quippe cum videas regum colla et principum submitti genibus sacerdotum et exosculatis eorum dextris, orationibus eorum credant se communiri». Girberti Philos. sermo de informatione episcoporum. *Mabillon* «Vetera Analecta». Parisiis. 1723 in fol. pag. 103.

55) Сравните у *Gieseler'a* (Lehrbuch der Kirchengeschichte II[1], 215 sq., nota p.) цитату изъ Epist. Gelasii P. ad Anastasium Imp. a 494 (Mansi VIII, 31) и комментарій къ ней Hincmar'a, реймскаго архіепископа († 882), на соборѣ въ гор. Fismes (Fimae), въ ц. св. Макры въ 881 г. (Mansi XVII, 538): «et tanto est dignitas pontificum major, quam regum, quia reges in culmen regium sacrantur a pontificibus, pontifices autem a regibus consecrari non possunt».

и на усвоеніе воинами и клериками политической зрѣлости, выразившейся въ центробѣжномъ стремленіи первыхъ и центростремительномъ движеніи вторыхъ въ общей государственной жизни. Въ полной исторической картинѣ замѣчается ясно стремленіе герцоговъ оторваться отъ общаго государственнаго устройства, тогда какъ у клериковъ, наоборотъ, обнаруживается сильный консерватизмъ, являющійся крупной помѣхой герцогамъ обособиться отъ общаго государства, и такимъ образомъ клерики являются надежной опорой цѣлостности государственнаго организма. Такая картина совершается на слѣдующемъ общемъ фонѣ ея. Какъ воины, такъ и клерики входятъ въ одинакія условія политической жизни. И тѣ, и другіе одинаково являются вассалами одного и того же государя, т. е. одинаково получаютъ *отъ него* ленъ и одинаково несутъ за него воинскую повинность. Правда, клерикамъ дана поблажка не являться самимъ на войну съ войскомъ и отплачиваться за то денежной повинностью, но въ тѣ времена грубаго насилія поблажка не оттѣняла характерно клериковъ отъ воиновъ. Вспомнимъ регенсбургскаго епископа Михаила (941—72), какъ онъ съ отрѣзаннымъ ухомъ и израненными членами на полѣ битвы съ венграми въ 955 г. валялся среди жертвъ этой битвы; какъ онъ въ такомъ положеніи замѣтилъ, что рядомъ лежавшій мадьяръ, очнувшись, хотѣлъ приколоть епископа, но тутъ завязалась борьба, изъ которой побѣдителемъ вышелъ епископъ. Вотъ представитель клериковъ того времени. Правда, если воины, какъ можно то замѣтить въ историческихъ деталяхъ, трунили надъ воинствовавшими клериками, то они трунили и другъ надъ другомъ въ соревнованіи турнирномъ. Вся разница между клериками и воинами заключалась въ традиціяхъ послѣднихъ. За клерикомъ позади ничего не было. Онъ являлся прямо креатурой времени, напр., майнцскій архіеп. Willigis (975—1011). Если клерикъ и происходилъ отъ знатнаго рода, то родовыя традиціи отворачивались отъ него, какъ отъ изгоя, въ общемъ смыслѣ этого старо-русскаго слова, и шли за прочими братьями, остававшимися вѣрными своему

исконному призванію. Вотъ за этими назойливо стояла ихъ родовая честь, и эту честь сильно обусловливалъ ростъ лена. Вассалы-воины носили общее названіе *графовъ*, но графы, имѣвшіе ленъ на границахъ государства (марка), обособлялись званіемъ *маркграфа*. Эти послѣдніе въ расширеніи своей территоріи достигали того значительнаго военно-политическаго значенія, какое составляло мечту всякаго графа, именно, званіе *герцога*. Этой политико-территоріальной каррьеры не лишены были и простые графы, т. е. графы, ленъ которыхъ былъ внутри государства; потому что всякій такой графъ могъ однажды получить отъ своего государя марку и современемъ стать маркграфомъ и герцогомъ. На такой ростъ графства въ герцогство указываетъ Швабія, возвысившаяся въ герцогство, благодаря маркѣ Rhaetia[56]). Въ дальнѣйшей вотской практикѣ, за предѣлами званія герцога, слѣдовало уже стремленіе къ политическому обособленію, но тутъ-то и являлась сильная помѣха въ лицѣ клерика. Клерику выгоднѣе было играть роль политическаго дѣятеля въ общегосударственной жизни королевства (не скажу «имперіи»), чѣмъ простую роль придворнаго во дворѣ политически обособившагося герцога; и имущественная обстановка церкви лучше мирилась, при разбросанности церковныхъ недвижимостей, съ тѣмъ условіемъ, когда эти не выходили изъ предѣловъ одного государства. Но главной помѣхой отдѣленію герцогствъ являлась территорія митрополіи, которая не совпадала въ границахъ съ территоріей герцогства, благодаря чему границы ленныхъ владѣній графовъ и герцоговъ крѣпко спаивались въ одно цѣлое, какъ цементомъ, владѣніемъ одной митрополіи. Какъ на ясный примѣръ такой службы митрополіи государству, я укажу на фактъ расширенія территоріи майнцской митрополіи территоріей пражской епископіи. Глубоко-знаменательный фактъ вижу я въ томъ, что, при учрежденіи

56) *Gfrörer.* Allgem. Kirchengeschichte III, 1162.

Spruner. Historisch-Geographischer-Hand-Atlas, карты № 12 (Die Reiche der Karolinger) и № 13 (Deutschland unter den sächsischen und fränkischen Kaisern).

пражской церкви, она въ качествѣ суффраганата отдана была Оттономъ Вел. майнцскому архіепископу, а не зальцбургскому, какъ слѣдовало бы ожидать потому, что Прага была въ территоріи регенсбургскаго епископа, который былъ суффраганомъ зальцбургской митрополіи. Gfrörer думалъ видѣть въ этомъ желаніе Оттона возмѣстить майнцскому архіепископу потерю магдебургской области[57]). Такъ же думалъ и Zeissberg[58]). Но что за странно-неуклюжій актъ возмѣщенія потери одного архіепископа новымъ нарушеніемъ имущественныхъ правъ другого? что за странное заживленіе меньшей раны одного тѣла нанесеніемъ бо́льшей раны другому тѣлу, которое, вѣдь, тоже придется однажды заживлять? Въ имущественномъ отношеніи майнцскій архіепископъ не столько выигрывалъ отъ Праги, сколько проигрывалъ зальцбургскій отъ ея утраты. Нельзя не замѣтить и насильственности въ такомъ передѣлѣ: вѣдь, отъ него происходила чрезполосица, такъ какъ между майнцской митрополіей и пражской епископіей врывалась полоса зальцбургской митрополіи, именно полоса регенсбургской епископіи. Это все въ имущественномъ отношеніи; но вопросъ обострялся и въ отношеніи политическомъ. Вѣдь, зальцбургская митрополія представляла изъ себя марку и марку серьезную: она была государственнымъ оплотомъ противъ венгровъ, игравшихъ на Западѣ роль нашихъ печенѣговъ. Дѣло объясняется чисто стратегическимъ соображеніемъ Оттона. Чехія оставалась у него въ тылу его военныхъ операцій за Эльбой, и осторожный Отто не довѣрялъ чешской маркѣ, граничившей на Востокѣ съ Польшей и Венгріей, и допускалъ такое политическое осложненіе, что нѣмцы могли очутиться окруженными славянами. Такую опасную марку нельзя было довѣрить Зальцбургу, обремененному сторожевой службой

57) «Wahrscheinlich wollte Otto Mainz für den Verlust des Magdeburger Gebiet entschädigen». *Gfrörer*. Allgem. Kirschengesch. III, 1287.

58) «Das neu errichtete Bisthum wurde dem Erzstifte Mainz untergeordnet, um es für die Einbusse, die es an der mittleren Elbe erlitten, zu entschädigen». *Zeissberg* въ статьѣ «Miseco I», стр. 81.

на венгерской границѣ и ослаблявшему себя постояннымъ споромъ съ Passau изъ-за владѣнія палліемъ. Надо было Оттону поручить сторожевую службу самому сильному въ государствѣ вассалу. Вотъ почему Прага отъ Зальцбурга отошла къ Майнцу, который теперь сталъ зоркимъ аргусомъ вѣрности Чехіи. Такъ сковывалась имперія Оттона Великаго въ ея ленахъ владѣніями митрополій. Эта роль клериковъ ясно выразилась и дѣятельностью майнцскихъ архіепископовъ Hatto'на (891—913, изъ аббатовъ von Reichenau) и Heriger'а (913—26) вмѣстѣ съ дѣятельностью Соломона, епископа von Constanz (890—920), которымъ пришлось оберегать цѣлостность нѣмецкаго государства въ періодъ Каролинговъ, Arnulf'а († 899) и сына его Людовика Дитяти († 912), и Конрада I († 918). Въ 936 году происходило небывало пышное коронованіе Оттона I въ Аахенѣ. Самая церемонія въ забытой столицѣ Карла Вел. была полна указанія на предстоявшую политику новаго короля, политику Карла Вел., котораго Отто бралъ себѣ за образецъ, какъ генія единенія. При этомъ Отто выставилъ на видъ каѳедру майнцской митрополіи, съ которой были связаны лучшія традиціи нѣмцевъ, традиціи Винфрида-Бонифація, организатора нѣмецкой государственности, и традиціи Hatto'на и Heriger'а, усердныхъ поборниковъ нѣмецкаго единства: Отто I принялъ корону не отъ руки тріерскаго архіепископа, какъ ожидалось, по заведенному обычаю, ни отъ руки кёльнскаго архіепископа, вступившаго съ тѣмъ въ споръ за право отправленія священнодѣйствія, такъ какъ Аахенъ былъ суффраганомъ Кёльна, отвергъ споривших и принялъ корону отъ майнцскаго архіепископа. Этотъ призывъ клериковъ къ совмѣстному труду на славу нѣмецкаго государства и обѣщалъ тѣ «красные дни», о которыхъ слышимъ мы отъ Бруно-Бонифація въ его плачѣ по Оттонѣ, въ словахъ, что «съ нимъ былъ Богъ и красные дни».

Мнѣ остается затронуть еще очень важное политическое явленіе, выражавшееся въ послѣкарловый періодъ. Стала очевидно обрисовываться предѣльность расширенія свѣтской власти.

Въ моментъ преступленія этой предѣльности политическій консерватизмъ клериковъ переставалъ служить главѣ государства;— явленіе, въ которомъ клерики вдругъ совпадали интересами съ воинами и всей тяжестью тогда дружной массы налегали на тормазъ, чтобы остановить политическій ходъ ускорительнаго движенія власти. Власть короля могла, какъ было ей угодно, территоріально расширяться въ сторону варваровъ во имя христіанской цивилизаціи, но переходить Альпы ей было пагубно;— вотъ политико-клерикальный тезисъ, находившій себѣ сочувствіе и у воиновъ.

Карлъ былъ баловнемъ космической силы, космическаго генія, но и онъ въ своей огульной миссіи единенія всего считался съ этимъ тезисомъ, платясь за нарушеніе его абсурдностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Абсурдностью, говорю, потому что мы не въ правѣ въ лицѣ Карла видѣть ханжу, хотя бы и въ той степени, какъ назовемъ его друга, Alcuin'a, аббата св. Мартина Турскаго († 804), называвшаго себя «вислоухимъ» (Flaccus) и топко настораживавшаго уши къ тому, что творилось на свѣтѣ. Самой крупной абсурдностью былъ фактъ, что ярый гонитель симоніи, Карлъ, самъ грѣшилъ въ ней, построивъ свою силу надъ Римомъ на порочности папы Льва III (795—816). Съ этого минимума выраженіе послѣдствій нарушенія тезиса идетъ прогрессивно въ нашемъ періодѣ черезъ короля Arnulf'a до третьяго Оттона, выразителя максимума. Внутренней силой, порождавшей явленіе, былъ, именно, тотъ политическій дуализмъ, что обусловливалъ на Западѣ жизненность государственнаго организма соблюденіемъ обоюднаго интереса — и церкви, и государства. Точкой приложенія силы было матеріальное положеніе членовъ государственнаго союза. Импульсомъ силы, порождавшей явленіе, было существенное свойство ненасытности въ стремленіи государя къ власти. Я опять вернусь къ своему исходному пункту изученія сферы Адальбертовой жизни, къ плачу Бруно-Бонифація по Оттонѣ I; исходному пункту, потому взятому, что личности Адальберта и Брунона тожественны по формѣ и разнятся

только тѣмъ, что одна мертва и нѣма, другая жизненна и трескуча. Итакъ, тогда постигло государство множество ударовъ *виною Оттона;* христіанская вѣра чувствовала гнѣвъ божій». Подъ Оттономъ надо понимать здѣсь *второго;* его вину — въ стремленіи за Альпы, куда гнало его, несомнѣнно, прежде всего честолюбіе жены, гречанки Θеофаніи: «тогда узналъ Отто свою неправоту въ томъ, что слушался жены; тогда раскаялся онъ въ томъ, что слѣдовалъ совѣту молокососовъ и отвергалъ предостереженія стариковъ»[59]). Однимъ изъ послѣднихъ былъ s. Mayol, abbé de Cluny (948—94), умолявшій въ Веронѣ императора вернуться къ нѣмцамъ.

IX.

Итакъ, вникая въ суть жизни нѣмецкаго государства и наблюдая ее въ политическомъ сердцѣ нѣмецкой имперіи, т. е. въ территоріи герцогствъ саксонскаго, франкскаго съ областью Лотарингіи временъ каролинговъ, баварскаго и швабскаго, мы приходимъ къ двумъ сторонамъ этой жизни — внутренней и внѣшней, и къ тремъ элементамъ этой жизни — воинамъ, клерикамъ и главѣ государства. Въ жизни внутренней замѣчаемъ тѣснѣйшую племенную связь одной національной семьи саксовъ, франковъ, баварцевъ и швабовъ. Эта тѣсная связь ясно выразилась въ коронованіи сакса Оттона Великаго, когда въ коронаціи приняли участіе, по Видукинду, Лотарингія казной, франки столомъ, швабы виномъ, а баварцы конюшней. Какъ во всякое живое тѣло всаживается природой злая и добрая воля, такъ и эта тѣсная семья не лишена была этой категоріи жизненности: герцоги, какъ было сказано, рвутся въ стороны, къ отдѣленію отъ семьи, клерики стягиваютъ рвущихся вонъ въ одинъ центръ. Въ жизни внѣшней, проявлявшейся въ территоріальномъ ростѣ государства, замѣчается два стремленія—нормальное и ненор-

59) *Brunonis* Vita S. Adalberti cap. 10.

мальное. Первое, въ формѣ христіанской цивилизаціи, въ данное время, въ правленіе саксонской династіи, естественно локализуется на границахъ Саксонскаго герцогства и нормально потомȕ, что въ интересахъ своихъ государство идетъ впередъ рука объ руку съ церковью, составляющей его душу. Второе, въ формѣ заальпійскихъ операцій, обусловлено не государственно-церковными нȕждами, а обостреніемъ нормы власти короля въ личную конкурренцію съ престоломъ византійскимъ. Поэтому отмѣченный политическій баллансъ злой и доброй воли въ самомъ сердцѣ нѣмецкой имперіи обусловленъ личностью короля, и, пока власть его не обострилась личностью, вся жизнь государственная централизуется въ немъ. Самая централизація выражается очень просто: епископы назначаются не герцоговою властью, а властью самого короля. Это назначеніе епископовъ и является критеріемъ политической сплоченности членовъ государственной семьи, потому что это назначеніе обусловливаетъ политическій баллансъ злой и доброй воли. «Изстари водится, писалъ папа Іоаннъ X (914—29) архіепископу Hermann'y von Köln; изстари водится, говоритъ, что только король, которому скипетръ данъ богомъ, въ правѣ раздавать клерикамъ епископіи»[60]). Во времена Генриха I (919—36), короля не помазаннаго, и власть его простиралась только на саксовъ и франковъ, избравшихъ Генриха; Баварія же и Швабія назначали себѣ сами епископовъ. Какъ болѣли клерики этихъ герцогствъ по розни ихъ отъ короля, свидѣтельствуетъ «Житіе св. Ульриха», еп. аугсбургскаго (923—73). Современный святому авторъ Житія, пресвитеръ Gerhard, разсказываетъ, что Ульриху явилась во снѣ мученица Афра, покровительница Аугсбурга, велѣла показать королю два меча, съ грифомъ и безъ грифа, и толковала, что мечъ безъ грифа представляетъ короля не помазаннаго, а съ грифомъ—принявшаго помазаніе[61]).

60) Mansi XVIII, 320.

61) «Vita s. Oudalrici» ed. G. Waitz ap. Pertz. «Monumenta Germaniae historica». Scriptores. IV, 389. Нѣм. переводъ von Georg Grandaur «Das Leben

Самая жизнь въ государствѣ имѣетъ вассальный строй и переживаетъ эпоху борьбы отъ назрѣвшаго осложненія жизни вносомъ въ ея первичный строй вліянія жизни извнѣ. Вассалы, какъ первичный элементъ въ государственной жизни, почвенны, интересами своими существенно закрѣпощены на своей территоріи, ибо вассалы въ нашей схемѣ слиты съ ихъ подданными, съ народомъ, нераздѣльно. Отсюда свойства: норма воинской жизни вассаловъ — война оборонительная въ широкомъ смыслѣ, т. е. собственно война за свою территорію, включая въ эту войну и военныя операціи христіанской цивилизаціи, потому что эта предотвращаетъ опустошительные набѣги дикихъ на территорію государственнаго организма; второе свойство — жизнь вассаловъ застойная, т. е. обычаи ихъ упорно живучи. Наоборотъ, государь является элементомъ оторваннымъ отъ почвы, какъ итогъ, подведенный изъ жизни вассаловъ. Его категорія—власть, идея которой суживается условіями территоріальности до сильнаго страданія въ самомъ понятіи; поэтому власть, по существу, стремится за границы территоріи, на которой она установлена, и, если война оборонительная въ узкомъ значеніи слова сулитъ ей смерть, то война наступательная зоветъ власть къ широкой жизни. Эта сфера интересовъ за территоріей наноситъ на государя вліяніе иноземное, и государь является носителемъ новыхъ условій жизни. Въ данную пору борьбы статическаго элемента государственной жизни съ элементомъ динамическимъ мы наблюдаемъ перевѣсъ на сторонѣ элемента статическаго. Государь вноситъ въ старую вассальную жизнь элементъ бюрократизма, именно, институтъ бургграфовъ, но чуждый элементъ остается внѣ ея. Прерываетъ государь наслѣдственность лена, но это ведетъ къ междоусобицѣ и отзывается на самой власти государя,

---

Oudalrichs, Bischof von Augsburg». Leipzig. 1891. 8°. (Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. Lieferung 91. Jahrhundert X. Suppl.). Авторъ Житія, пресвитеръ аугсбургскаго собора Gerhard, писалъ въ періодъ времени 983 — 93. Извѣстно, что Генрихъ I отказался отъ муропомазанія. О значеніи его см. у Gfrörer'a «Algem. Kirchengesch.» III, 1190 f.

почему этотъ принужденъ попускать наслѣдственности. Сама власть государя стремится стать наслѣдственной, но коса попадаетъ на камень: какъ ни царственно великолѣпенъ блескъ императорскаго трона, онъ мирится съ кажущейся только наслѣдственностью, а въ сущности тронъ остается избирательнымъ. Отто II въ стремленіи своемъ къ заальпійскимъ операціямъ не находитъ отклика въ своихъ вассалахъ, которые не даютъ ему войскъ, и государь становится въ тѣ условія безсилія, что низвергаютъ его въ сѣти низкой интриги, отъ которой померкаетъ его ореолъ. Въ преемникѣ этого государя, въ Оттонѣ III, власть государя, прогрессировавшая въ своемъ стремленіи за Альпы, дошла до своего апогея и стала расшатывать старые государственные устои; результатомъ этого обнаружилось всеобщее возстаніе, и, не умри во время императоръ, онъ былъ бы свергнутъ съ престола нѣмцами. Дружное возстаніе этихъ пришпилилось къ пустому событію въ Gandersheim'ѣ, и главой возстанія оказался глава нѣмецкой церкви, оплотъ, на который расчитывалъ Отто Великій, майнцскій архіепископъ Willigis[62]).

Наконецъ, надо выставить на видъ, что въ этомъ вниканіи въ суть жизни нѣмецкаго государства не поддается наблюденію народъ. Это потому, что онъ обезличенъ и слитъ нераздѣльно съ понятіемъ территоріи владѣнія, такъ какъ не пришла пора исторической жизни народа, начавшаяся только съ XV в. Въ эпоху среднихъ вѣковъ, эпоху папства и свѣтской власти, эпоху обезличенія народовъ, эпоху обскурантизма, народъ втоптанъ Римомъ въ землю, утрамбованную копытами конницы рыцарей. Жизнь народа вся сводилась въ своемъ обезличеніи къ неуловимому химизму тука земли, обѣщавшаго современемъ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, дать рослину, присущую почвѣ. А теперь земля, въ которую всаженъ былъ черный народъ, характеризовалась только своей гладью, отчетливо обрисовывавшей контуръ площади, территорію, а не народъ. Правда,

62) Gfrörer «Allgem. Kirchengesch.» III, 1555—68.

великій Карлъ, космическій геній котораго единилъ слѣпо все-все, принялся разрыхленіемъ почвы единить тукъ земли со слоемъ надъ землей; принялся заводить народныя школы и вызывать ими изъ земли рослину съ тѣмъ, чтобы бѣлая первичная поверхность ея позеленѣла подъ лучами свѣта хлорофиломъ и тѣмъ примѣнилась къ дыханію воздухомъ; т. е. съ тѣмъ, чтобы, послушная генію Карла, связала собой землю, воздухъ и свѣтъ; но это космическое единеніе Карлово земли, воздуха и свѣта служило только обнаруженію самыхъ свойствъ генія, свойствъ, которыя, не отвѣчавъ времени, замирали простыми бугорками неразвившейся формы. Протянись вѣкъ Карла въ Маѳусаиловъ вѣкъ, вылѣзъ бы изъ почвы народъ и убилъ бы средніе вѣка, душившіе его. Бугорки не развившейся формы, обнаружившіеся силою космическаго генія Карла и въ развитіи заглушенные временемъ среднихъ вѣковъ, обусловили въ данную пору гуманныя черты въ реформаціи страшно упавшихъ монастырей, именно, монастырскія школы, открывшія двери свои всѣмъ доступно; при чемъ не одинъ только свѣтъ этихъ школъ манилъ къ себѣ людей, искавшихъ свѣта, но и гуманная озабоченность школы, съ какой она совала голоднымъ питомцамъ своимъ кусокъ хлѣба въ ротъ и учебныя пособія въ руки, привлекала въ школу обездоленныхъ. Такая гуманность школъ реформированныхъ монастырей была результатомъ того, что на историческую поверхность изрѣдка стали всплывать дѣятели изъ народа. Кромѣ того, частью это общеніе школы обусловило тѣ спорадическія явленія въ обществѣ, которыя имѣли характеръ оппозиціи Риму и были провозвѣстниками заварки реформаціи Гуса а затѣмъ и полнаго восхода дневного свѣтила, Лютера, разсѣявшаго окончательно мракъ среднихъ вѣковъ. Но въ данную пору царила непроглядная ночь, темь которой нужна была для успѣшнаго проростанія корней, будущихъ государственныхъ устоевъ обществъ, раздѣлившихся въ новой исторіи въ національныя государства. Эта непроглядная ночь не царила бъ, если бы больше развилась форма бугорковъ силою Карлова генія, и если

бы ко времени патріарха Михаила Керулларія (1043—58) окончательно не выросла китайская стѣна между Западомъ и Востокомъ, изъ абстрактной церкви котораго шли прожигавшія Западъ идеи, а отъ престола βασιλέως βασιλέων озарялось искусство, съ которымъ всегда нераздѣльна наука. Теперь же, въ наблюдаемую пору, привольно текла средневѣковая жизнь, знати; чтобы жить въ ней, нуженъ былъ цензъ знатности, а не ума и силы воли. Regino, Prumiensis abbas († 915), въ своей Хроникѣ, подъ 892 г., характеризуетъ вюрцбургскаго епископа Рудольфа (892—908) чертой природной глупости; и тѣмъ не менѣе глупецъ выдвинулся на верхъ исторіи, всплывъ на пузыряхъ знатности происхожденія изъ семьи тѣхъ франкскихъ герцоговъ, что дали изъ себя королей нѣмцамъ. Нашъ Адальбертъ съ характернымъ обликомъ нищаго духа, заморышъ отъ природы, съ наклонностью, самой непритворной, къ аскетическому самоуниженію, это само по себѣ «ничто», сталъ исторической личностью, только благодаря знатности рода.

X.

Какъ сказано, наблюденіе наше сосредоточено на политическомъ сердцѣ нѣмецкой имперіи, т. е. на герцогствахъ лотарингскомъ, саксонскомъ, франкскомъ, швабскомъ и баварскомъ. Изъ нихъ Лотарингія въ сѣверной части (Рипуарія) сковывалась съ западной частью Саксоніи митрополіей кёльнской. Южная часть Лотарингіи, Moselland, совпала границами съ митрополіей тріерской, которая захватила въ свою территорію и часть франкскаго герцогства, именно два сѣверныхъ гау такъ называемой Franciae rhenensis, Engersgau и Logenahe inferior). Великанъ-митрополія, майнцская, сковала собой герцогства Саксонскос, Франкское вмѣстѣ съ Hassi'ей и Тюрингіей и Швабское или Алеманнію. Эта же митрополія съ послѣднихъ дней Оттона

Великаго обняла собой и территорію чешскаго герцогства съ Моравіей; тогда какъ другія двѣ территоріи съ чужеродцами, территорію съ языческими славянами, смежную съ востока съ Саксоніей, и территорію Польши, позади языческихъ славянъ и Чехіи съ Моравіей, стала вѣдать новая митрополія, магдебургская. Только одна зальцбургская митрополія, основанная въ 798 г., совершенно совпадала границами съ территоріей баварскаго герцогства. Такое обособленіе баварской церкви въ границахъ баварскаго герцогства составляло органическое условіе политической независимости герцога; потому что, если совпадали границы владѣнія церкви съ границами владѣнія герцогства, то естественно совпадали оттого и политическіе интересы ихъ, т. е.; церковь становилась душей герцогства, а это—политически полнымъ государственнымъ организмомъ. Въ виду этого нѣмецкіе императоры были прежде всего озабочены нарушить эту органическую полноту въ политической жизни Баваріи. Главной мѣрой являлось назначеніе въ герцоги баварскіе близкихъ родственниковъ самого императора и установленіе за ними надзора въ лицѣ бургграфа. Кромѣ этой мѣры, было еще двѣ: отдавать наиболѣе опасныя области или гау въ герцогствѣ въ отдѣльное отъ герцога управленіе креатурамъ императора или, наоборотъ, увеличивать владѣніе герцога территоріей, составлявшей майнцскую митрополію. Такъ Otto II одну баварскую марку, Nordgau, прилегавшую къ Чехіи, отдалъ Berthold'у изъ фамиліи Babenberger, а другую, между Моравіей и Каринтіей прилегавшую къ Венгріи, именно, Donaugau въ 976 г. отдалъ брату этого Berthold'a, Luitpold'у; обоимъ съ титуломъ маркграфа, при чемъ Donaugau стала съ тѣхъ поръ называться маркой Ostrich (нынѣ Oesterreich). Съ другой стороны, замѣчается склонность сливать территорію Баваріи съ территоріей Швабіи, какъ думаю, въ виду расположенія ея на территоріи майнцской митрополіи. По смерти герцога Арнульфа Злого (der Böse) въ 937 г. герцогство перешло къ сыну его Eberhard'у; но Отто Вел. выгналъ его въ 938 г. и посадилъ на баварскій столъ Арнульфова

брата, Berthold'a. Этотъ по своей смерти въ 945 г. оставилъ вдову Bilitrud'у съ малолѣтнимъ сыномъ Генрихомъ Младшимъ; но вдова участвовала въ возстаніи противъ Оттона, и семья умершаго герцога не только лишена была въ 952 г. Баваріи, но и вдовій удѣлъ Bilitrud'ы былъ отнятъ Оттономъ, который отдалъ теперь Баварію вмѣстѣ съ маркой Вероной брату своему Генриху. Этотъ Генрихъ I баварскій женился на Юдиѳи, дочери Арнульфа Злого. Въ 955 г. умеръ Генрихъ I, и герцогство перешло къ четырехлѣтнему сыну, Генриху II баварскому, по прозванью Сварливый (der Zänker). За его малолѣтствомъ стала управлять мать, умная Юдиѳь, и ближайшій ея совѣтникъ, Авраамъ, епископъ von Freisingen (957—94). Юдиѳь выдала свою дочь, Hadwig'у, за швабскаго герцога Burchard'a II. Бракъ былъ бездѣтенъ, и за смертью Burchard'a въ ноябрѣ 973 г. Швабія перешла къ Генриху II баварскому, принявшему въ 970 году правленіе отъ матери. Такъ подошло время Оттона II, и стала обнаруживаться слабость связи герцогства съ королевствомъ. Умеръ популярнѣйшій среди нѣмцевъ маститый епископъ Аугсбурга, св. Ульрихъ, въ 973 году. Интригами Генриха Сварливаго каѳедру св. Афры въ Аугсбургѣ занялъ ближайшій родственникъ баварскаго герцога, соименный ему Генрихъ (973—81), вопреки избранію капитула и съ большой неохотой императора, который, наконецъ, далъ свое утвержденіе. Въ этомъ событіи и сказалась расшатанность связи герцога и короля. Аугсбургская епископія тянулась по границѣ Швабіи, примыкавшей къ Баваріи какъ-разъ на границѣ фрейзингенской епископіи. Такимъ образомъ Бавaрія крѣпко сплотилась со Швабіей двумя преданными Генриху Сварливому фюрстами, епископомъ Авраамомъ и епископомъ Генрихомъ. Съ другой стороны, сторожевая служба майнцской митрополіи въ Алеманніи умалилась силой одного суффрагана, аугсбургскаго епископа; и въ случаѣ утраты Генрихомъ Сварливымъ Швабіи, у него въ швабской маркѣ оставался тайный союзникъ. Такъ и вышло, что Отто II отдалъ Швабію въ надежныя для себя руки, предан-

ному племяннику своему, своему тёзкѣ, Оттону, сыну Liutolf'a, умершаго въ 957 г. герцогомъ швабскимъ. Сама страна швабская была сильно расположена къ лишенной наслѣдственнаго владѣнія вдовѣ Бурхарда, Hadwig'ѣ, сестрѣ Генриха Сварливаго, и потому этотъ пользовался большой нравственной силой въ утраченной странѣ. Сварливый возсталъ явно противъ императора, но хитростью залученъ былъ въ Магдебургъ, на судъ фюрстовъ, и лѣтомъ заключенъ въ Ingelheim'ѣ. Черезъ два года, въ 976 г., бѣжалъ Сварливый изъ Ingelheim'a въ Баварію, гдѣ нашелъ себѣ большую приверженность въ своемъ народѣ, а въ лицѣ братьевъ маркграфовъ, Бертольдѣ и Luitpold'ѣ, креатуръ Оттона II, сопротивленіе. 21 іюля 976 г. самъ императоръ взялъ приступомъ столицу Баваріи, Регенсбургъ, но Генрихъ Сварливый успѣлъ бѣжать къ чешскому герцогу Болеславу, въ которомъ легко нашелъ себѣ союзника. Созванный императоромъ соборъ въ Регенсбургѣ отлучилъ отъ церкви бунтовщика Генриха съ его 28-мью приверженцами. Генрихъ былъ лишенъ баварскаго престола, который былъ присоединенъ теперь къ швабскому. Такъ племянникъ императора, Otto, сталъ герцогомъ баварскимъ и швабскимъ. Принадлежавшія къ Баваріи герцогство Каринтію и марку Верону отдалъ императоръ Генриху Младшему, только что вошедшему въ милость къ Оттону II вмѣстѣ съ матерью своей Bilitrud'ой, которой возвращенъ былъ отобранный въ 952 г. ея вдовій удѣлъ. Несмотря на эту недавнюю милость императора, Генрихъ Младшій сталъ на сторону Генриха Сварливаго, а къ нимъ присоединился теперь открыто и Генрихъ, еп. Аугсбурга. Теперь возстаніе шло отъ лица трехъ главарей, трехъ Генриховъ, со значительной помощью чужеродцевъ-герцоговъ, Болеслава чешскаго и Misеco (Мѣшко) I польскаго († 992), противъ императора Оттона II и его вѣрнаго дѣятельнаго союзника Оттона баварско-швабскаго. Обоимъ приходилось страшно жарко отъ герцоговъ-чужеродцевъ, и мы слышимъ въ плачѣ Бруно-Бонифація въ словахъ «съ поляками воевали,—ихъ герцогъ Misico

побѣждалъ хитростью», именно, жалобу на неудачи войны Оттона II съ Польшей, союзницей Генриха Сварливаго[63]). Наконецъ Оттонамъ удалось успѣшно осадить въ Passau, Neuburg'ѣ и Регенсбургѣ трехъ Генриховъ, которые сдались и, по суду съѣхавшихся въ мартѣ 978 года въ Магдебургъ фюрстовъ, сданы въ надежныя руки, Генрихъ Сварливый—въ Утрехтъ, Генрихъ еп. аугсбургскій — аббату von Verden, а Генрихъ Младшій—неизвѣстно кому. Этимъ не кончились, однако, баварскія дѣла. На рейхстагѣ, въ Веронѣ, лѣтомъ 983 г. Генрихъ Младшій снова сталъ герцогомъ, но теперь уже баварскимъ, а въ Швабію назначенъ тогда же Конрадъ, франкскій герцогъ: къ тому времени умеръ герцогъ баварско-швабскій Отто. Однимъ изъ дѣлъ этого рейхстага, на которомъ нашъ Адальбертъ получилъ отъ императора ленъ а отъ руки майнцскаго архіеп. Willigis 29 іюня консекрацію въ епископа пражскаго; однимъ изъ дѣлъ этого рейхстага, говорю, было назначеніе дня коронованія четырехлѣтняго Оттона III, отосланнаго съ этой цѣлью отцомъ въ Аахенъ. Коронація совершалась 25 декабря 983 г., и скоро послѣ нея пришло въ Аахенъ извѣстіе о кончинѣ 7 декабря императора Оттона II. Возникъ споръ объ опекѣ, претендентомъ на которую явился въ Аахенъ Генрихъ Сварливый. Онъ нашелъ себѣ сильныхъ сторонниковъ: въ лицѣ отъявленнаго интригана, магдебургскаго архіепископа Giselher'а, о которомъ рѣчь впереди; профессіонально продававшаго свое политическое вліяніе епископа мецскаго Theoderich'а I (964—84), вліятельнаго друга Оттона II и смертнаго врага его жены Ѳеофаніи; тріерскаго архіеп. Егберта, того самаго, что славенъ въ исторіи искусства и фигурируетъ на дедикаціонныхъ миніатюрахъ Тріерской Псалтыри, преобразившейся въ нашъ Codex Gertrudianus; епископа Рорро'на, надзиравшаго за арестованнымъ Генрихомъ Сварливымъ; самого архіепископа Кёльна, Варина (976—84,

63) H. Zeissberg «Miseco I der erste christl. Beherrscher der Polen» Ss. 84 f.

иначе Walram), въ митрополіи котораго былъ Аахенъ; извѣстнаго въ исторіи архіеп. реймскаго Adalbero'на, что въ Аахенѣ возсталъ-было а потомъ стаковался съ Генрихомъ; наконецъ, Герберта, представителя учености, математика, слывшаго за чернокнижника, будущаго руководителя Оттона III, современемъ папы Сильвестра. Много нашелъ себѣ сторонниковъ Генрихъ Сварливый не въ области симпатій, а путемъ подкупа и посула личныхъ выгодъ, и скоро сталъ играть роль уже Gegenkönig'а, роль, которой принудилъ возвратить ему наконецъ его права на Баварію съ условіемъ отказа на претензіи бо́льшія. Въ 985 г. Генрихъ Младшій принужденъ былъ уступить занятый имъ въ 983 г. баварскій столъ Сварливому, удержавъ за собой Каринтію, которая возвратилась къ Сварливому только со смертью Генриха Младшаго въ 989 г. Генрихъ II баварскій умеръ въ авг. 995 г., оставивъ Баварію сыну своему Генриху III баварскому, ставшему въ 1002 г. нѣмецкимъ королемъ Генрихомъ II и вѣнчавшемуся императорской короной въ 1014 г.

Это одна картина жизни нѣмецкаго государства; теперь я перейду къ другой, которая освѣтитъ обвиненіе Оттона II Бруно-Бонифаціемъ, какъ представителемъ общественнаго мнѣнія. Вся эта картина строится на несчастныхъ порывахъ Оттона II за Альпы. Въ этихъ порывахъ императоръ встрѣтилъ дружный отпоръ въ нѣмецкихъ фюрстахъ, естественно отказавшихся служить своими войсками личной прихоти государя. Оттону хотѣлось дать урокъ заносчивой Византіи за Альпами, въ ея владѣніяхъ въ южн. Италіи. Баварско-швабскій герцогъ Отто вѣрно служилъ и здѣсь императору своими баварцами и швабами: вѣрный вассалъ самъ погибъ, добравшись назадъ только до города Луки, недалеко отъ Флоренціи, и умеръ 1 ноября 982 г. изнуреніемъ силъ въ бѣгствѣ отъ сарацинъ, союзниковъ Византіи. Походъ, начатый въ январѣ 982 г., былъ очень успѣшенъ до 13 іюля, т. е. до дня битвы при Squillace, на юговост. берегу Калабріи, гдѣ сарацины наголову разбили Оттона II, только чудомъ спасшагося вмѣстѣ съ Оттономъ бавар-

скимъ отъ преслѣдованія сарацинъ и потерявшаго разомъ все, что добыто было походомъ до этого несчастнаго дня. Лѣтомъ 983 г. Отто на рейхстагѣ въ Веронѣ напрасно искалъ новыхъ войскъ для возобновленія похода противъ грековъ. Конечно, эти порывы оправдывались примѣромъ отца; но главнымъ образомъ импульсъ ихъ былъ въ женѣ Оттона II, Θеофаніи, дочери греческаго Романа, потомка великаго Василія Македонянина, женщинѣ необыкновенно гордой, съ болѣзненно уязвленнымъ самолюбіемъ еще въ Византіи. Заносчивость византійскаго βασιλέως βασιλέων, съ эпитетомъ «божественный», была всего понятнѣе Θеофаніи, родившейся подлѣ блеска византійскаго трона; поэтому она страдала глубоко отъ этой заносчивости, ставъ женой нѣмецкаго императора, на котораго βασιλεύσ въ самообольщеніи смотрѣлъ просто, какъ на полководца. Самъ же Отто II выросъ въ простой жизни воина, подвизался въ соревнованіи съ отцомъ въ воинскомъ успѣхѣ, тяжело занятъ былъ оттяганіемъ съ бою каждой пяди на пути къ невзыскательному величію. Отто II не забылъ всѣ униженія славнаго отца въ его исканіи греческой крови для потомковъ своего сына, и Θеофанія умѣла взвинтить своего мужа даже до забвенія чести въ исканіи средствъ для похода, который бы сбавилъ спѣси у раззолоченной Византіи. Соревнованіе съ этой Стараго Рима жило традиціонно въ вѣчномъ городѣ, бывшемъ «пупомъ земли» для Оттоновъ. На картинѣ фигурируютъ императоръ Otto II, съ одной стороны, и Giselher, епископъ Мерзебурга (971—1004), съ другой. Оба съ гвоздемъ въ головѣ. Одинъ, въ толпѣ льстецовъ придворной молодежи и вкрадчивыхъ пронырь въ родѣ Theoderich'a, мецскаго епископа, подъ воздѣйствіемъ требовательной Θеофаніи, взвинченъ до idée fixe похода въ южн. Италію и не находитъ нужныхъ къ тому войскъ: однихъ войскъ услужливаго Оттона баварско-швабскаго мало, чтобы молніей воинскаго величія пасть на византійскія владѣнія въ Италіи, какъ рисовало распаленное лестью воображеніе. Другой ослѣпленъ блескомъ магдебургскаго митрополичьяго стола, державно

сосредоточившаго въ себѣ всю политику нѣмецкаго государства, органически обусловленную эпохой. Каѳедра освободилась: 21 мая 981 г. умеръ первый съ основанія магдебургскій архіепископъ Адальбертъ, давшій имя нашему Войтѣху-Адальберту. Капитулъ избралъ уже преемника. Это нашъ знакомецъ Отрихъ, учитель магдебургской школы. Онъ ждетъ утвержденія императорскаго. Giselher богатъ; карманы его туго набиты; а время обуяло и всѣхъ, и вся симоніей, успѣвшей посѣдѣть на своемъ вѣку и профанировать все святое. Giselher'у сильно мѣшаетъ назойливый старый канонъ, запрещающій епископамъ перемѣщенія. Но «у римлянъ все продажно», замѣчаетъ по этому поводу правдивый Thietmar. Надо склонить императора на свою сторону; надо закрыть ему глаза на канонъ, на страхъ передъ св. Лаврентіемъ, патрономъ мерзебургской епископіи; надо заткнуть императору уши, чтобъ не слышно было ему голоса негодованія общества; надо уничтожить каѳедру св. Лаврентія, остаться Giselher'у безъ мѣста и тогда въ возмѣщеніе утраченной каѳедры св. Лавренія получить Магдебургъ. Для всего этого отъ 26-лѣтняго Оттона требуется только согласіе: остальное все устроитъ самъ Giselher. Theoderich von Metz купленъ, по показанію Thietmar'а, тысячью фунтами чудодѣйственнаго металла. Giselher услужливо предоставилъ Оттону свое войско для похода за Альпы. Отто тронутъ усердіемъ вассала и хочетъ видѣть такого вассаломъ въ Магдебургѣ. Римъ, какъ по писанному, исполняетъ желаніе Giselher'а, и онъ 30 ноября 981 г. уже въ Магдебургѣ и дѣлитъ упраздненную каѳедру Мерзебурга между епископами von Halberstadt, von Zeiz, von Meisen а часть оставляетъ себѣ, для Магдебурга. Такъ исчезъ стратегическій пунктъ христіанской цивилизаціи, Мерзебургъ, а самый центръ ея, Магдебургъ, былъ зачумленъ Giselher'омъ, который растрясъ свои карманы не безъ основательной надежды на лихву. Самая сила воинская, бывшая въ распоряженіи христіанской цивилизаціи, значительно ослабла отвлеченіемъ силъ безъ возврата за Альпы. «Тогда стряхнули съ себя лютичи ярмо

христіанства и въ заблужденіи, котбрымъ объяты и по сю пору, бросились къ своимъ богамъ; а христіане падали отъ меча, кто только не успѣлъ бѣжать.... христіанская вѣра чувствовала гнѣвъ божій... храбрость нѣмцевъ погребена; воинственный маркграфъ Hodo съ изодраннымъ знаменемъ обращается въ бѣгство». Такъ повѣствуетъ Бруно. Thietmar вторитъ ему въ приписаніи вины огромнаго возстанія славянъ въ 983 г. раздѣлу территоріи мерзебургской епископіи. Покойный Zeissberg[64]) оспаривалъ вѣрность взгляда Брунона и Thietmar'a, но не убѣдительно. Именно тѣмъ, что эти люди стояли такъ близко къ дѣлу и знали многое, чего не знаемъ мы, скудные документами времени Оттона II, какъ самъ говоритъ Zeissberg, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Правдивость Thietmara извѣстна, а пониманіе дѣла внѣ подозрѣнія. Что до Брунона, то при всей распаленности его ума, онъ былъ компентентенъ въ той области сужденія, гдѣ былъ, какъ у себя дома, въ дѣлѣ христіанской цивилизаціи, за которой онъ слѣдилъ зорко всю свою жизнь глазами современниковъ. Въ 12-й главѣ «Житія Адальберта» Бруно приводитъ сонъ одного мудраго мужа. Видѣлся ему Отто II на блестящемъ тронѣ, окруженный своими фюрстами. Вдругъ гнѣвно подошелъ къ трону свѣтлый юноша и вырвалъ у императора тронное подножіе. То былъ св. Лаврентій, покровитель Мерзебурга. Спрошенный сновидцемъ Лаврентій объяснилъ причину своего гнѣва нанесеніемъ святому поношенія уничтоженіемъ мерзебургской каѳедры и грозился при этомъ свергнуть императора съ престола, если поношеніе не будетъ смыто, и каѳедра не будетъ возстановлена. Вѣсть объ ужасномъ снѣ дошла до императора, но не исправила Оттона, и, по словамъ Брунона, всемогущій богъ омрачилъ дни нераскаяннаго а скоро и вовсе лишилъ царства и жизни. Какъ извѣстно, Giselher успѣлъ умереть на магдебургскомъ престолѣ и ловко отвертывался своей хилостью отъ явки на судъ собранія,

64) ibid. стр. 88, въ сноскѣ.
Thietmari Chronici III, 9 (ap. Pertz. Mon. scr. III, 763).

имѣвшаго цѣлью возвратить интригана въ прежнюю обстановку мерзебургскаго епископа. Каѳедру удалось возстановить только Генриху II 4 марта 1004 года.

Симонія была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ того времени, такъ пришедшимся по плечу средневѣковому обществу, что всякая борьба противъ нея была такъ же абсурдна, какъ абсурдно было бы требованіе, чтобы плоть не принимала въ себя пищи. Симонія расшатала имущественныя права церкви; и въ ней, задѣтой за живое, симонія вызвала себѣ оппозицію, но, конечно, самую безпомощную, хотя временами и самую ярую, если вспомнимъ обостреніе борьбы по почину Григорія VII. Гнѣвное чело этого царя-папы служитъ намъ прекраснымъ экраномъ, принявшимъ на себя съ такой для насъ ясностью этическія тѣни того времени. Весь этическій хаосъ сводится въ двѣ тѣни: Григорій мечетъ молніи противъ симоніи и противъ нарушенія caelibat'a. Вотъ два одинаково обычныхъ явленія того времени. Я уже отчасти касался неблагодарности средневѣковой почвы для семейнаго начала, для брака. Бракъ былъ въ страшно унылымъ положеніи и принятъ былъ обществомъ только въ критеріяхъ самчества. «Das Institut, говоритъ Alfred von Reumont, dessen Heilighaltung den sichersten Maassstab für sittlichen Standpunkt eines Volkes an die Hand gibt, die Ehe, verlor Kraft und Bedeutung. Mit ihm lockerten sich alle Familienbande» [65]). Мнѣ важно сопоставить эти два явленія въ средневѣковой этикѣ, потому что въ нихъ отразился обликъ средневѣкового общества. Оно держалось отнюдь не въ силу внутреннихъ условій, которыя бы плотно сковывали людей общностью интересовъ ихъ или стремленій, а прямо въ силу внѣшняго сгона въ толпу для эксплуатаціи этой толпы силой извнѣ. Христіанская цивилизація, какъ старался я освѣтить ее до сихъ поръ, была отнюдь не высшей ступенью для человѣка въ варварскомъ состояніи, а наоборотъ, низверженіемъ человѣка до

65) Alfred v. Reumont. «Geschichte der Stadt Rom» II, 248.

нуля его нравственнаго уровня. Общественность есть критерій подъема человѣческаго духа: ея развитіе прямо пропорціонально нравственному подъему. Въ состояніи варвара человѣкъ уже строился съ ближнимъ въ первую стадію общественности, въ племенную общину, зиждившуюся на сходствѣ языка, выразителя души человѣка; стало быть, строился на сходствѣ міровозрѣнія, создававшемъ единство обычая, а отсюда и права. Оглянемся назадъ: Константиново «быть по сему» отнюдь не помѣшало язычеству оффиціально просуществовать до V вѣка, если вспомнимъ положеніе Августина въ Африкѣ. Этотъ взглядъ назадъ, въ эпоху совмѣстнаго существованія язычества и христіанства, даетъ намъ чувствовать, что истые послѣдователи Христа конфузились нравственной чистоты языческаго общества наряду съ упадкомъ нравственности въ средѣ христіанскаго сброда. Оглянемся впередъ: мы всюду въ исторіи наталкиваемся на такъ называемое двувѣріе, двувѣріе, благополучно добравшееся и до нашихъ дней. Не говоритъ ли намъ это двувѣріе о неудовлетворенности въ духовной жизни народовъ, очутившихся въ новыхъ условіяхъ? не говоритъ ли о той пустотѣ содержанія христіанской цивилизаціи, что обусловила собою потребность вноса въ нее изъ полноты творчества духа человѣка въ дѣвственномъ состояніи? Да, конечно, варвары пали въ глубокій ровъ христіанской цивилизаціи; въ ровъ, имѣвшій двѣ высокія стѣны, обусловившія скученность людей, и предлагавшій залученнымъ помимо воли идти въ невѣданномъ дотолѣ направленіи, куда вели стѣны, къ средневѣковой государственности. Объятое мракомъ дно этого рва полно было ехиднъ, скорпіевъ и всякихъ другихъ христіанскихъ ужасовъ; вверху же, надъ рвомъ, узкимъ просвѣтомъ высилось недосягаемое небо. Кто глядѣлъ туда въ давкѣ? а если кто глядѣлъ, то что видѣлъ? Оставалось чувствовать тѣсноту давки, и люди были точь-въ-точь тѣми шариками, что силой однороднаго электричества забавно отпрыгиваютъ другъ отъ друга, подвѣшанные группой на кондукторѣ электрической машины. Вотъ средневѣковое общество. Мы слышимъ о симоніи

въ немъ, потому что симонія обусловливалась близорукимъ благополучіемъ отдѣльной личности; а близорукость обусловливалась недостаткомъ количества свѣтовыхъ лучей до чувства лома въ глазу. Мы слышимъ о многоженствѣ, о падкости къ плотскому соитію, обуявшей и духовенство, такъ вооружившееся противъ caelibat'a, что въ ярости топтало его и серьёзно грозило смертью его проповѣдникамъ и возстановителямъ. И все потому, что за недостаткомъ духовнаго свѣта естественный стимулъ семейнаго союза безслѣдно исчезалъ съ моментомъ спарки; а то, что предназначено природой къ обостренію интеллекта, служило омраченіемъ его и къ разряженію эмоціей гнѣва. Въ «Житіи св. Адальберта», въ 12-й главѣ, приводятся Канапаріемъ согласно съ Бруномъ причины бѣгства епископа изъ Праги; и между ними указывается на многоженство среди вельможъ и нарушеніе caelibat'a среди духовенства. Бруно сообщаетъ, что и отецъ Адальберта, какъ вельможа, не составлялъ исключенія. Изъ языческихъ обычаевъ, сопровождавшихъ многобрачіе, въ данное время особенно распространенъ былъ старый индоевропейскій обычай кражи невѣстъ, не церемонившійся и съ коннами монастырей; и мы читаемъ рядъ соборныхъ постановленій противъ этого обычая, настолько живучаго, что не отставалъ отъ человѣка, какъ тѣнь, во всю исторію его культуры. Какъ печальна была въ это время повсюду почва для брака, говоритъ уже то обстоятельство, что самая страна, откуда во время оно шла озарившая Среднюю Европу христіанская культура, была объята теперь грубостью нравовъ Григорій VII въ 1073 г. убѣждалъ Кентерберійскаго архіепископа запрещать всяческими мѣрами распространившееся всюду зло «не только бросать своихъ женъ, но и продавать ихъ»[66]).

Цѣлый вѣкъ венгерскихъ войнъ и междоусобицъ, говоритъ

66) «proprias uxores non solum deserunt, sed etiam vendunt». Philippus Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum. Tom. II: «Monumenta Gregoriana» (Berolini. 1865). Gregorii VII epistolae collectae, p. 521.

извѣстный своимъ трудомъ надъ баварскимъ архивомъ историкъ Buchner, привелъ баварцевъ вмѣстѣ съ прочими нѣмецкими народностями въ страшный нравственный упадокъ. Въ 960 г. изъ 30 монастырскихъ школъ, основанныхъ Карломъ Вел. въ Баваріи, ни одной уже не оставалось. При соборныхъ школахъ въ Регенсбургѣ, Passau, Зальцбургѣ, Freising'ѣ, уцѣлѣвшихъ отъ венгерскихъ погромовъ, пребывали еще немногіе схоластики, только и занятые теперь тѣмъ, что обучали немногихъ изъ молодежи кой-чему въ латинскомъ языкѣ, умѣнью читать мшу да молитвеннымъ формуламъ; только бы сварганить на скорую руку пастыря въ провинцію, чтобы не оставить ее совсѣмъ безъ духовенства и не дать ей придти въ безусловный развратъ [67]). Въ самомъ разсадникѣ просвѣщенія, въ Италіи, невѣжество до того было велико, что епископу Вероны Ratherі'ю († 974) довелось убѣдиться въ незнаніи многими изъ веронезскаго духовенства даже сумвола вѣры. Пришлось требовать отъ духовенства знанія наизусть трехъ вещей: сумвола св. апостолъ, сумвола вѣры, что за мшей поется, и исповѣданіе вѣры св. Аѳанасія (начало «Quicumque vult salvus esse») [68]). Я уже имѣлъ случай выставить характерную разность обѣихъ церквей, византійской и римской; именно, въ витаніи первой въ идейной абстрактности и стремленіи второй, наоборотъ, всякую идею реализаціей снизвести въ видимость и чувственность (скульптура). Теперь къ слову о низменности уровня самого источника свѣта, Италіи, иллюстрирую состояніе этой низменности подъ давленіемъ атмосферы римской церкви. Тотъ же самый Ratherius въ словѣ

67) Buchner. «Geschichte von Baiern» III, 327 f.

68) Ratherii «Itinerarium Romam» in Ratherii opera ed. Petrus et Hieronymus fratres Ballerinii. Veronae 1765: «Sciscitatus itaque de fide illorum (о духовенствѣ веронезскомъ) inveni plurimos neque ipsum sapere symbolum, qui fuisse creditur apostolorum. Hac occasione Synodicam scribere omnibus presbyteris sum compulsas.... Въ этой Synodica между прочимъ читается: «Ipsam fidem—trifarie parare memoriae festinetis h. e. secundum symbolum—apostolorum,—et illam quae ad missam canitur, et illam s. Athanasii, quae ita incipit: «Quicumque vult salvus esse». Gieseler. Lehrbuch der Kirchengesch. II, 226[1]. Сноска c.

своемъ «О четыредесятницѣ» боролся съ распространеннымъ между духовенствомъ Vicentiae ложнымъ мнѣніемъ, что у бога есть и руки, и ноги со ступнями, и глаза, совсѣмъ какъ у человѣка. И это представленіе бога обосновывалось на словахъ Быт. 1,27, Іова 10,8 и Пс. 34,16 такъ убѣжденно, что Ratheri'ю пришлось самому серьезно защищать себя особымъ сочиненіемъ противъ обвиненія въ ереси и безбожіи на основаніи утвержденія, что богъ безплотное существо [69]). Вотъ какъ сильно сказывалась чувственно пресмыкавшаяся плоть человѣка, препарированнаго во имя государственности Римомъ; и такъ во всемъ съ невѣроятной для насъ пошлостью. Кому же былò глазѣть въ узкій просвѣтъ неба надо рвомъ христіанской цивилизаціи? если это небо спущено было на землю къ услугамъ препарированныхъ людей. Прочтите письмо блаж. Іеронима объ экстазѣ св. Павлы, попавшей на это спущенное небо въ окраинахъ Палестины; прочтите и вѣрьте умоизступленію Павлы, этого небеснаго ангела, воплощеннаго въ римскую матрону, ангела, наконецъ, добравшагося до своего «небеснаго отечества» (говоря языкомъ Василія Вел.), «небеснаго отечества», спущеннаго на землю услужливымъ Римомъ. Средневѣковая наука на Западѣ была ободраннымъ древкомъ знамени сѣдого Востока. И голое древко все терпѣло; терпѣло и не изламывалось, даже когда имъ рыли безпросвѣтную средневѣковую почву въ исканіи Философскаго камня, который бы все превращалъ въ золото мирнымъ путемъ, безъ набѣга вооруженной силы, безъ человѣческой крови. По истинѣ, наука, ты божеское достояніе, если и пустое твое древко направляло людей къ миру въ ихъ ненасытномъ золотомъ голодѣ. Но призракъ науки не

---

69) Ratherii Sermo de Quadragesima. «Contra reprehensores sermonis ejusdem»: Non dicit Ratherius, quod Deus Dei filius, Dominus noster I. Chr., non habet caput, oculos, manus et pedes etc.... Non dicit Ratherius, quod malum faciat, qui vadit ad ecclesiam s. Michaëlis, aut audit missam s. Michaëlis, sed dicit Ratherius, quod mentitur ille, qui dicit, quod conveniat alicui melius secunda feria ire ad ecclesiam s. Michaëlis vel missam s. Michaëlis audire, quam in alio die etc. Gieseler ibid. pp. 228—9 nota g.

былъ наукой и потому не цѣнилъ человѣка, въ которомъ скомканъ былъ духъ: гомеопатическая доза въ формѣ «trivium-quadrivium» еще глубже низвергала человѣка въ область чудеснаго, щедрую только на отвратительные образы христіанскихъ ужасовъ. Въ данное время наибольшее количество знанія сосредоточивается около классическаго міра и принимаетъ даже форму грекоманіи. Причина тому, конечно, дворъ Оттоновъ, ставшій полонъ греческаго (преимущественно женскаго) персонала. Является цѣлая масса сокровищъ греческой мудрости; но эта мудрость на средневѣковой почвѣ Запада стынетъ въ окоченѣлый трупъ, не дающій, конечно, плодовъ, которые бы ожидали отъ греческой мудрости. Вся грекоманія послѣ Оттоновъ постепенно, но успѣваетъ исчезнуть уже въ XI вѣкѣ. Въ первой его половинѣ процвѣтаетъ въ Регенсбургѣ, въ школѣ св. Emmeram'a, дѣятельность Othlo'на, 19-ти лѣтъ поступившаго въ монастырь въ 1032 г. и прожившаго въ немъ полвѣка, до самой смерти въ 1083 г. Непріятности съ аббатомъ монастыря, Reginhard'омъ, заставили Othlo'на въ 1062 г. удалиться на 6 лѣтъ въ монастырь Fulda; прочее же время Othlo безотлучно провело въ своемъ монастырѣ, дни и ночи коротавъ за чтеніемъ и письмомъ книгъ. Онъ былъ выбранъ въ ректоры школы а въ концѣ жизни и въ деканы капитула. Othlo былъ приведенъ въ ужасъ невѣріемъ и порчей нравовъ отъ чтенія молодежью языческихъ писателей и предложилъ учителямъ вмѣсто Горація, Виргилія, Гомера заняться толкованіемъ Псалмовъ Давида, а самъ сталъ готовить латинскіе учебники, которые и стали вводиться въ школы и вытѣснять греческую мудрость. Вотъ еще судьба классицизма. Сестра Генриха II баварскаго, Gerbirge, пристрастилась къ римскимъ греческимъ авторамъ и въ бытность ея аббатиссой zu Gandersheim проводила время въ чтеніи классиковъ со своими ноннами. Одна изъ нихъ, Hroswitha, такъ совершенно постигла авторовъ пониманіемъ, что стала и ихъ приводить въ христіанство: она очищала комедіи Теренція отъ сальностей и преподавала такимъ образомъ языческаго автора въ пищу совсѣмъ христіанскую.

Итакъ, если случайно низвергался со своей выси идеально-прекрасный классическій міръ на средневѣковую почву, то тамъ, въ вышинѣ, оставалась пребывать его душа, а тутъ о низину грузно шлепался одинъ трупъ, который спѣшили убрать прочь Othlo'ны, бальзамировать Hroswisth'ы, пожирать невзыскательные черви.

Таковы были условія этической стороны даннаго времени, условія, всѣ исходившія отъ обезличенія народностей и заключавшіяся въ аренѣ дѣйствія только физической силы. Вѣдь, сила варваровъ была такъ громадна, что физической силы у цивилизаціи не хватало, и приходилось церкви самой надѣвать броню, самой заносить мечъ; сначала — въ самозащитѣ, потомъ — въ наступленіи. И сталъ клерикъ воиномъ. И совпали церковь и государство въ мірскомъ интересѣ безъ всякаго помину на разграниченіе притока «цезарева къ цезарю, а божьяго къ богу». Тогда утратило духовенство свой престижъ въ погонѣ за мірскими интересами, ничѣмъ-ничѣмъ не отличавшись отъ мірянъ. Церковь, монастырь, замокъ слились въ понятіи. «Язычникъ», «христіанинъ» путались въ представленіи, занятомъ категоріей «врагъ», «союзникъ». Все смѣшалось, все пришло въ хаосъ. Церкви и монастыри грабились. Епископства и аббатства покупались. Въ монастыряхъ стали различать аббата свѣтскаго, полнаго хозяина, и аббата духовнаго, игравшаго роль эконома: и появились купчія на монастыри, дарственныя записи, духовныя завѣщанія; стали монастыри отдаваться даже въ приданое женамъ. Все святое крайне профанировалось. Нравы опустились до самаго низкаго уровня. Крѣпко было только желѣзо, присяга же — пустой обрядностью. «Kein Eid verpflichtete mehr, wo Treue ein leeres Wort geworden war», говоритъ von Reumont[70]). Тоже Генрихъ Luden: Auf dem öffentlichen Tage zu Verona (т. е. на рейхстагѣ въ іюнѣ 983 г., что поминался мной).... im

70) Alfred Reumont. «Gesch. der Stadt Rom» II, 248.

Besondern haben die langobardischen Gesetze, wenn keine Verbesserungen, doch Veränderungen und Zusätze erhalten, wie sie wohl nothwendig sein mochten *bei so grosser Treulosigkeit überall*»[71]).

XI.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи упадка нравственности былъ Западъ, нашедшій себѣ поддержку въ Востокѣ. Въ данную эпоху среди разнузданности общества вкрался въ него аскетизмъ, именно, какъ послѣдствіе разнузданности, какъ исходъ изъ нея людей, которымъ стало не выносимо положеніе вещей.

Аскетизмъ на Западѣ былъ старый гость съ Востока. Занесенъ онъ былъ частью ирландцами и франками, культивировавшими Среднюю Европу, частью самими греками, поскольку имъ былъ непосредственно доступенъ Западъ; но первоначально Западъ обязанъ св. Іерониму, около котораго, на Востокѣ, стягивалась аскетическая колонія съ Запада. Всѣ эти корешки постоянно-долго питались отъ паломничества во св. Землю. Конечно, не могъ Западъ освоиться съ гостемъ, но, именно, чествовалъ его, какъ диковиннаго гостя, а современемъ и самъ выработалъ суррогатъ ему, ту богосозерцательную жизнь, что такъ сильно выразилась въ искусствѣ готическимъ стилемъ. Въ данное время паденіе монастырской жизни обусловило характерное для этой эпохи явленіе, реформу монастырей, поднятую энергіей лучшихъ тогда представителей духовенства; реформу, пролитую, какъ заживляющій раны бальзамъ, изъ громко извѣстнаго въ исторіи монастыря Cluny, игравшаго для Запада втече-

---

71) Heinrich Luden. «Geschichte des teutschen Volkes». VII Band, Seite 229.

ніе всего X и всего XI в. роль нашего Лѳона. Въ томъ историческомъ фактѣ, что какъ-разъ въ XI в. на ряду съ крайнимъ паденіемъ монастырской жизни наблюдается и особенно усиленная дѣятельность въ основаніи массы новыхъ монастырей, надо различать два теченія. Съ одной стороны, въ самомъ обществѣ наблюдается тотъ разладъ съ жизнью, изъ-за котораго люди бросаютъ міръ и прячутся отъ него въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ и возникаетъ импровизированная монастырская жизнь. Съ другой стороны, возникаетъ сверху систематическій подъемъ монастырской жизни реформой монастырей по образцу строго-аскетической бенедиктинской конгрегаціи de Cluny, возникшей въ 909 или десятомъ году. Оба теченія, вышедъ изъ разныхъ источниковъ, удачно сошлись и дружно слились въ волны, затопившія собой вавилонъ папскаго безобразія, вознесеннаго до облаковъ; потопили и на мѣстѣ Вавилона вознесли въ лицѣ Григорія VII, питомца de Cluny, ту завѣщанную Христомъ скалу, что величественно мощно поднялась надъ широкимъ-широкимъ горизонтомъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, ни самая личность Григорія VII, ни вліятельная конгрегація de Cluny, на которую опирался Григорій, сами по себѣ не могли обусловить того всемогущества, что такъ неожиданно проявилъ этотъ царь-папа, если бы аскетизмъ, правда, своеобразный не вкрался въ распущенное общество. Чтобы прислушаться ухомъ къ этому историческому аккорду, надо вспомнить народное творчество, которое, переполнивъ завѣщанную ему чару устныхъ традицій, такъ безцеремонно полно вылилось подъ перо одного анонима въ Житіи св. Гоара, въ произведеніи, не нашедшемъ себѣ надлежащей оцѣнки въ сокровищницѣ историковъ, преподанной Potthast'омъ [72]). Это Житіе или, точнѣе, чисто народная сага или сказка о Гоарѣ, не перекрестясь, переступившая порогъ

72) August Potthast. «Wegweiser...» (Berlin 1896): «Vita s. Goaris presbyteri confessoris (saec. VI) ad s. Goarem in argo Trevirensi (St. Goarscelle) auctore anonymo, forte subaequali. Die Schreibart deutet nicht auf merowingische Zeit, kommt nicht über das 9 Jahrh. hinaus. Wertlos».

почтенной агіологіи, свидѣтельствуетъ намъ, какъ живо чувствовался народомъ упадокъ монастырской жизни, на мѣсто которой народная фантазія создавала свой идеалъ анахорета. Тріерскій пустынникъ Гоаръ — личность былинно-миѳическая; т. е., ничто иное, какъ подведенная народомъ общая формула (олицетвореніе) широкой во времени дѣйствительности. Характеризуетъ этого анахорета народная фантазія чертой гостепріимства. Онъ, Гоаръ, въ противоположность восточнымъ анахоретамъ, жившимъ или подаяніемъ, или «саморастущими въ пустынѣ мелагріями», божьимъ промысломъ самъ зажиточенъ и кормитъ прохожій народъ отъ своего чудодѣйственнаго хозяйства, въ которомъ дикія лани служатъ ему дойными коровами. Вотъ какого анахорета, анахорета-питателя, представляетъ себѣ народная фантазія въ тоскѣ по упадку монастырской жизни, въ которой не находитъ народъ уже того, что привыкъ находить, именно, *сильную поддержку въ своемъ горькомъ быту*. Да, была эта поддержка чувствительна народу, и угадали лучшіе монастыри данной эпохи эту свою функцію и оттого усѣлись въ лоно народа. Въ этихъ монастыряхъ сказался слѣдъ космическаго генія Карла Вел., начавшаго единить тукъ земли, воздухъ и свѣтъ. Вспомнимъ Cluny въ управленіи св. Одилона (994—1048), когда монастырь во время страшнаго голода 1030 года распродавалъ свои драгоцѣнности до золотой короны, полученной отъ нѣмецкаго императора. Вспомнимъ друга Одилона, Вильгельма, аббата св. Бенигна въ Дижонѣ (990—1031), избранника еще св. Mayol, аббата того же Cluny (948—94), того самаго старца Mayol, что уговаривалъ Оттона II въ Веронѣ вернуться къ нѣмцамъ и бросить свои заальпійскія операціи. Вильгельмъ былъ знаменитымъ реформаторомъ монастырей нашей эпохи. Вспомнимъ его доброе отношеніе къ бѣдствію народа, его заступничество угнетенныхъ передъ королями, его математическо-медицинскую школу, что не только доступна была бѣднымъ міянамъ, т. е. была *безплатна* для нихъ, но и заботливо пеклась о достаткѣ имъ насущныхъ потребностей, хлѣба и учебныхъ по-

собій. И такая школа была не только въ Дижонѣ, но и въ прочихъ реформированныхъ Вильгельмомъ монастыряхъ, которыхъ насчитываютъ до 40. Вотъ гдѣ нужно видѣть силу Cluny, этой almae matris монастырей нашей эпохи. Конечно, семья не безъ урода, и семья реформаторовъ породила явленія съ чертами уродства. Мнѣ при этомъ рисуется правда, подмѣченная Георгомъ Юричемъ[73]): явилась въ реформаторской дѣятельности манія стройки зданій. Anonymus Haserensis, котораго цитуетъ Юричъ, говоритъ, что началась ломка старыхъ зданій и возведеніе новыхъ. Крошечные и немногочисленные домишки, которымъ довольствовались раньше, не удовлетворяли любителей стройки. Епископъ Heribert von Eichstädt (1021—42) и его преемники строили или новыя церкви, или новые дворцы и укрѣпленные замки и были такъ дѣятельны въ своемъ начинаніи, что народъ привели въ разореніе. Цѣлое время навозницы, посѣва и обработки полей шло на стройку, а требованіе съ народа податей усилилось до страшной строгости; такъ что прежнее благосостояніе народа во времена предшественниковъ-епископовъ смѣнилось нуждой съ народнымъ негодованіемъ. «Что сообщаю я тебѣ, заключаетъ анонимъ, хорошо тебѣ извѣстно, ибо, какъ кажется, вюрцбургскіе епископы, подъ началомъ которыхъ ты живешь, родились съ тѣмъ, чтобы перестраивать четырехугольное въ круглое». Ну что же, заключу и я съ своей стороны, недѣля полна будней, а бываетъ изрѣдка и полна праздниковъ. Итакъ аскетизмъ, привившись къ Западу, несъ въ себѣ чистую и полную идею Христа — «отречься отъ земныхъ благъ во имя духовныхъ даровъ, которые бы пролили *земное благо вокругъ аскета*». Вотъ какъ реализовался на Западѣ пышащій только въ небо и простой до узкости созерцанія вѣчности аскетизмъ Востока.

---

73) «Adalbero, Graf von Wels und Lambach, Bischof von Würzburg und Gründer des Benedictiner-Stiftes Lambach in Ober-Oesterreich. Ein Beitrag zum Investiturkampfe. Nach Quellen bearbeitet von Georg Juritsch. Braunschweig. 1887. Страница 101. Адальберо епископствовалъ въ періодъ времени 1045—1085.

XII.

Обратимся къ епископіи Адальберта, къ Чехіи. Когда Адальбертъ принялъ епископство, борьба за національность въ Чехіи успѣла уйти далеко впередъ въ своей исторіи и изъ простой естественной борьбы язычества съ христіанской цивилизаціей вырости въ борьбу за политическую самостоятельность герцогства-чужеродца, принятаго въ нѣмецкую семью. Этотъ метаморфозъ оправдывался общей судьбой отживавшаго язычества, которому приходилось уступить мѣсто далеко распространявшемуся христіанству, приносившему съ собой государственную организацію.

Историку не дано знать эпоху эмбріональнаго развитія христіанства у народовъ вообще, и онъ довольствуется той стадіей его развитія, когда христіанство входитъ уже въ силу и производитъ то броженіе умовъ, что запечатлѣвается въ лѣтописяхъ. Первое такое извѣстіе, по отношенію къ чехамъ, пріурочиваютъ Annales Fuldenses[74]) къ 845 году, когда 14 родовитыхъ чеховъ приняли въ Регенсбургѣ крещеніе. Что это извѣстіе застаетъ христіанство въ Чехіи уже не въ маломъ значеніи, свидѣтельствуется фактомъ, что Чехія съ тѣхъ поръ надолго была подчинена регенсбургской епископской каѳедрѣ. Однако, неопровержимый фактъ крещенія чешскаго князя Боривоя около 871 года славян. первоучителемъ Меѳодіемъ сильно оспариваетъ у нѣмцевъ пальму первенства въ посѣвѣ христіанства въ Чехіи. Очевидно и неопровержимо, что сѣмя Меѳодія пало на добрую почву и принесло плодъ сторицею, тогда какъ сѣмя нѣмецкое, брошенное неловкой рукой, закованной въ латы, не успѣло дать такого плода, какой взростилъ кроткій, но сильный геній Меѳодія. Вотъ эта-то разница посѣва и положила начало тому, что я называю борьбой за національность, а нѣмецкіе

74) Pertz. Monum. Germaniae I, 364.

историки — борьбой язычества съ христіанствомъ. Мы знаемъ, какъ вводилось христіанство нѣмцами: при этомъ кровь лилась рѣкой. Знаемъ, и какъ вводилось христіанство геніемъ первоучителей славянъ: при этомъ просвѣтлялся умъ, зажигалось сердце любовью, *а открытыя буквами очи пробуждали* національное самосознаніе. Однако не одна сила желѣза была на сторонѣ нѣмцевъ: у нихъ было большимъ преимуществомъ близкое сосѣдство а съ нимъ и торговое сношеніе. Регенсбургъ, какъ складочный пунктъ преимущественно италіанской торговли и во время оно римскій а теперь нѣмецкій арсеналъ оружія, не могъ не быть сильнымъ магнитомъ, притягавшимъ варваровъ. Поэтому оттуда, изъ Регенсбурга, жизнь Запада глубоко запускала свои корневыя мочки и сильно всасывала ими неофитовъ въ общую жизнь съ нѣмцами.

Къ сожалѣнію, интересующій насъ періодъ чешской исторіи отличается неясностью извѣстій, до насъ дошедшихъ. Во всякой исторіи ея начальный періодъ совпадаетъ съ началомъ письменныхъ извѣстій о народѣ; а письменность въ христіанскую эру составляетъ непремѣнный аттрибутъ христіанства, какъ традиціонная литература служитъ исторіи народа въ его состояніи христіанскаго невѣрія. Поэтому и въ чешской исторіи черту, отдѣляющую доисторическій періодъ, справедливо проводятъ на извѣстіи о Боривоѣ, т. е. въ концѣ IX в. Однако, чешская исторіографія созрѣваетъ только на третьемъ поколѣніи историческихъ князей Чехіи и складывается при этомъ въ форму агіологическую, т. е. полную иносказанія, по существу своему, какъ было въ своемъ мѣстѣ отмѣчено мною. Уже это обстоятельство даетъ намъ сильно чувствовать всю неутѣшительность того, что мы находимся довольно далеко отъ области доисторическаго періода миѳовъ, т. е. иносказанія традиціонной литературы. Въ этомъ неблагопріятномъ условіи нашего положенія въ изслѣдованіи исторической почвы наша историческая критика осложняется еще и партійностью въ характерѣ дошедшихъ до насъ историческихъ извѣстій. Вѣрнымъ признакомъ этой партійности

въ историческомъ сообщеніи первоисточниковъ является уже то обстоятельство, что предметы въ событіи называются, очевидно, не своими именами. Партію Драгомиры и Болеслава Окаяннаго первоисточники а съ ними и нѣмецкіе историки называютъ партіей языческой. Какъ же язычница Драгомира могла строить надъ могилой своей жертвы, Людмилы, христіанскую часовню? Какъ язычникъ Болеславъ могъ строить у себя христіанскую церковь и, по случаю ея освященія, приглашать брата на пиръ, на пиру пить заздравную чашу во имя архангела Михаила? Какъ язычникъ Болеславъ могъ допустить христіанское торжество, по случаю перенесенія мощей Людмилы и Вячеслава? Какъ онъ, убійца-Каинъ, могъ терпѣть торжество, бывшее тяжелымъ поношеніемъ личности братоубійцы? Какъ, наконецъ, язычникъ Болеславъ могъ завершить постройку церкви св. Вита, не оконченную Вячеславомъ, по случаю его несчастной смерти? Очевидно, Драгомира и Болеславъ I были не язычниками, а такими же христіанами, какъ и ихъ жертвы. Итакъ, предметъ называется не своимъ именемъ, и подъ язычествомъ здѣсь надо понимать *національзмъ*, такъ враждебный христіанской цивилизаціи, какъ я уже имѣлъ честь представить въ своемъ изслѣдованіи. На такой же фактъ наталкиваемся мы и въ Житіи св. Адальберта, гдѣ пражская паства рисуется чертами языческаго звѣрства. Wilhelm von Giesebrecht на этомъ основаніи видѣлъ въ Чехіи паденіе христіанства до степени уже близкой къ язычеству и искалъ оправданіе этой близости въ частыхъ сношеніяхъ Болеслава *Благочестиваго* съ сосѣдними языческими народностями[75]). Крупный промахъ Вильгельма von Giesebrecht, такого солиднаго историка, исходилъ изъ той же повальной некритичности историковъ въ пользованіи агіологическими памятниками, некритичности, на которую я уже указывалъ, говоривъ о Gfrörer'ѣ. И здѣсь, въ Житіи св. Адальберта, черты

75) Wilhelm von Giesebrecht. «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». 4-te Auflage (Braunschweig 1874). I, 656 und 682—90.

упадка христіанства въ Чехіи, близкія къ чертамъ язычества, надо разумѣть чертами *національнаго самосознанія* чеховъ, нетерпимыми для римской церкви. Нравы чеховъ отнюдь не отличались отъ нравовъ прочихъ сыновъ западной церкви. Одинаковость условій жизни этой церкви порождала сильное однообразіе въ этикѣ, нарушавшееся только спорадически проявленіемъ народнаго духа тамъ, гдѣ онъ такъ или иначе жилъ вопреки желанію зап. церкви. Этотъ унисонъ этики отражался въ обычаяхъ, правѣ и самой жизни людей на всей площади римской централизаціи; придавалъ этой площади видъ единой и, дѣйствительно, тѣсной семьи одной римской церкви и тѣмъ самымъ оправдалъ способность такой огромной территоріи политически складываться въ одну римскую имперію. Такъ важенъ, такъ существенъ былъ этотъ унисонъ, и оттого такъ становится замѣтнымъ невниманіе знатнаго историка.

Въ самомъ уже началѣ христіанства въ Чехіи мы наталкиваемся на двойственность его происхожденія, — византійское и римское; т. е., въ Чехіи случилось то же самое столкновеніе двухъ миссіонерскихъ лагерей, какъ и въ Венгріи. Итакъ, въ сказаніи о убіеніи Людмилы и Вячеслава, несомнѣнно, доносится до насъ исторія борьбы двухъ чешскихъ христіанскихъ партій, различно окрашенныхъ вопросомъ національности. Обѣ партіи были одинаково народны, т. е. съ одинаково сильно пробужденнымъ народнымъ самосознаніемъ. Расколъ обусловился слишкомъ большой чувствительностью ко внѣшности народной старины меѳодіевскихъ временъ въ одной части чеховъ, размѣрами, повидимому, не внушительной. Вопросъ шелъ о томъ, чтобы поступиться дотолѣ существовавшимъ въ церкви понятнымъ народу славянскимъ языкомъ въ пользу введенія въ церковь языка латинскаго, никому не понятнаго. Вынуждало бо́льшую массу чеховъ этимъ поступиться непомѣрная сила нѣмцевъ, господствовавшая надъ чехами; а примирялись съ этимъ печальнымъ новшествомъ лучшіе люди чешской земли изъ-за насущныхъ практическихъ условій западной культурной жизни и выжиданія лучшихъ дней, когда условія борьбы съ нѣмцами отъ этой прак-

тической культурной жизни поднимутся и станутъ надежнѣе для чеховъ. Такъ образовались двѣ партіи чеховъ: одна, повидимому, мѣньшая, сильно возбужденная впѣшностью, приняла видъ наступательный, яро выкинувъ знамя св. Меѳодія и сгруппировавшись около Болеслава I; другая, бо́льшая, съ Вячеславомъ во главѣ, была погружена въ текущую культурную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ *благоговѣла передъ знаменемъ со св. Меѳодіемъ* и потому пассивно стала въ оборону. Если Thietmar называетъ польскаго герцога Болеслава Великаго хитрой лисой, то я позволю себѣ и въ Вячеславѣ чешскомъ видѣть ловкость лисы, соразмѣряющей свой прыжокъ съ разстояніемъ добычи. Геній Карла Вел. вызвалъ подражаніе себѣ въ лицѣ Оттона Вел. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что подражаніе, во первыхъ, само по себѣ оправдывалось сильными традиціями Карла въ Саксоніи, какъ ея цивилизатора; во вторыхъ, подражаніе обнаруживается инсинуаціей обстановки коронованія въ Аахенѣ и всей политикой Оттона. Я далекъ отъ неразличенія оригинала и копіи, но нельзя не признать замѣчательной удачности въ подражаніи. Удача въ подражаніи всегда вызываетъ повтореніе его до того закономѣрно, что можно говорить объ историческомъ законѣ коллективности фактовъ подражанія. Вотъ этотъ законъ сказался на цѣломъ рядѣ Оттонова подражанія Карлу въ лицѣ двухъ послѣдующихъ Оттоновъ, Болеслава Великаго польскаго и цѣлаго ряда чешскихъ герцоговъ.

Вячеславъ является начинателемъ послѣдующей чешской политики обособленія отъ нѣмецкой имперіи въ самостоятельное государство. Мы застаемъ Чехію еще не вышедшей изъ самой первой поры состоянія уже завершенной христіанской цивилизаціи, завершеніе которой выражалось органическимъ приростомъ Чехіи къ нѣмецкому государству. Чехія стала территоріей регенсбургской епископіи. Церковь чешская еще не вышла изъ пеленокъ: она даже и не церковь еще, а только регенсбургская паства, потому что въ Чехіи еще нѣтъ даже и св. покровителя земли. Гдѣ же думать о политическомъ обособленіи отъ нѣмцевъ? какъ

жить государству безъ души-церкви? Надо выждать долгую исторію *возмужанія церкви:* выйти прежде всего изъ пеленокъ, *заручившись святымъ патрономъ земли;* учредить свою епископскую каѳедру; подняться на степень митрополіи, когда только и наступаетъ возможность обособленія въ самостоятельное государство, такъ какъ только съ учрежденіемъ митрополіи начинается самостоятельность церкви, *сносящейся непосредственно съ папой*. Вотъ мысли Вячеслава при видѣ судорожныхъ порывовъ къ возстанію въ той части народа, что наименѣе способна была выносить нѣмецкое иго. Вячеславъ является передъ нами передовымъ человѣкомъ, далеко опередившимъ общество. Онъ обученъ и славянской, и латинской книжности и въ обѣихъ большой мастеръ. Онъ строгій блюститель церкви и не лишенъ чертъ аскетизма и при томъ съ чертами западными въ томъ смыслѣ, какъ старался я освѣтить аскетизмъ на Западѣ. Вячеславъ, наконецъ, тонкій политикъ: онъ полонъ такта и зорко наблюдаетъ поучительное состояніе нѣмецкаго государства, переживающаго кризисъ передъ своимъ взлетомъ въ послѣдующее время Оттона Великаго.

Что представляется взору Вячеслава въ его политической пытливости, направленной къ тому, чтобы въ мудромъ преуспѣяніи поставить на ноги свою слабую Чехію? Прежде всего нуженъ ей миръ, первый залогъ подъема культурной жизни народа. Прежде всего нужна ей защита сильной руки отъ дикихъ, опустошительныхъ, въ конецъ мертвящихъ страну венгерскихъ набѣговъ. Вотъ первая задача. Генрихъ I, король саксовъ и франковъ, государь Вячеслава, не распространяетъ своего скипетра на Баварію и Швабію; но не въ силу того, что Генрихъ слабъ, а въ силу того, что нѣмецкая семья переживаетъ политическій канунъ великаго праздника, къ которому готовится Германія, и принаряживается, чтобы принять честно своего жениха, Оттона Великаго. Генрихъ мудръ и потому уже не слабъ: Лотарингія въ его правленіе сковывается съ саксами и франками, а упорныя Баварія и Швабія предоставлены королемъ самимъ себѣ; и онѣ

чувствуютъ, сильно чувствуютъ невзгоду этой самостоятельности. Генрихъ отнюдь не слабъ; онъ достаточно мудръ и понимаетъ, что Венгрія, разоряя и мертвя Баварію и Швабію, укрощаетъ строптивыхъ; что Арнульфъ Злой и Бурхардъ въ этой защитѣ противъ Венгріи страшно напряжены, какъ напрягались и наши разрозненные удѣльные князья въ XIII в. въ отдѣльномъ самоохраненіи отъ татаръ; что герцоги баварскій и швабскій принуждены ласкать своихъ солдатъ ленами за счетъ имуществъ духовенства; что духовенство стонетъ отъ венгерцевъ и своихъ герцоговъ и масляно смотритъ вдаль на короля Генриха, который хотя и трибутомъ тяжелымъ, но купилъ себѣ на девять лѣтъ спокойствіе и обезпеченность отъ венгерскихъ набѣговъ. Что за дѣло трибутъ? Онъ стоитъ дорогого. Развѣ наши князья не свергли татарское иго трибутомъ, поклонами въ ордѣ? Развѣ оттого не сталъ двусторонне могущественъ Генрихъ, по истеченіи девяти лѣтъ мира своими собственными силами, безъ баварцевъ и швабовъ, наголову разбивъ венгерцовъ и навсегда унявъ этотъ воспитательный кнутъ средневѣковому Западу? развѣ тѣмъ не приготовилъ могущества сыну своему, Оттону Великому, ставшему распоряжаться Баваріей и Швабіей съ первыхъ же дней своего правленія, когда Баварія примкнула къ наступившему празднику Германіи, поставивъ коней ея жениху, а Швабія, открывъ ему свои винные погреба? Да, мудръ Генрихъ. Да, поучителенъ Вячеславу. И Вячеславъ настораживаетъ уши: всѣми силами души поглащаетъ умную, поучительную, ясную политическую аудиторію. Какъ смѣется въ душѣ Вячеславъ наивному сырому юношѣ, брату Болеславу. И протягиваетъ указательный палецъ свой въ направленіи къ мечущимся Арнульфу Злому баварскому и Бурхарду швабскому. Бѣдный юноша! потому что наше богатство — наука; она наша сила; она покорительница страшныхъ венгровъ. Бѣдный Болеславъ! потому что сырость должна была дорого платиться: надо было братней крови пролиться, чтобы унялся холерическій темпераментъ; надо было въ гнѣвѣ отъ латинской рѣчи въ родной славянской церкви

грубымъ кулакомъ вдребезги разбить дорогую-дорогую вазу съ цвѣтами родныхъ чешскихъ полей, чтобы опомниться. Тяжелъ урокъ, но поучителенъ. Великъ грѣхъ братоубійства, но онъ еще «не хула на Духа святого». Христосъ писалъ на пескѣ (Іо. 8, 6 и 8), чтобы научить насъ этой труднѣйшей грамотѣ. Но лѣтописцы были общники не Христа, а христіанской цивилизаціи: они не умѣли писать на пескѣ, а только на пергаменѣ, — и Болеславъ сталъ Окаяннымъ, сталъ только Каиномъ. «Кто не согрѣшилъ, пусть первый броситъ камень въ Болеслава». Онъ, тщедушный, пигмей тѣломъ, нападаетъ на гиганта ростомъ и дородствомъ, Вячеслава. За Болеславомъ маленькая горсть холериковъ, а впереди вся Чехія за брата. Не геройство ли это? Не битва ли санкюлота Давида со страшнымъ Голіаѳомъ? Но вотъ Болеславъ стоитъ передъ черепками вдребезги разбитой дорогой вазы съ чудными цвѣтами родныхъ полей,—и холерическій темпераментъ теперь подавленъ. Явилась вѣра въ правоту большинства народа, цѣнившаго вазу; разбросанные цвѣты теперь стали проливать свой ароматъ и обонянію гнѣвомъ остывшаго Болеслава. Цвѣты бережно собираются опять въ букетъ, и отыскивается имъ теперь новая ваза, чудная свойствомъ, уже неразбиваемая. Какъ восхищаетъ она всѣхъ до одного чеховъ. Какъ объединяетъ ихъ въ заботливомъ береженіи ихъ общаго теперь достоянія, ихъ славы, ихъ правоспособности къ культурной жизни Запада. Эта ваза — церковь св. Вита, недостроенная Вячеславомъ, достроенная въ покаяніи удрученнымъ Болеславомъ съ тѣмъ, чтобы хранила она святые Чехіи останки начинателя великаго дѣла родной страны. Пусть доскажетъ мою мысль самъ лѣтописецъ Косма. «Во время пира, такъ повѣствуетъ онъ, запятнаннаго братоубійствомъ, родился Болеславу отъ его супруги благочестной не менѣе благочестный сынъ, нареченный по тому событію Страхквасъ, что значитъ «ужасный пиръ». Какой же пиръ ужаснѣе того, на которомъ совершено братоубійство? Тогда герцогъ Болеславъ, словно онъ могъ замолить свой грѣхъ предъ богомъ, удрученный сознаніемъ совершеннаго злодѣянія

и страхомъ кары вѣчнаго огня, изрекъ такой обѣтъ господу: будетъ этотъ мой сынъ живъ, посвящу его отъ всего моего сердца богу съ тѣмъ, чтобы въ духовномъ санѣ служилъ Христу всѣ дни своей жизни за мои грѣхи и за народъ этой страны»[76]).

Итакъ, чему же научила Вячеслава славная поучительностью аудиторія короля Генриха I ? Тому, что вся политическая сила государства въ церкви и духовенствѣ; тому, что «свѣтская власть, по своему блеску, въ сравненіи съ духовной то же, что свинецъ въ сравненіи съ золотомъ, и что передъ духовной властью смиренно горбится власть свѣтская»[77]), говоря языкомъ папы Сильвестра II, перваго логика своего времени. «Епископовъ назначать достоитъ только помазаннику божію», писалъ папа Іоаннъ X[78]). Король Генрихъ I не назначалъ епископовъ въ Баварію и Швабію[79]), и это обстоятельство заставляло его считать себя не достойнымъ мѵропомазанія: онъ со всѣмъ тактомъ смиренно отрекся отъ этого священнодѣйствія надъ собой при вѣнчаніи короной на неполную Германію. Генрихъ былъ далекъ отъ захвата своей силой власти надъ остальной Германіей и смиренно предоставилъ самимъ клерикамъ, помимо воли герцоговъ Баваріи и Швабіи, прежде сдѣлать Генриха въ дѣйствительности полнымъ королемъ и тогда только мазать его св. мѵромъ. Стало быть, въ аудиторіи Генриха воспринимались Вячеславомъ идеи лжеисидоровскія. И клерики, дѣйствительно, дѣлали свое дѣло. Знаменитый монастырь св. Галла въ Reichenau, монастырь св. Афры въ Аугсбургѣ, монастырь св. Emmeram'a въ Регенсбургѣ, — всѣ эти политическіе устои нѣмецкаго го-

---

76) Des Dekans Cosmas «Chronik von Böhmen». Nach der Ausgabe der Monumenta Germaniae übersetzt von Georg Grandaur. 2-te Ausgabe. Mit einem Nachtrag zur Einleitung von W. Wattenbach. Leipzig. 1895. Seite 36 (cap. 17).

77) См. сноску 54.

78) См. сноску 60.

79) не считая утвержденія Генрихомъ представленнаго Бурхардомъ аугсбургскаго епископа Ульриха въ 924 г., п. ч. это было уже знакомъ колебанія швабской независимости.

сударства, всѣ видѣли чудные сны, разносившіеся стоустой молвой; сны зловѣщіе для обременявшихъ своей солдатчиной монастыри, для Арнульфа Злого и Бурхарда, которымъ «лучше было не родиться», какъ гласили сновидѣнія; всѣ умильно тянулись къ центру, смиренно отвергшему мѵропомазаніе, и ждали только мановенія, чтобы хоромъ грянуть на всю Германію «Се женихъ грядетъ» и тѣсно сплотиться у одного всѣмъ теплаго семейнаго очага подъ короной (*съ мѵропомазаніемъ*) Оттона Вел. Итакъ, Генрихъ предтеча Оттона, а Отто оптическій фокусъ идей, жившихъ уже въ неустроенной Германіи; и Вячеславъ, рано павъ жертвой сырья чешскаго, прежде, чѣмъ всплыло надъ горизонтомъ лучезарное нѣмецкое солнце, уже пользовался его свѣтомъ, свѣтомъ утренней зори: Вячеславъ началъ собою плеяду чешскихъ подражателей Карлу.

Теперь, когда Вячеславъ предоставилъ своему народу въ мирѣ преуспѣвать въ культурной жизни Запада, обезпечивъ подъ крыломъ Генриха I спокойствіе чеховъ внѣ площади венгерскихъ набѣговъ, предстала другая забота—насадить въ Чехіи свою политическую церковь. Эта прежде всего должна была имѣть имя, т. е. надо было избрать святого патрона Чехіи и раздобыться мощами этого святого. Разсматриваемая эпоха въ исторіи церкви отличается сильнымъ развитіемъ мѣстной еортологіи. Съ первой половины IX вѣка въ сѣверныхъ областяхъ Средней Европы особенно развивался вновь старый забытый культъ св. Виту, семилѣтнему ребенку, замученному при Діоклитіанѣ. Въ это время этотъ святой причтенъ былъ у нѣмцевъ къ сонму четырнадцати святыхъ, подававшихъ скорую помощь въ особенныхъ нуждахъ, причтенъ къ сонму, извѣстному подъ именемъ «die vierzehn Nothhelfer». Возобновителемъ культа этому святому былъ аббатъ монастыря св. Діонисія въ Парижѣ, по имени, Fulrad († 784), вывезшій мощи св. Вита изъ Рима. Въ 836 г. Warin, первый аббатъ (съ 823 г.) саксонскаго монастыря св. Стефана, подъ названіемъ «Новый Gorvey», гдѣ и процвѣталъ саксонскій лѣтописецъ Widukind, перенесъ мощи св. Вита въ свой монастырь.

Съ этой трансляціи и начались особенное почитаніе святого и распространеніе культа. Намъ важно выдѣлить специфичность этого культа въ Саксоніи: св. Витъ, наравнѣ съ св. Маврикіемъ, Иннокентіемъ и дружиной, сталъ покровителемъ христіанской цивилизаціи. Культъ св. Вита былъ старше въ Саксоніи, потому что культъ св. Маврикія, какъ покровителя цивилизаторовъ, начался только послѣ 922 г., когда бургундскій король Рудольфъ прислалъ въ подарокъ Генриху I копье св. Маврикія. Часть мощей св. Вита, именно, руку святого, подарилъ Генрихъ I Вячеславу. Съ этихъ поръ св. Витъ сталъ патрономъ и Чехіи, а Вячеславъ началъ строить въ Прагѣ церковь во имя св. Вита, на мощахъ котораго, какъ на политическомъ краеугольномъ камнѣ, возникла теперь чешская политическая церковь.

Въ 32-хлѣтнее княженіе Болеслава I (935—67) начатая политика роста чешской церкви не могла активно выразиться въ своей исторіи: репутація братоубійцы уронила авторитетъ князя не только въ Чехіи, но и въ Саксоніи; и удрученному духомъ Болеславу I оставалось только быть пособникомъ тому, что шло уже само подъ импульсомъ памяти о личности Вячеслава. Самъ князь достроилъ и освятилъ оставшуюся неоконченной въ постройкѣ церковь св. Вита. Перенесены были мощи св. Вячеслава и бабки его св. Людмилы, и обѣ святыни поднялись до патроната чешской земли. Такимъ образомъ въ княженіе Болеслава I патронатъ а съ нимъ и политическое имя чешской церкви значительно выросло въ глазахъ политическаго свѣта въ существенную троицу. Жившій въ чешскихъ традиціяхъ просвѣтитель св. Меѳодій примкнулъ къ патронату святыхъ чешской земли значительно поздно, повидимому въ XIV в., если, согласно чешскому ученому Вондраку, принять 1347 годъ за годъ появленія въ агіологическихъ памятникахъ памяти св. Меѳодія. Во время борьбы Рима съ меѳодіевскими традиціями въ Чехіи нельзя было и думать, чтобы память первоучителя имѣла политическое обаяніе: на ряду съ памятью свв. Вита и Маврикія память св. Меѳодія, по существу содержанія этихъ трехъ памятей

на фонѣ христіанской цивилизаціи, была также абсурдна въ сопоставленіи, какъ абсурдно было Брунону видѣть въ войскахъ Генриха II наряду съ копьемъ св. Маврикія несомыя изображенія славянскихъ сварожичей. Къ свв. Виту и Маврикію послѣ Вячеслава съ Людмилой готовилась судьба примкнуть натронатъ надъ Чехіей св. Адальберта - Войтѣха, завершившаго собой сонмъ покровителей съ чертами христіанской цивилизаціи. Вносъ идеи, противоположной этой, начался только съ 1204 г., когда къ патронату былъ причтенъ св. Прокопъ, ярый поборникъ меѳодіевскихъ традицій въ XI в.

Престолъ несчастнаго Болеслава I занялъ счастливый сынъ его Болеславъ II, по прозванію Благочестивый (Pobožny). Его княженіе, столь же длительное (967—99), какъ отцовское, обняло собой весь процессъ политическаго возмужанія чешской церкви, создало злосчастную судьбу нашего Адальберта-Войтѣха и тѣмъ привело къ вѣнцу дѣла польской земли, но не чешской. Этой суждено было уступить церковную гегемонію гнѣзненской церкви; потому что суждено было имени Адальберта играть роль политическаго выстрѣла изъ огромнаго орудія сѣдого воина Болеслава Великаго, выстрѣла, громомъ сначала заглушившаго чешскую политику, но точно рикошетомъ потомъ прояснившаго.

XIII.

Одного политическаго имени было еще мало чешской церкви, чтобы ей тѣсно примкнуть къ семьѣ римской церкви: безъ своего монашества чешская церковь не импонировала въ политическомъ мірѣ. Лѣтописецъ Косма сообщаетъ намъ о возникновеніи чешскаго монашества бенедиктинскаго ордена въ княженіе Болеслава II въ такихъ словахъ. «Родная Болеславу сестра, по имени Млада, богу посвященная дѣва, украшенная всѣми хри-

стіанскими добродѣтелями, перечисляемыми лѣтописцемъ, была на поклоненіи св. Риму. Папа Іоаннъ XIII (965—72) ласково принялъ поклонницу; и послѣ того, какъ она въ Римѣ достаточно освѣдомлена была въ монастырскихъ правилахъ, государь-папа, по совѣту кардиналовъ, или скорѣе, въ желаніи оказать младенческой церкви особое вниманіе, посвятилъ Младу въ аббатиссы и далъ ей съ именемъ Маріи правила св. Бенедикта а въ знакъ ея сана и пастырскій посохъ. Тогда, откланявшись папѣ и принявъ апостольское благословеніе, новопосвященная аббатисса, окруженная полной ликованія свитой, помчалась на конѣ домой внести въ чехи новыя святыя правила монашества. Когда достигла она стольной Праги, герцогъ Болеславъ съ полнымъ почетомъ принялъ долго отсутствовавшую горячо любимую сестру и рука объ руку вступилъ съ ней во дворецъ. Тамъ долго сидѣли они въ живой бесѣдѣ, полной разсказовъ брату о всемъ замѣчательномъ, что слышалось и видѣлось въ Римѣ; и передала Марія при этомъ брату папскую буллу на его имя, которая гласила (слѣдуетъ самая булла)»[80]).

Естественно наблюдать въ исторіи всякой политически восходящей церкви монашество переходной ступенью церкви отъ младенческаго состоянія къ возмужалости; но не естественно, чтобы монашество женское играло эту роль. Вотъ, что останавливаетъ наше вниманіе прежде всего. Чехамъ нуженъ былъ мужской монастырь, какъ разсадникъ аббатовъ и епископовъ, а не женскій, игравшій въ то время роль нашего дѣвичьяго терема при царскомъ дворѣ. И былъ у чеховъ заслуженный кандидатъ на почетное званіе начинателя чешскаго монашества: Страхквасъ, братъ Болеславовъ. Врядъ ли не была Млада послана братомъ въ Римъ, какъ бы на поклоненіе святынѣ, но въ дѣйствительности имѣвши порученіе домогаться основанія мужского монастыря, который бы былъ подъ руководствомъ почтен-

80) Сноска 76-я; стр. 42—43 (сар. 22).

наго Страхкваса, уже давняго богомольца, посвященнаго грѣшнымъ отцомъ богу, богомольца «за отца и за страну». Онъ, Страхквасъ, тогда совсѣмъ уже подходилъ къ сорокалѣтнему возрасту и почтенно подвизался въ такой образцовой монашеской сферѣ, какъ монастырь св. Emmeram'a: вѣдь, солидный Страхквасъ былъ ради импровизированной папою подвижницы, Млады, совсѣмъ обидно обойденъ въ дѣлѣ высокой чести насажденія чешскаго монашества. Очевидно, въ Римѣ не было въ виду учрежденія въ Чехіи разсадника епископовъ, и самой Младѣ совсѣмъ неожиданно для себя пришлось превратиться въ аббатиссу Марію. Если ожиданія Болеслава II были обмануты метаморфозомъ дѣла съ монастыремъ, то Болеславъ могъ тѣшиться приспѣвшей буллой на учрежденіе пражской епископіи. Эту буллу, можетъ быть, и дѣйствительно, привезла Млада, какъ сообщаетъ Косма, сливающій во времени оба важныхъ дѣла. «Житіе Вольфганга» подтверждаетъ, что учрежденіе пражской каѳедры совершилось въ 972—3 году[81]). Это событіе надо считать дѣломъ еще Оттона Вел., незадолго передъ его смертью, случившейся 7 мая 973 г. Этого мнѣнія держался и Zeissberg. Житіе Вольфганга указываетъ на время уже Оттона II, но это показаніе глухо: въ 972—3 г. и Отто II былъ уже императоромъ (Mitkaiser), и свѣжесть событія императорскаго коронованія сына при жизни отца могла отпечатлѣться на источникѣ Othlo'на, если не самъ Othlo путался въ единовременности императорскаго достоинства обоихъ Оттоновъ. Останавливаясь, наконецъ, на предсмертномъ времени Оттона Вел., мы нисколько не погрѣшимъ въ сущности дѣла, потому что, если бы и, дѣйствительно, учрежденіе каѳедры совершилось во время уже Оттона II, то несомнѣнно, сынъ-императоръ причастенъ учрежденію

81) «Vita S. Wolfkangi», епископа регенсбургскаго (972—94), въ «Acta Sanctorum» Bolland. Novembris tom. II. pars. I. Житіе составлено Othlo'номъ ок. 1050 г.

каѳедры только, какъ слѣпой исполнитель воли отца. И заказъ мантуанскому епископу Gumpold'у написать Житіе св. Вячеслава сдѣланъ былъ Оттономъ II; но и это дѣло было только исполненіемъ воли покойнаго отца.

Итакъ, въ княженіе Болеслава II осуществились два крупныхъ событія—насажденіе монашества въ Чехіи и учрежденіе епископіи въ Прагѣ; два событія, обусловившихъ политическую правоспособность чешской церкви, которая и привела Чехію теперь къ политически равноправной жизни въ тѣсной семьѣ нѣмецкаго государства. Оба событія наступаютъ подъ воздѣйствіемъ скрытой политической идеи въ свѣжей памяти о Вячеславѣ. Скрытая политика убитаго Вячеслава пережила время княженія братоубійствомъ удрученнаго Болеслава I и во всей силѣ проявилась въ дѣйствіяхъ сына его, Болеслава II. Отто В. ясно сознавалъ всю живучесть политической идеи Вячеслава и былъ озабоченъ противопоставить ей свой политическій тактъ, выработанный той же самой аудиторіей, что приготовила Вячеслава чешскаго. Отто хлопочетъ за Болеслава II передъ регенсбургскимъ епископомъ Михаиломъ (941—72), чтобы отказался этотъ отъ чешской территоріи, по всѣмъ правамъ принадлежащей регенсбургской епископіи. Михаилъ не проникается идеей Оттона: Михаилъ отнюдь не клерикъ, по личнымъ чертамъ своимъ; т. е., не вѣдаетъ лжеисидоровскихъ устоевъ государственности, въ системѣ которой дисциплинировались умы Вячеслава и Оттона въ аудиторіи Генриха I. Михаилъ — клерикъ, по сану, но истый воинъ, по образу жизни, и я уже имѣлъ на стр. 67-й случай выдвинуть его воинскій обликъ. Какъ Вячеславъ лжеисидоровски гнулъ спину передъ регенсбургскимъ епископомъ Isangrim'омъ (930 — февр. 940), такъ и Отто холилъ идею клерикализма и, какъ выжидалъ смерти клериковъ, мѣшавшихъ возвышенію Магдебурга (стр. 47—8), такъ теперь сталъ выжидать смерти воина-епископа, Михаила, тоже, какъ и тогда, заручившись буллой Іоанна XIII на учрежденіе новой каѳедры. Абрисъ этой буллы видится со всей рѣзкости тѣни, отчетливо упавшей

на пергаменъ Космы [82]). Мысль императора проста. Чехія — не Баварія. Эту Генрихъ предоставилъ самой себѣ и дѣйствію клериковъ, и Баварія сама привела своихъ коней на общій праздникъ нѣмцевъ. Чехія — страна чужеродцевъ, страна съ народнымъ самосознаніемъ. Поэтому надо внести въ эту страну могучую силу нѣмецкихъ клериковъ; и силу самую надежную, изъ самаго сердца нѣмецкаго, Майнца; а въ нее для большей вязкости впустить вязкость саксонской глины, той глины, которой разило такъ отъ Видукинда, когда мы читали его. Вотъ какъ дальновидный Отто способствуетъ прогрессу Чехіи и въ то же время вооружается мѣрой репрессивной. Іоаннъ XIII дуетъ и плюетъ въ ту сторону, куда велитъ Отто.

Темна исторія монашества Млады, представленная Космой съ такимъ досаднымъ намъ пошибомъ къ оживленію того, надъ чѣмъ не работала пытливость; но вправѣ мы сомнѣваться, чтобы живая бесѣда брата съ сестрой была полна родственныхъ чувствъ. Врядъ ли Млада своимъ поломничествомъ отправляла миссію брата: дѣвы давно перестали быть вѣщими. Итакъ, спокойно пришлось умереть Оттону: епископъ Михаилъ умеръ раньше его, а преемникъ, св. Вольфгангъ, вполнѣ сочувствовалъ Оттону; Болеславово золото успокоило регенсбургскій капитулъ; паллій, присланный папою, усыпилъ Зальцбургъ, утомленный вѣчной войной за гегемонію съ назойливымъ Passau; въ Прагѣ открылась каѳедра, и ее запялъ саксъ Дитмаръ; саксъ-епископъ сталъ суффраганомъ нѣмецкаго льва, Майнца; при каѳедрѣ

---

82) W. Wattenbach. «Die slawische Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende vom heiligen Wénzel. Breslau. 1857. in den Abhandlungen der hist.-philos. Gesellschaft in Breslau. I Bd. S. 226.

Jaffe. «Regesta pontificum Rom.». Ed. 2-a. № 3720. Lips. 1885.

J. Loserth. «Studien zu Cosmas von Prag». Ein Beitrag zur Kritik altböhmischer Geschichte in Archiv für österr. Geschichte. Bd. 61. S. 20 ff. Wien. 1880.

Wilhelm Schulte. «Die Gründung des Bistums Prag.» in «Histor. Jahrb.» herausgeg. Joseph Weiss. Bd. 22. München. 1901. S. 285—97 (по поводу изслѣдованія Spangenberg'a).

открылся и монастырь, но женскій, чтобъ не было въ Чехіи своего разсадника епископовъ; чтобъ шли Страхквасы и Адальберты къ Emmeram'у или Маврикію и тамъ, подъ розгами Отриковъ, забывали родной языкъ. Не успѣлъ только Отто Вел. самъ озаботиться заказомъ «Житія ев. Вячеслава» съ тѣмъ, чтобы нараждавшіеся чехи поучались въ немъ всему смиренномудрію ихъ патрона и его неподдѣльной приверженности къ Риму. Не успѣлъ, но заказалъ озаботиться сыну.

XIV.

Теперь время вернуться и къ оставленной нами лодочкѣ: не все же заниматься ея парусомъ. Посмотримъ, что волны и въ нее нахлестали.

Девять лѣтъ пробылъ Адальбертъ въ магдебургской школѣ и, со смертью тезоименитаго архіепископа, вернулся на родину. Настало время первой пробы пригодности магдебургской школы въ дѣлѣ акклиматизаціи чешской флоры на саксонскихъ поляхъ. Страхквасъ замаливалъ передъ св. Emmeram'омъ тяжкій грѣхъ своего отца, а Адальбертъ былъ такимъ же племянникомъ св. Вячеслава и потому оставался въ Прагѣ единственнымъ кандидатомъ на пражскій епископскій столъ. Трудно было въ то время обойти знатность: *ее* надо было удовлетворить; а то, что Адальбертъ совсѣмъ годился въ сыновья Страхквасу, не уважалось временемъ, когда въ папы избирали даже 10 или 12-тилѣтняго мальчика изъ графовъ Тускуланскихъ, Теофилакта, нареченнаго Бенедиктомъ IX (1033—45). Можетъ быть, за Адальберта говорила и гремѣвшая слава Отрика, какъ Цицерона: вѣдь, того еще не знали, что однажды при дворѣ Оттона III, на диспутѣ, передъ лицомъ императора, совсѣмъ сразитъ магдебургскаго Цицерона сильная логика выученника испанскихъ арабовъ,

чудодѣя — Герберта, логикой, одной логикой пролѣзшаго изъ простого званія въ папы. Какъ бы то ни было, но нѣмецкая политика завербовала Адальберта въ «Христовы воины», какъ говаривалъ ап. Павелъ, въ воины, конечно, съ нѣмецкой бронею. Ненавистный пражанамъ чужакъ-епископъ, саксъ Дитмаръ, доживалъ послѣдніе годы, и вернувшемуся на родину Войтѣху недолго пришлось ждать поля дѣйствія: 2 янв. 982г. впечатлительный Адальбертъ стоялъ передъ смертнымъ одромъ Дитмара и до глубины души, по словамъ Житія, былъ потрясенъ гласнымъ покаяніемъ стараго приверженца міра. 29 іюня 983 г. майнцскій архіепископъ Willigis посвятилъ Адальберта въ пражскаго епископа. Консекрація происходила в Веронѣ, гдѣ созванъ былъ въ то время упоминавшійся мною рейхстагъ. Тамъ же передъ консекраціей получилъ Адальбертъ отъ императора епископскій ленъ и сложилъ за него государю свою присягу. Прага ликовала, получивъ епископа-чеха; а нѣмцы смѣялись вь кулакъ въ ожиданіи отъ новаго епископа эластичности, съ какой предстояло ему безвредно сжиматься въ чеха, когда нужно было уступать народной давкѣ, а по минованіи такой надобности, благотворно расширяться въ нѣмца подъ импульсомъ мастерски заложеннаго воспитанія, какъ то предполагалось въ упованіи на Отрика. На пятомъ году своего пастырства Адальбертъ вдругъ неожиданно для всѣхъ покинулъ паству и оказался въ Римѣ. Оба «Житія», какъ я упоминалъ, указываютъ на распущенность пражскихъ нравовъ, какъ на причину побѣга. Но, гдѣ врачъ бѣжитъ отъ больного? да и куда бѣжать? если вездѣ была Прага.

Что же это? Падаетъ моя вѣра въ агіологію, какъ историческій источникъ, если я нахожу въ ней ложь? или провалился Канапарій въ моемъ испытаніи? О, нѣтъ. Не можетъ быть лжи въ служеніи Истинѣ; и Канапарій все такъ же тонокъ. Прежде его способенъ *я* ошибиться. Развѣ почтенный Wilhelm von Giesebrecht не сдѣлалъ крупнаго промаха, забывъ про унисонъ средневѣковой этики, про унисонъ средневѣковой жизни? Вездѣ была Прага, и вездѣ—Римъ. Но дѣло агіолога преподавать не

истину земную, а истину небесную: не отличать людей отъ людей, но отъ нихъ—бога: его искать нужно ему въ людяхъ; имъ преподавать общеніе людей съ богомъ, точь-вточь какъ преподастъ евхаристія «причащеніе богу». Какія же средства въ распоряженіи у агіолога, чтобы распознавать въ человѣкѣ бога? Какія? если не простая логика, сытая только сравненіемъ, только процессомъ сопоставленія критеріевъ. Вотъ что значитъ Канапаріево утвержденіе, что бѣжалъ Адальбертъ главнымъ образомъ отъ трехъ причинъ. «Главнымъ образомъ», говоритъ агіологъ, три причины сдѣлали епископу дальнѣйшее пребываніе въ Прагѣ несноснымъ: прежде всего многоженство вельможъ, потомъ бракъ клериковъ и, наконецъ, торгъ людьми, продажа чехами жидамъ христіанъ (рабовъ и плѣнниковъ) изъ-за грязной наживы»[83]). Есть ли тутъ ложь? Конечно, то было вездѣ. Но Адальбертъ былъ не вездѣ; *онъ* былъ въ Прагѣ, а въ немъ—богъ, «богъ чудный въ святыхъ его». Какъ проявить бога во святомъ его, бога вездѣсущаго, бога неуловимаго, умомъ непостижимаго? Логика все поймаетъ, все постигнетъ: поймаетъ и бога, поймаетъ контрастомъ въ сопоставленіи плюса и минуса. И бѣжитъ Адальбертъ, дѣйствительно, отъ порока; дѣйствительно, въ тотъ самый моментъ, когда разрѣлъ въ немъ чистый богъ; когда Адальбертъ, боровшійся съ людьми, съ земной властію, съ канонами, — все преодолѣлъ; преодолѣлъ и бѣжалъ изъ Праги; бѣжалъ, какъ бѣжитъ небо отъ земли, какъ бѣжитъ плюсъ отъ минуса, если вспомнимъ Декарта, который толковалъ, что плюсъ и минусъ — два діаметрально-противоположныхъ стремленія вправо и влѣво.

Приблизительно около 32-хъ лѣтъ было Адальберту, когда онъ въ первый разъ покинулъ свою кафедру. Сознаніе епископскаго долга и грозившая передъ богомъ отвѣтственность за паству сильнымъ гнетомъ ложились на душу молодого епископа, глубоко тронутаго гласнымъ покаяніемъ Дитмара. Кто изъ насъ

83) Canapagii «Vitae» cap. 12, Бруно повторяетъ слова.

забылъ разъ случившуюся видѣть смерть, актъ разставанія души съ тѣломъ? въ особенности въ нашемъ состояніи сознательнаго уже дѣтства, когда мы воспріимчивѣе къ впечатлѣнію. А Адальбертъ всю жизнь не выходилъ изъ дѣтства. А смерть Дитмара была потрсающе торжественна.

Итакъ тяжолымъ гнетомъ ложилось на душу Адальберту его сознаніе долга, его безвыходное положеніе. При страшной распущенности общества и одичалости въ немъ духовенства, Адальбертъ чувствовалъ себя въ положеніи «одного въ полѣ воина». Вѣдь, онъ, епископъ, самъ плоть отъ плоти, кость отъ кости», вышелъ изъ этой среды, правда, безъ ея порока; но что же? это «*безъ*» было прямо отъ бога; не было собственнымъ стяжаніемъ и потому не внесло съ собой ни призрака духа, который бы царилъ надъ средой: Адальбертъ былъ только «*безъ*», т. е. только «*нищій духомъ*». Онъ былъ какъ разъ изъ той категоріи людей того времени, которые не находили въ себѣ силъ бороться съ положеніемъ вещей и бѣжали изъ міра, какъ я ужъ говорилъ, бѣжали, чтобы заключиться въ одиночествѣ. Но безталанная судьба лишала Адальберта и этого счастья: онъ связанъ былъ канономъ, строго осуждавшимъ оставленіе каѳедры. И приходилось терпѣть. И терпѣлъ Адальбертъ, терпѣлъ пять лѣтъ. Конечно, не одинъ онъ былъ въ такомъ положеніи. Сколько было людей изъ духовенства въ его же паствѣ; людей, что думали бороться съ порокомъ, но въ концѣ концовъ или уходили въ безсиліи прочь, или свыкались съ положеніемъ; *эти*, если не впадали въ мистицизмъ, начинали «съ волками по волчью выть». Мы видимъ Адальберта подъ вліяніемъ одного мистика изъ духовенства и видимъ самого Адальберта въ состояніи мистицизма. Самая наука того времени была полна имъ, такъ что ничто не спасало человѣка отъ мистицизма, этого духовнаго яда, этого удѣла нищеты интеллекта, его старчества. Къ тому же общество людей того времени было особенно подвержено параличу интелекта: въ 960 г. въ Thüringer-Wald'ѣ появился пустынникъ, нѣкій Bernhard, и онъ пустилъ слухъ о кончинѣ

міра съ послѣднимъ годомъ перваго тысячелѣтія; народъ въ страшномъ ожиданіи готовился къ смерти и страшному суду [84]). Можетъ быть, подъ гнетомъ ожиданія тяжелой отвѣтственности за паству передъ вѣчнымъ судіей, воображеніе богобоязненнаго Адальберта уже давно рисовало ему тяжелый трудъ паломничества въ Св. Землю, въ спущенное воображеніемъ небо. Мы знаемъ отъ паломниковъ того времени, какъ тяжелъ былъ путь къ Гробу Господню. Но тѣмъ больше была мѣра искупленія свего духовнаго безсилія, грѣховности своей паствы, полной безчинія, грѣховности своего отца, умершаго все въ томъ же безчиніи, какое царило вокругъ. Неумолимая судьба и тутъ ставила преграду безталанному. Какъ онъ, епископъ, пойдетъ къ Гробу Господню? развѣ тѣмъ не подаетъ примѣра многимъ изъ своей паствы? которые давно порываются туда, но не рѣшаются на подвигъ безъ благословенія богобоязненнаго епископа. Я уже говорилъ о вносѣ репрессивной мѣры противъ паломничества и объ участіи въ этой мѣрѣ епископовъ. Итакъ, очень, говорю, возможно, что давно лелеялъ въ себѣ Адальбертъ мысль о подвигѣ идти въ Іерусалимъ, и только теперь страшной бурей взбаломученный напоръ прорвалъ житейскую плотину. Эта буря и не затронута Канапаріемъ, потому что онъ не слуга историку, а служитель алтаря, свидѣтель неземного претворенія на антиминсѣ. Пусть историкъ всматривается въ идею, въ истину: она, вездѣ и найдетъ ее историкъ, «если ищетъ». Но пусть не ищетъ онъ земли на небѣ. Причина подвига, говоритъ агіологъ, въ тяжеломъ положеніи среди нечестія; причина—богъ, а не буря. Тотъ, вѣдь, «дивенъ во святыхъ своихъ, богъ Израилевъ, тотъ даетъ силу и державу людямъ своимъ».

Буря поднялась отъ герцогскаго двора. Мы оставили Чехію въ ея положеніи политически зрѣлой церкви. Всякій герцогъ

84) Ioh. Gieseler. «Lehrbuch der Kirchengeschichte» II, 229.
Buchner. «Geschichte Bayerns aus archiv. Quellen». III, 124.
Trithemius «Chronicon Hirsaugiense» ad ann. 960.

рвался за край государства, какъ докладывалъ я, говоря о нѣмецкомъ государствѣ: рвался, по существу власти; а Болеславъ былъ чужеродцемъ въ нѣмецкой семьѣ, и стремленіе его оправдывалось вдвойнѣ. Упоминалъ я и то, что митрополія обусловливала непосредственное сношеніе съ папой, т. е. возможность существовать отдѣльно герцогству: потому что нельзя было думать герцогу о независимости отъ государя того вассала-архіепископа, суффраганомъ котораго состоялъ герцоговъ епископъ. Внѣшнимъ знакомъ непосредственнаго сношенія архіепископа съ папой былъ «pallium», который обычно испрашивался самимъ епископомъ у папы «instanter, instantius, instantissime», какъ гласила простая форма прошенія. Всякій архіепикопъ передъ совершеніемъ консекраціи суффрагана-епископа принималъ отъ него присягу, въ которой клялся суфраганъ прежде всего не выходить изъ подчиненія посвящавшему архіепископу, стало быть, и не искать у папы себѣ паллія Итакъ, до сихъ поръ герцогъ чешскій былъ самъ собою обусловленъ въ политическомъ ростѣ своей власти и церкви. Теперь Болеславъ дошелъ до политическаго апогея въ предѣлахъ королевскаго вассала. Одна ступень выше, и герцогъ уже не вассалъ, а самъ государь. Здѣсь-то, на этой ступени и лежалъ тотъ потолокъ, о который толкались головы герцоговъ, порывавшихся выскочить изъ сѣтей короля нѣмецкаго государства. Этимъ потолкомъ были епископы, личная воля которыхъ обусловливала испрошеніе себѣ у папы паллія, съ которымъ совпадалъ и конечный уже политическій выростъ герцога за королевскій потолокъ. Итакъ Болеславъ II политически выросъ до апогея королевскаго вассала; теперь ожидалось дальнѣйшее политическое движеніе отъ Адальберта. Папой былъ тогда въ Римѣ Іоанъ XV (985—96), извѣстный своимъ корыстолюбіемъ, и «въ Римѣ все было продажно», скажемъ словами Thietmar'a; но затрудненіе встрѣтилъ Болеславъ въ Адальбертѣ: онъ *не могъ* преступить двѣ клятвы вѣрности—клятву Willigis'у въ вѣрности суффрагана и клятву императору при полученіи лена. Простота натуры Адальберта

обусловливала то его упорство, о которомъ я говорилъ въ психическомъ очеркѣ его личности; упорство, съ которымъ умеръ Адальбертъ смертью пассива. Умиравшій въ Пруссахъ Адальбертъ не былъ тѣмъ героемъ смерти, что смѣло убѣжденно стоялъ передъ разстрѣломъ, съ презрѣніемъ отвергнувъ гуманную повязку на глаза, обнаживъ широко грудь и указавъ на ней цѣль, куда надлежало мѣтить. Адальбертъ и не бѣжалъ отъ смерти. Его интеллектъ остался вѣренъ пасивности, замкнутости, неподвижности внутренняго міра: мозгъ вызвалъ въ тѣлѣ сокращеніе волосныхъ сосудовъ крови, обусловившихъ блѣдность лица, но не вызвалъ функціи двигательныхъ нервовъ, которые бы обусловили инстинктивное движенію къ самохраненію, Такъ и тутъ Адальбертъ остался Адальбертомъ передъ ультиматумомъ Болеслава II. Картина Страшнаго суда стояла широко развернутой въ головѣ, ожидавшей съ часу на часъ вѣчнаго судію. Какая родина Чехія? какая Германія? какіе мы чехи или нѣмцы? когда мы всѣ «граждане небеснаго отечества»[85]), когда кончается этотъ міръ, и ждемъ мы небеснаго владыку. Можно ль было ворваться Болеславу во внутренній міръ Адальберта и тамъ преградить «второе пришествіе»? Какъ при смерти въ Пруссахъ нужно было выразиться блѣднотѣ лица, такъ теперь страшной бурей взбаломученный напоръ прорвалъ житейскую плотину, и Адальбертъ вдругъ неожиданно для всѣхъ покинулъ паству и оказался въ Римѣ на пути въ Іерусалимъ.

85) Василій Вел. въ словѣ о 40 Севастійскихъ мученикахъ.

Приложеніе.

Описаніе кодекса по листамъ съ отмѣткой въ немъ тетрадокъ.

л. 1^{ab} чистый (грубѣйшій пергаменъ переплетчика подклеенъ къ четвертому листу 1-го биніона вмѣсто его перваго листа, отъ котораго сохранился только корешокъ).

л. 2^{a}—4^{b} календарь въ два столбца, по мѣсяцу къ каждомъ; писанъ сплошь золотомъ минускуломъ съ отмѣткой важнѣйшихъ памятей унціаломъ.

Некрологъ Календаря приписанъ ультра-черными черн илами противъ календарныхъ памятей, на поляхъ, владѣльцемъ кодекса. Почти всѣ эти приписки сдѣланы одной рукой и одновременно. Значекъ Θ, сопровождающій почти всякую приписку есть аббревіатура слова «thanatusia» (τὰ θανούσια, т. е. память по умершемъ). Вотъ полный палеографически точный перечнь «танатусій» Некролога.

3 янв. «Judinda Θ». *24 фев.* «Heinricus meus»[1]). *26* «Hiltiritt» или «Hiltirut», какъ читаетъ Sauerland[2]). *18 марта* «Liutgart Θ» [3]),

---

1) Такъ читалъ и *Rud.* Eitelberger *von* Edelberg («Cividale in Friaul und seine Monumente». Wien. 1857); D-r Sauerland читаетъ невѣрно «comes» вм. «meus», а Laurentius a Turre («De duobus Psalteriis Foroiuliensibus dissertatio» in «Symbolae litterariae opuscula varia» ed. Gorii. Vol. IX. Florentiae 1752. pag. 203) вовсе опустилъ «meus».

2) Laur. a Turre читалъ «Hiltiviti».

3) L. a T. и D-r S. читаютъ «Lwigart».

21 «Odalricus Ø». *9апр.* «Diemoldus marchio Ø». *26іюня* «Sophia comitissa». *29* «Bertolt c(omes)»; буквы «omes» обрѣзаны. *11 іюля* «Boppo comes Ø» *15* «Arnoldus. L~»[4]). *20* «Adilbert. m°»[5]) (=monachus). *27* «Salme ducissa Ø»[6]). *2 авг.* Adilbertus abb.» (=abbas). *7* «Diepoldus». *22* «Zul Ø»[7]). *6 сент.* «Sophia Ø». *16* demetrius infans Ø» (эта танатусія приписана бурыми чернилами[8])). *24* «Heinricus comes et monachus Θ». *27* «Richinha Ø». *4 октяб.* «Berhta. Ø.» (обычная перестановка въ рукописяхъ ht, вм. th.) *28.* Boliz dux Ø»[9]) *24 нояб.* «Mahtilt»[10]) *30* «Margarete Ø» *1 дек.* «Adelheit. comitissa». *11* «Boppo comes Ø». *17* «Gernotma (. . .) Ø»[11]). *24* «Humaburc»[12]).

л. 5[a] чистый.

л. 5[b] 1-я визант. миніатюра: «Св. Петръ апостолъ и княжеская семья». По лѣвую сторону апостола чета = владимирско-туровкій князь Ярополкъ, въ крещеніи Петръ, о чемъ догадывался ще Карамзинъ[13]), и жена его Ирина, неизвѣстная исторіи. Въ ногахъ апостола молитвенно повержена ницъ мать Ярополка, неизвѣстная исторіи Гертруда. Надписи: 1) надъ четой—«ΟΔΙΚΕΟΣ ыропълкъ», 2) надъ Гертрудой «$\overline{\text{МР}}$ (= μήτηρ) ыропълка». Посторонамъ миніатюры двѣ молитвы апостолу Петру подъ общимъ заглавіемъ «Ad Sanctum Petrum». Одна слѣва: «Deus, qui beatum petrum apostolum tuum pietatis tuae respexisti intuitu, ut nega-

4) L. a T. читалъ двояко: «abonoldus» Eitelberger читалъ «Luvitgart» него ошибочно 17 марта) и «Winoldus»; «L~ »опущено у обоихъ авторовъ.

5) «Adilheit m°» читаетъ D-r. S.; «udiibert m°» у L. a T.

6) У D-r. S. «Salome».

7) Опустилъ L. a T.

8) «Geschrieben mit anderer Tinte und dann halb getilgt». D-r. S.

9) L. a T. невѣрно читалъ h вм. z (буквы палеографически сходны).

10) Оба автора Mahthilt».

11) «Та...» или «то...» (какъ у обоихъ авторовъ) обрѣзанос, а знахъ «θ» стоитъ надъ «та».

12) Можно читать эту танатусію «Numaburc» и «Hirmaburc»; D-r S. читаетъ «Nuttaburc»; L. a T. отустилъ это имя; въ дипломатическихъ памятникахъ встрѣчалось мнѣ имя «Hiltipurch».

13) Карамзинъ «Ист. Государства Россійскаго» (изд. Эйнерлинга. СПБ. 842), прим. 150 къ тому 2-му.

tionis trine peccatum amarissimis dilueret lacrimis, per infusionem sanctę spei[14]) pro peccatorum nostrorum venia lacrimas nobis «elidae[15]) poenitentiae, ut amare defleamus, quae inique gessimus, «quatenus fructuosus in conspectu tuae piaetatis nostrae paeticio«nis perveniat affectus, atque per eum nobis remissionem spec«tare[16]) liceat, qui traditus est pro delictis nostris ut nos redimere «(слогъ me приписанъ другой рукой и другими чернилами; конеч«наго t не достаетъ у писца) saugnine suo ihesus xristus (x=ch «въ рукописяхъ обычное заимствованіе изъ греч. алфавита для «корня christ) — dominus noster. A(men). Qui vivis (приписка «Qui vīvis» той же рукой, что и выше слогъ me). Другая молитва «справа: Sancte Petre, princeps apostolorum, qui tenes claues «regni cęlorum, per illum amorem, quo tu dominum amasti et «amas. et per suauissimam misericordiam tuam, qua te deus per «trinam negacionem amare flentem misericorditer respexit,

л. 6ª. «in me iudignam famulam christi clementer respice «cunctorumque scelerum et criminum uincula meorum absolue. et «impetra mi a pio et penigno ihesu ueram humilitatem caritatem «domini et proximi non fictam benignitatem mansuetudinem bonos mores et honestos, castitatem, et animae corporis(que) sani«tatem, et bonum fiuem, et gratiam sanctę trinitātis sine fine «ame(n)».

Затѣмъ 3-я молитва «Ad introitu ad portas[17]) aecclesię tuę confugio et ad pignora sanctorum tuorum prostrata indulgentia peto. precor et supplico dulcissimam pietatem tuam ueneranda trinitas et pnr intercessionem sanctę marię et sancti michaelis, atque omnium sanctorum tuorum, et propter immensam pietatem tuam mi (вм. mihi?) indignae concedere digneris in die exitus

14) «Sanctę spei» чтеніе сомнительное (мож. быть здѣсь грецизмъ «sanctam spem» или просто какая-нибудь ошибка писца), но и чтеніе D-r Sauerland'a «sancti spiritus» не оправдывается пергаменомъ, именно, въ написаніи второго слова.

15) У D-r S. «elicę».

16) «Sperare» у D-r S.

17) D-r S. «postas(!)», но онъ не различаетъ лигатуръ r + t и s + t.

mei и т. д. Молитва 4-я: Ad Sanctum mihalem. Obsecro te sanctissime archangele xpi (=christi) mihael intercedere digneris pro me peccatrice ad dominum, et pro cunctis debitoribus meis uiuis et defunctis ut remissionem peccarum in hac uita и т. д.

л. 6ᵇ Конецъ 4-й молитвы (. . . . . *ego indigna et peccatrix ancilla* xp̄i (= christi). . . . . Съ 9-й строки начинается 5 молитва: Sancte michael, sancte Gabrihel, sancte Raphahel. et milia milium, et decies centena milia, qui assistis deo (Дан. 7,10). . . . На строкахъ 15—21 шестая молитва: Ad omnes Angelos. Omnes sancti apostoli ei euuangelistę et discipuli xp̄i (= christi), per amorem domini nostri hiħu (= iesu) xp̄i uenite in adiutorium (разура 5—6 буквъ) *mi...me miseram...* Въ концѣ страницы полторы строки остались чистыми.

л. 7ᵃ Съ первой строки (всѣхъ 34) идетъ цѣлый рядъ краткихъ моленій 1) Averte cor regis ab odio, ab indignatione et ira et conuerte *lum* ad clementiam et pacem et bonitatem, ut clemens et misericors et propitius fiat *famulo tuo*. №. 2) Domine iħu (= ihesu) xp̄e (= christe), defende *eum* tuo adiutorio, ut nec hostis (antiquus, nec malus homo, nec inimici *eius* preualeant aduersus *eum*. da illi, domine, ueram humilitatem, et ueram karitatem (k вм. c или ch). . . . . 3) Ne promittas *eum*, domine, in manus inimicorum *cius*. . . . . Затѣмъ краткія молитвы переходятъ въ *литанію*, девять молитвенныхъ формулъ которой начинаются союзомъ «ut» и заключаются словами «digneris, te rogo, audime»: 1) Omnipotens pater, ut *regem et cunctum principatum seruo tuo* разура мѣста для 15—17 буквъ) mitem ac misericorde(m), et mancuetem facere digneris, te rogo, audi *me*. 2) Ut *eorum* iram et indignationem *seruo tuo* in mansuetuginem conuertere digneris, te rogo. 3) Ut omnium inimicorum *eius* nequitiam et inuidiam comqrimere digneris, te rogo, audi *me*. 4) Ut omnes qui *eum* aduersari cupiunt, dextera tuę potentię comprimere digneris, te rogo. 5) Ut quicquid iuimici fraudulenta conspiratione aduersus (rs писцомъ изъ лигатуры rt) *eum* machinantur ad nichilum redigere digneris, te rogo, audi *me*. 6) Vt famulum tuum ab omni ti con-

trario auepitere digneris, te rogo, audi *me*. 7) Vt uəram et fraternam karitatem (k вм. e или ch) et bonam concordiam in *eo* confirmare d., t. r,, a m. 8) Ut *eum* ad omnibus insidiïs inimicorum *suorum* usibilivm et inuisibilivm clementer liberare digneris. 9) Ut *ei* gratiam tuam et bonum finem et gaudium eternum habere concedere digneris, te rogo, audi. Литанія заключается молитвой о ниспосланіи ангела хранителя (Mitte, domine, sanctum angelum tuum cum eo qui custodiat et defendat ab omni periculo animę et corporis . . . .) и призываніемъ бога ветхо-завѣтнаго Исх. 3, 6, Исх. 6, 1 — 3 и Дан. 7, 10): Dominus abraham esto *ei* arma uirtutis. Dominus ysaac esto *ei* galea salutis. Dominus iacob esto *ei* scutum inexpugnabile contra omnis inimicos *eius* uisibiles et inuisibiles. Dominus, qui sedes super thronos et iudicas ęquitatem, esto (для чего-то оставлено почти полстроки пустою) refugium *mi* (hemichi, как D-R Sauerland стр. 16 peccatrici, aspice de sede sancta tua, et codita *de me* inclina deus *meus*, aurem tuam et audi, aperi oculos tuos et uide tribulationem *meam*. sanctus. sanctus. sanctus. fortis. sanctus et inmortalis, qui dollis peccata mundi. . . . . Затомъ рядъ молитвенныхъ ѣбращеній къ Христу: 1) Domine ih̄n (= ihesu) xp̄e (= christe), qui pulcherrima tua facię omnia conspicis, aspice *in me, miseram*, in die affrlictionis *meé* e libera *me* ab omnibus augustiis *meis*. . . . 2) Domine ih̄u xp̄e, qui cęlorum contines thronos. . . . . 3) Domine ihu xp̄e, qui propter me et propter xp̄ianos dignatus es pati . . . . л. 7ᵇ. 4) Quis deus noster ut per auxilium sanctę crucis filii tui. . . . . 5) Domine ih̄u xp̄e, qui super aspidem et basiliscum ambnlabis et conculcabls leonem et draconem. . . . . 6) Deus, qui tribulatos corde sanas, et mestificatos actu letificas. . . . . 7) Domine ih̄u xp̄e, fili dei uiui qui es uia ueritas omnisque creature fons et clausula,e xaudi *me miseram PRO PETRO* ad te clam antem, etpro dilectionem illam quam ad pominem habuisti cum formam eius nduisti te . . . . . atque sub eius manibus mortuum suscitando et uiuificando uirtutem crucis pudlicare uoluisti baptizatoque clauos sanctos per illum reperiri uoluisti. et per intercessionem Sanctę

marię geniricisque tuę, et sanqtę hélenę, et istorum et omnium sanctorum tuorum, et per tuam sanctam ac uuuercdilem crucem libera *petrum famulum tuum* ab insidiis diaboli, et ab omnibus inimicis suis uisibilibus et inuisibilibus. . . . . Послѣ этого мо литвы обращаются къ св. Еленѣ: 1) Sancta helena quę deum rogasti, quod angelum suum mitteret filio tuo constantino et eum admoneret, quod . . . . . *ego peccatrix* deprecor et uolo certissime . . . . . л. 8ª 2) Sancta helena xp̄ianissima regina, quę apud dominum impetraueras, ut angelum suum mitteret ad constantinum illum tui ammonere . . . . . 3) Sancta helena [18]), moribus castis, operibus iusta deoque digna perillam clementiam mirabilem e tinnumerabilem, quam xp̄e ih̄c ti ostendit... intercede *pro me famula tua Gertruda* ad dominum deum, ut per crucem sanctam domini nostri eiusque genitricis intercessionem sanctorum omnium [19]) nec non perpetuam successionem *mi* [20]) *famulum tuum*, *petrum*, omnemque faciat . . . . . Наконецъ, идетъ опять рядъ краткихъ молитвъ ко Христу: 1) Domine ih̄u xp̄e, fili dei. uiui sub umbra alarum tuarum, protege *me* a facia impiorum, qui . . . 2) Extende, domine, dexteram tuę potentię, et sub umbra alarum tuarum protege *me* ab omnibus insidiis et malis consiliis omnium qui *me* . . . . . 3) Eripe *me*, domine ab homine malo. 4) Domine, ih̄u xp̄e, qui pulcherrima facie tua conspicis cuncta respice propitius ad preces *meas*, quas lacrimando ti earam sacratissima cruce tua fundo. . . . .

л. 8ᵇ 5) Creator cęli et terrę, qui . . . . 6) Scrutator renum, in cuius mittissimo uultu corde . . . . . 7) O bone ih̄u, qui uirtute . . . . . 8) Saluator mundi qui petro mergenti . . . . . .

---

18) D-r S. невѣрно даетъ на стр. 17 начала этой молитвы: «*Sancta helena* quę dominum (вм. deum, какъ на пергаменѣ) до слова *constantino*» есть начало 1-й молитвы св. Еленѣ, а не третьей; кромѣ того, слова «intercede pro... », слѣдующія у него послѣ невѣрнаго начала непосредственно, на самомъ дѣлѣ читаются далеко-далеко отъ начала, и потому слѣдовало пропускъ обозначить многоточіемъ.

19) «Sanctarum omnium» слабо потерто на пергаменѣ (не читаемо у D-r S.).

20) Въ Молитвахъ Гертруды замѣна mihi черезъ mi обычна.

fuga a corde famulę^{i} tuę^{i} (двойное оконч. — для жен. и муж. родовъ, какъ и въ 6-й молитвѣ), qu icquid mi moliatur aduersi . . . 9) Queso te, domine, qui cęlorum continęs thronos, et abyssos . . . . ut exaudias *me* in gemitibus *meis*, a me omnem angustiam expelle corque famulę^{i} tuę^{i} in bonum conuertas . . . . . 10) Oro te, domine, ut qui cor regis manu tenere pro baris cor famulę^{i} tuę^{i} pię-tate repleas cellsti, quatenus mitem ac mansuetem accipiam, dum in conspectu eius incedam. Такъ заканчивается послѣдняя молитва на 21-й строкѣ, послѣ которой осталась лакуна въ одну треть всей страницы. На этой лакунѣ читается теперь полусмытая владѣльческая запись капитула фріульскихъ канониковъ, писанная красивымъ четкимъ древнимъ почеркомъ такого содержанія:

S(anct)ae (Elisabe)th U(ngariae) Regis filiae Lantgrauij Ducis Turr^{i}ngiae. coniugis munus. Quod cum hortatu Pertoldi Patriarche Aquiliensis. eius avunculi. tum singulari in Deum Pro(. . . .)ur . . . . . Dedit honestissimo Canonicorum foroiuliensium summa cum Pietate coniuctam . . . . .

л. 9^{a} Замѣтка Филиппа della Torre, архіеп. Адріи, чивидальскаго урож. имъ собственноручно написанная въ періодъ времени его правленія(1702—1717):«Ex uerbis aduersę paginae «abrasis (т. е. что выше, на л. 8^{b}), quae fere omnia restitui, pa-«tet. hunc sacrum codicem donatum fuisse a S. elisabeth nostro «Capitulo forojuleansi, hortatu Pertoldi Pathae (= Patriarchae) «qui frater erat Geltrudae ex Ducibus Meraniae eiusdem Elisabeth «genetricis. Codex vero ante ducentos et quinquaginta annos scrip-«tus fuerat in usum alterius Geltrudae, cuius genus in obscuro «latet: quamquam ex Principum progenie fuisse ex eo liquet, quod «non semel ipsa orat, *pro Petro filio meo unico et exercitu eius.* Haec Codicis aetas deducitur ex pagina duodecima (лл. 16^{b} и 17^{a}) «in qua uisitur imago picta eius qui librum conscripsit, offerenti «librum ipsum egberto Praesuli, ut ex uersu hinc inde expresso «DONUM FERT RUODPREHT QUOD PPESUL SUSCIPIT «EGBREHT. Non alius hic est quam egbertus Treuirorum Archi-

«episcopus, qui eam rexit ecclesiam ab anno 979 ad 993 : nam «sancti qui pictis imaginibus in Psalterio, et grandioribus et aureis «literis in litanijs repraesentantur, sunt pariter episcopi Treuiren«ses. ergo inter memoratos annos 979 et 993. Codex noster exa«ratus fuit; et quidam in urba Treuirensi, uel loco alio eius dio«ecesis: in qua etiam Geltrudam Principatum habuisse suum, sus«picari licet. Ph. a T. epˢ Adrien (= Philippus a Turre episcopu «Adrien)».

Подъ этой замѣткой кто-то можетъ быть, одинъ изъ канониковъ фріульской коллегіи, сдѣлалъ копію съ полусмытой владѣльческой записи, что на л. 8ᵇ.

л, 9ᵇ. Вторая визант. миніатюра — «Рожд. Хво,». Надписей никакихъ.

л. 10ᵃ. Третья визанг. миніатюра — «Распятіе». Греческая надпись гласитъ: «I ΣTA(Υ)—POΣ (IΣ)», т. е. ἡ σταύρωσις.

л. 10ᵇ. Четвертая визант. миніатюра — «Христосъ на тронѣ, коронующій княжескую чету, Ярополка-Петра Изяславича съ женой Ивиной. Нрдписи: 1) «O A(ΓIOTΣ) ΠETPOΣ», 2) «I AΓIA IPHNI», 3) «$\overline{\text{I}}$ Σ $\overline{\text{X}}$ Σ».

л. 11ᵃᵇ. Фрагментъ гадательной статьи о лунныхъ дняхъ. Начинается такъ: «. . . nas ut bonos siue maledictos».». Затѣмъ идутъ самыя предсказанія въ два столбца: въ первомъ лунныя примѣты, во 2-мъ предсказанія, а въ серединѣ, между столбцами, дни мѣсяца (отъ I до XXX-го). Такъ:

Luna tota die bona est	I Quicquid in somno videris gaudium.
Luna non est bona	II Nullos malos effectos in corde potebit.
Luna ab hora. III. bona est	III (пустое мѣсто),

и т. д.

л. 11ᵇ—12ᵃ. Слѣдуетъ колядникъ или календарникъ:

KL Ian. si fuerit dominico die bona, erit hiemps et uer uentuosus, et estas sicca, et uindemia bona erit, et oues multiplicabuntur, et mel habundat, et pax erit.

Si fuerit. II. feria[21]) hiemps mixta erit, et ver bonus erit e estaz ventiosa et tempestas et uindemia nociua erit et ualetudo hominum. И т. д.

л. 12[a] Остававшаяся отъ Колядника лакуна заполнена составителемъ Кодекса Гертруды небольшими молитвами. Первая изъ нихъ (Orent....) начинается на 8-й строкѣ. Молитвы продолжаются и на л. 12[b], гдѣ поминается *Петръ съ его войскомъ:* «Domine sancte, peter omnipotens, ęterne deus, propiciare digneris supplicationibus nostris et mitte angelum tuum sanctum *cum petro et exercitu eius*[22]), qui *eos* ab omnibus aduersitatibus protegat et in seruitio sancti nominis tui ubique cusdodiat, ut nullus *eum et suos* in itinere inimicos decipiat, sed mereatur, ab hoste omni triumphum et tuę semper miserationis subsidium, quatenus tua iussa complens sospes cum *suis* ad te resdeat».

На л. 13[a] Гертруда молится: «Tuere me de omnibus causis et incriminatione, defende ęgram et iacentem. et ea, quę explere non possum, quasi sint complecta, concede—». Послѣ «Gloria» читается Символъ, приписываемый Аѳанасію алрійскому, такъ наз. «Quicumque» («Quicumque vult salus esse, ante omnia opus est, ut teneat catholicam fidem...), которымъ продолжается и на л. 13[b], гдѣ заключенъ штабикомъ византійскаго стиля («eine Zierleiste des russisch-byzantinischen Malers», какъ называетъ Артуръ Haseloff на стр. 173).

л. 14[a]. Утреннія молитвы, заключенныя такимъ же штабикомъ. Третій штабикъ находится на л. 21[b], гдѣ нѣтъ никакихъ приписокъ писца Молитвъ Гертруды.

л. 14[b]. Сначала идетъ молитва при входѣ въ храмъ, а тамъ и молитвы за обѣдней. Послѣдняя на этой страницѣ молитва об-

---

21) Т. е. въ понедѣльникъ: feria prima vel dominica (воскресенье), feria secunda (понедѣльникъ).... feria septima vel sabbatum.

22) Сравните цитату въ замѣткѣ Филиппа della Torre (выше, л. 9[a]): къ сожалѣнію, я не отмѣтилъ у себя въ замѣткахъ, откуда именно взята эта цитата.

рывается за утратой, «по крайней мѣрѣ, одного пергаменнаго пласта», какъ думаетъ D-r Sauerland [23]). Мнѣ представляется утрата въ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ, цѣлаго биніона, бывшаго между теперешними 4-й и 5-й тетрадками. Эта утрата, конечно, произошла въ то время, когда Кодексъ Гертруды до того истрепался, что въ XVIII в. требовалъ вторичнаго переплетенія, бывшаго для Тріер. Псалтыри, стало быть, уже третьимъ. Этотъ-то второ-третій переплетъ и видимъ мы теперь: его относятъ къ XVIII в. Во время, конечно, этого переплетанія переплетчикъ перепуталъ въ 27-й тетрадкѣ пергаменные пласты, поставивъ срединный пластъ кватерніона внѣшнимъ въ немъ. Судя по содержанію, утрата навѣрное превышала биніонъ, такъ какъ

л. 15[a] открывается фрагментарно словами «et quorum anniversarius obitus . . . » и по окончаніи этого фрагмента — заупокойной молитвы слѣдуетъ общая заупокойная же молитва: «Ad te, domine, *misera et peccatrix* confugio et tibi pie flecto genua *mea* pro animabus famulorum famularumque tuarum et pro cunctis fidelibus defunctis, atque ego supplex exoro pro anima famuli tui N, cuius diem octavum, trigesimum atque anniversarium commemoramus . . . . . » и т. д. рядъ молитвъ заполняетъ всѣ страницы этой тетрадки, которые въ Тріерской Псалтырѣ были оставлены чистыми по случаю назначенія листу 15-му быть охраннымъ (внѣшнимъ) листомъ Псалтыри, а прочимъ тремъ на одной изъ сторонъ носить дедикаціонныя миніатюры, которыя распредѣлились такъ.

л. 16[b] Миніатюра «DONUM FERT RUODPRENT», какъ гласитъ надпись. Рупрехтъ подаетъ написанный имъ кодексъ Тріерской Псалтыри лицу, изображенному на смежной страницѣ. Поэтому фигура обращена вправо, въ сторону л. 17[a]; ноги разставлены, какъ бы у подходящаго человѣка; голова слегка наклонена въ знакъ почтенія; въ обѣихъ рукахъ Рупрехтъ держитъ подносимый кодексъ, корешками внизъ. На Рупрехтѣ діаконская

23) . . . so wird offenbar, dass die betreffende Lage (т. е. тетрадка съ лл. 11—14) mindestens ein Doppelblatt verloren hat.

альба (у священниковъ она длиннѣе) и далматика, которая присвоена діаконскому званію.

Самый кодексъ изображенъ *въ золотомъ переплетѣ* съ голубымъ обрѣзомъ. Такое изображеніе представляется мнѣ не аллегоріей драгоцѣнности внутренняго содержанія подносимаго кодекса, а реальной дѣйствительностью. Такіе драгоцѣнные переплеты извѣстны намъ изъ того времени и изъ той мѣстности.

Съ другой стороны, золотой переплетъ Тріерской Псалтыри былъ какъ разъ той причиной, что драгоцѣнная Псалтырь *такъ преждевременно превратилась въ жалкій фрагментъ*, дождавшійся уже въ XI в. своего новаго назначенія послѣ своего метаморфоза въ Кодексъ Гертруды. Именно золотой переплетъ былъ оторванъ хищнической рукой, а самая Псалтырь брошена варваромъ безъ вниманія. Все это такъ правдоподобно, если вспомнить случай съ напрестольнымъ Евангеліемъ, пожертвованнымъ имп. Арнульфомъ св. Еммераму въ Регенсбургѣ. Это Евангеліе было тоже въ золотомъ переплетѣ и составило непреоборимую приманку къ хищничеству не грубаго варвара, а самого короля Конрада I, который самъ былъ усерднымъ вкладчикомъ и доброхотомъ св. Еммераму. Какъ ни протестовалъ тогдашній въ Регенсбургѣ епископъ Tuto (894—930), Конрадъ похитилъ драгоцѣнное Евангеліе и, только благодаря неустанной энергіи епископа въ законномъ требованіи, наконецъ возвратилъ похищенное [24]).

л. 17ª. Миніатюра «Q̄D (= quod, т. е. подношеніе Рупрехта) PRESUL SUSCIPIT EGBREHT». Егбрехтъ или Егбертъ сидитъ на епископскомъ тронѣ. Фигура en face. Правая рука согнута въ локтѣ, прижатомъ къ тѣлу, и протянута за подаваемымъ Рупрехтомъ кодексомъ. Въ лѣвой рукѣ золотой епископскій посохъ, загнутый вверху въ крюкъ (кривизна крюка служитъ эмблемой ограниченности власти епископа) Sedes episcopalis или cathedra (безъ балдахина) имѣетъ одну ступеньку въ видѣ

24) Arnolf von Vohburg въ изд. Basnagii «Thesaurus monumentorum ecclesiasticorum et historicarum, sive Henrici Oanisii Lectiones antiquae» Antuerpiae. 1725 III. I. 110.

подножной скамейки; поручнями служатъ два мягкихъ вала. Ореолъ въ формѣ трапеціи имѣетъ значеніе, что лицо его носящее, какъ объясняетъ Артуръ Haseloff, не отошло еще въ вѣчность.

л. 18^{b}. Миніатюра «QUI TIBI DAT MUNUS». Тотъ же Егбрехтъ, въ томъ же облаченіи, но въ позѣ Рупрехта, подаетъ Кодексъ лицу, изображенному на смежной страницѣ 19^{a}.

л. 19^{a}. Миніатюра «DELE SIBI PFTRE REATUS». Апостолъ Петръ въ позѣ и облаченіи Егбрехта листа 17^{a} протягиваетъ руку въ сторону смежной страницы для принятія кодекса. Отличіе въ посохѣ, который здѣсь папскій, безъ кривизны: верхушка жезла кончается поперечиной, а подъ ней два рожка, обращенные вверхъ и придающіе концу жезла видъ якоря (эмблема спасенія).

л, 19^{b} и 20^{a} были въ Псалтыри чисты, а теперь заняты Молитвами Гертруды.

л. 20^{b} Миніатюра «Царь Давидъ, играющій на 6-тиструнной лирѣ».

л. 21^{a} Во всю страницу рисованный инціалъ B съ восемью слѣдующими буквами перваго псалма (BEATUS UIR). Такихъ инціаловъ въ Псалтыри числомъ 15 (въ каждой декадѣ по одному), Затѣмъ идетъ Псалтырь, въ текстѣ которой я насчитываю еще 170 богато окрашенныхъ инціаловъ средней величины и множество меньшей величины.

Итакъ Псалтырь раздѣлена на такъ наз. декады, числомъ 15. Каждая декада отдѣляется отъ послѣдующей миніатюрой во всю страницу, а начальная буква въ декадѣ богато разрисована во всю же страницу красками и золотомъ. Содержаніемъ миніатюръ служатъ 14 фигуръ тріерскихъ епископовъ. *Исполненіе миніатюръ очень бѣдное, и таблонность фигуръ подавляетъ своимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ.* Всѣ фигуры стоятъ въ молитвенномъ положеніи съ воздѣтыми руками, то ниже, то выше, чѣмъ и разпятся фигуры другъ отъ друга. Скучную шаблонность исполненія фигуръ легко объяснить недостаткомъ или, вѣрнѣе, полнымъ невѣдѣніемъ агіологическихъ чертъ тріерскихъ епископовъ. Это полное невѣдѣніе обнаружено художникомъ и тѣмъ

обстоятельствомъ, что историческая преемственность или послѣдовательность епископовъ порядкомъ миніатюръ ихъ приведена въ страшный хаосъ. Порядокъ миніатюръ именно таковъ:

л. 30^{b}. St. Eucharius л. 41^{b}. St. Valerius л. 52^{b}. St. Maternus	первые насадители церкви по Рейну и Мозелю въ III в., ставшіе въ народной традиціи эпической троицей съ общей памятью 29 января (Acta SS. Boll. Jan· II, 918—922). Народная традиція придвинула ихъ въ непосредственную близость къ Петру апостолу, навязавъ ему Евхарія въ ученики, которому Петръ отдалъ свой посохъ, почему-будто папы и не посятъ посоха.
л. 66^{b}. St. Agricius	† ок. 335 г. Пам. 13 янв. (Acta SS. Boll Jan I, 773—781).
л. 76^{b}. St. Maximinus	† 349 г. Пам. 29 мая (Acta SS. Boll. VII, 21—25).
л. 86^{b}. St. Paulinus	† 358—360. Пам. 31 авг. (Acta SS. Boll. VI, 676—79.
л. 99^{b}. St. Nizetius	† ок. 566. Пам. 5 дек. (Surius).
л. 115^{b}. St. Marus въ V в.	
л. 127^{b}. St. Felix	† 398. Пам. 26 мар. (Acta SS. Boll. Martii III, 622—625.
л. 135^{a}. St. Modualdus	† 640. Пам. 12 мая. (Acta SS. Boll. Maii III, 51—62
л. 151^{b}. St. Liutuninus	† 713. Пам. 29 сент. (Acta. SS. Boll. Sept. VIII, 169—172).
л. 168^{b}. St. Legontius	† ок. 409 г. Пам. 19 Фев. (Acta SS. Boll. Febr. III, 130—131).
л. 173^{b}. St. Magnericus	† ок. 596. Пам. 25 іюл. (Acta SS. Boll. Julii VI, 183—192.
л. 182^{b}. St. Abrunculus	† 532. Пам. 22 апр. (Acta SS. Boll. Apr. III, 30).

Такимъ образомъ съ Феликса начинается путаница, не говоря уже о неполнотѣ этого лицевого каталога тріерскихъ епископовъ, который не исчерпываетъ ни тріерской агіологіи въ предѣлахъ даже чина святителей. Такъ не нашли себѣ мѣста St. Metropolus IV в. (пам. 8 окт.), St. Bonosius † 381 (пам. 17 фев.), St. Britonius † ок. 386 (пам. 5 мая) и St Severus V в. (пам. 15 октяб.). Тѣже самыя имена и въ томъ же самомъ порядкѣ повторяетъ Литанія въ концѣ нашего кодекса, чѣмъ и неопровержимо устанавливаетъ ея неразрывность съ Псалтырью, а съ другой стороны внушаетъ бо́льшую важность къ усвоенной художникомъ преемственности тріерскихъ епископовъ. Артуръ Haseloff на стр. 143 своего изслѣдованія доказалъ, что Псалтырь была заказана Егбрехомъ ни въ какомъ случаѣ не въ Тріерѣ, и доказательство опирается, съ одной стороны, на невѣдѣніе художникомъ исторической послѣдовательности епископовъ, а съ другой, на фактъ, что въ Тріерѣ при Егбрехтѣ каталогъ епископовъ былъ въ исправности. Почтенный изслѣдователь указалъ, именно, на обдѣлку посоха апостола Петра золотомъ съ эмалью. Рядъ лицевыхъ изображеній тріерскихъ епископовъ на посохѣ въ своей послѣдовательности вѣренъ исторіи; въ сравненіи съ рядомъ миніатюръ въ Псалтыри на посохѣ не достаетъ Легонтія, Магнерика, Абрункула, но за то есть Северъ и Егбрехтъ лишніе противъ Псалтыри.

Художественно рисованные во всю страницу инніалы начальныхъ въ декадахъ псалмовъ слѣдуютъ въ перечнѣ:

л. 31ª инніалъ Saluum mefac (*Пс. 11*).
» 42ª » Dos meos (*Пс. 21*).
» 53ª » Beati (*Пс. 31*).
» 67ª » Quem (*Пс. 41*).
» 78ª » Quiu gloriaris (*Пс. 51*).
» 87ª » Nonne (*Пс. 61*).
» 100ª » D$\bar{\text{s}}$ (*Пс. 71*).
» 116ª » D$\bar{\text{s}}$ (*Пс. 81*).

л. 128ª инициалъ Во*(num Пс. 91)*.
» 136ª » Dn̄e *(Пс. 101)*.
» 152ª » Beatus *(Пс. 111)*.
» 169ª » Lae*(tatus Пс. 121)*.
» 174ª » Mo*(mento Пс. 131)*.
» 183ª » Ue*(ce Пс. 141)*.

Молитвы Гертруды, прервавшись на л. 20ª, продолжаются на л. 29ᵇ, на нижнемъ полѣ, и занимаютъ всю лакуну страницы 30ª, занятой только пятью строками 10 го Псалма. Здѣсь первая молитва читается такъ.

AD SANCTUM PETRUM *pro petro.*

Quęso te pro petro apostole domini nostri ihesu qui ab es sortitus es nomen petrum quia super fundamentum hedificasti ęcclesiam domini. et effectus es pastor animarum. et tibi semper cura est de omnibus animabus et per te habent egredi ad christum. Tibi confitetur petrus omnia e cata sua preter quę in baptismo credit esse dimissa. sed postea multa capitalia comisit crimina. ac idem suadente hoste antiquo. voraginibus gulę atque luxurię. per superbiam et iactantiam per detractionem et avaritiam atque cenodaciam per impacientiam et mendacium ac homicidium. et falsum testimonium. per funta et periuria. et per alias culpas plu. rin as tam casu quam uoluntate deliquit. Reum se esse fatetur quia peccavit nimium. et scelera sua multiplicata sunt super terram. et per multitudinem iniquitatum suarum factus est in derisum omni tempore. Iterum precor te pastor bone ut sibi peccatori et publicano parcere et indulgere dignoris. et quia a domino data est tibi potestas ligandi atque soluendi in cęlo et in terra. absoluas uincula peccatorum suorum. et desuper memoratis uiciis eum postla se abctinera facias. miserere sui summe pontifex, et da ueniam peccatis suis. ut mereatur per te habere indulgentiam absquequo in presens uixerit et secundum dei preceptum trinum et unum semper in ęternum confitetur».

Оставшаяся на полустраницѣ 40[b] лакуна тоже заполнена Молитвами Гертруды, имя которой въ моливенномъ текстѣ выскоблено («michi indignę famulę ..... tuę»), а на смежной страницѣ (л. 41[a]), остававшейся пустой по случаю миніатюры «St. Valerius» на оборотѣ, красуется *пятая и послѣдняя византійская миніатюра* «Богоматерь на тронѣ съ младенцемъ».

Кромѣ трехъ штабиковъ византійскаго стиля, заключающихъ текстъ нашъ 13[b], 14[a] и 21[b], штабиковъ, которые Артуръ Haseloff опредѣляетъ какъ «eine Zierleiste des russisch-byzantinischen Malers» (стр. 173 изслѣдованія), тотъ же изслѣдователь указываетъ и въ описываемой теперь части кодекса, именно на л. 28[a], гдѣ нѣтъ никакихъ приписокъ къ тексту Псалтыри, «ein goldenes Patriarchenkreuz», das «vielleicht erst aus der Zeit der Königin von Ungarn Gertrud ist» (стр. 173 изслѣдованія); такой же крестъ и на л. 40[b], гдѣ лакуна отъ 20-го Псалма занята Молитвами Гертруды.

На л. 182[a] (на оборотѣ миніатюры «St. Abrunculus»), остававшемся въ Псалтыри чистымъ, свѣтлыми чернилами написана заговорная молитва:

De nociuis rebus timendis.

Deus meus et pater domini mei ihesu christi cuius uerbo cęli sunt cui omnia subiecta sunt. cui omnis creatura deseruit et omnis potestas subiecta est. et quem uis omnis nociua metuit et expauescit. te ad auxilium meum inuoco. cuius audito nomine serpentes conquiescunt. Draco fugit. uipera silet. et rubeta illa quę dicitur rana. Quieta torpescit. scorpius extinguitur. regulus uincitur et spalangus noxii nihil operatur. et omnia uenenata. et ad huc ferociora repentina et animalia noxia uerentur. et omnes aduersę saluti humanę radices arescunt. tu extingue omne uenenatum uirus et omnes operationes eius moriferas. et uires quas habet euacua et da in conspectu tuo omnibus his quos creasti ut oculis videant auribus audiant. corde magnitudinem tuam intelligant. ut per intercessionem sancti iohannis euangelistę ab emni prestigio-

rum siue uenefiriculo nunc et in ęuum protegar ne ulla maliguitas diaboli. nullus malus homo sibi nocere possit.

Какъ выше упомянуто было 27-я тетрадка имѣетъ перепутанные пласты пергамена, и чтенію подлежитъ такой порядокъ листовъ: 188, 189, 190, 187, 194, 191, 192, и 193. Нал. 187^{b} кончается 150-й псаломъ и идутъ обычныя при псалтыри «Cantica» числомъ десять, именно пѣсни Исаіи Jesekiu, Анны, Моисея иМаріамъ, Аввакума, Моисея, 3-хъ отроковъ, Захаріи и Елисаветы, Маріи, Симеона.

На лл. 195^{a}—201^{b} продолжаются «Cantica». Съ л. 201^{b} идетъ «Vmnus quem sanctus Ambrosius et S. Augustinus inuicem condiderunt» (Te deum), а на л. 202^{b} «Oratio dominica» (Pater noster).

Л. 203^{a} Simbolum apostolorum.

Л. 203^{b}—205^{b}. Fides Athanasii Alexandrini episcopi.

Л. 205^{b} (съ половины) начинаетъ вновь Молитвы Гертруды къ Пресвятой Дѣвѣ. Первая озаглавлена *Pro tribulatione*».

л. 206^{a} «*Oracio ad sanctam mariam pro amico et se ipsa*». Cloriosa dei genitrix uirgo semper maria prissima domina mea unica spes mea. sola dulcedo mea sancta consolacio mea. tota..... Ideo ad te confugio et ti tota deuocione PETRUM commendo. ut sit seruus tuus. et filii tui ih̄i xp̄i.licae enim indignus sit..... «*item alia*». Aue maria gratia plena. dominus tecum.....

л. 206^{b}. SANCTA MARIA virgo perpetua per dilectionon filii dei, qui te ailexit et te exaltauit super choros angelotum, exaudi me et cia *pro unico filio meo* PETRO.....

л. 207^{b}..... commendo in tuam fidem animam et corpus *unici filii mei Petri*.....

л. 208^{b}..... cordis unici filii mei PETRI et omnem tutam suam..... Obsecro te per ęternam felicitatem quam ut deret dei matrem prae omnibus sanctis in cęlo possides. ut *tuum famulum* PETRUM mente et corpore ti subiectum digneris tuo filio commendare..... et faciat PETRUM *unicum filium meum* in extremo agmine his associari qui in castitate permanentes.....

л. 208[b]. Scio mi domina eum nimium indignum sanctorum consortis..... Ideo rogo te ut PETRUS prestetur tui causa uenia quam et sua non exigunt merita. O parens nostri redemptoris O spes et solatium humani generis..... intercede pro pace et unitate ęcclesię sanctę et pro omni populo christiano et *pro omni exercitu PETRI unici filii mei et pro omni familia sua et pro ipso famulo tuo.* Pro uniuersarum incolumitate sanctarum reliquiarum nec non pro omnibus offensionibus et negligentiis meis et PETRI et omnibus necessitatibus et periculis *exercitus sui* atque pro omni populo christiano.....

л. 209[a] —213[b] въ два столбца «*Incipit Laetania uniuersalis*». Kyrie eleison. *ter.* Xp̄e eleison. *ter.* Xp̄e audi nos. *ter.* Sancta maria ora. Sancte Michahel ora. Sancte Gabriel ora. Sancte Raphael ora..... Въ Литаніи я насчитываю 311 имепъ святыхъ. На столбцахъ 210[b] и 211[a] отмѣчеы золотымъ письмомъ молитвенныя формулы, обращенныя къ тріерскимъ святителямъ тѣмъ же самымъ, что на миніатюрахъ, въ Псалтыри, и въ томъ же перепутанномъ слѣдованіи другъ за другомъ) и мѣстнымъ святымъ. Именно. «Sancte Euchari ora. Sc̄e Valeri ora. Sc̄e Materne ora. Sc̄e Agrici ora. Sc̄e Maximine ora. Sc̄e Pauline ora. Sce Nizeti ora. Sc̄e Mare ora. Sc̄e Felix ora. Sc̄e Modualde ora. (столб. 211[a]) Sc̄e Liutuuine ora. Sce Legonti ora. Sce Magnerice ora. Sce Abrunculeae ora. Sc̄e Uuillebrorde ora. Sc̄e Castor ora. Sc̄e Florine ora. (Эта формула не отмѣчена золотомъ). Sc̄e Beate ora. Sc̄e Goare ora. Sc̄e Balo ora. Sce Adalberte ora (это не пражскій ец., а другой Адальбертъ, спутникъ Виллеброрда). Sc̄e Heinice ora» (этотъ святой остается загадочнымъ и знатоку мѣстной святыни въ Тріерѣ, D-r Sauerland).

На лакунѣ, бывшей въ столбцѣ 213[d] послѣ заключительнаго въ Литаніи «Kyrie eleyson» читается приписка къ ней еще 12 молитвенныхъ формулъ въ 12 строкъ, раздѣленныхъ на двѣ части (стало быть, письмо, въ свою очередь, въ два столбца: одинъ съ длинными строками, другой съ короткими). Первая формула: Eqo dixi domine miserere mei. — Sana». Вторая: «Conuertere

om usque quo — Itidem precabor». 5-я «*Saluum fac seruum* Эта приписка сдѣлана тѣмъ же лицомъ, что въ календарѣ, къ памяти 19 авг. приписалъ память In pannonia Stephani regis et confessoris: обѣ приписки сдѣланны одними и тѣми же чернилами темнозеленаго цвѣта.. Стефанъ венгерскій умеръ 15 авг. 1038 г., а канонизованъ спустя 45 лѣтъ, т. е. 1083 г. Приписка сдѣлана, конечно, внѣ Паннониі, иначе зачѣмъ бы прибавлять «In pannonia».

На нижнемъ полѣ замѣтка XVII вѣка: «Hic ablati sunt fol. duo vel tres, ut videtur et tangitur, a diabolis vere manibus».

Столбцы 214[a]—217[a] «Confessio peccatorum». Confiteor tibi domine pater caeli et terrae ..... 217[bc] «Oratio peccatoris». Conditor mundi et redemptor meus.....217[d]—218[b] «alia oratio». Oro, domine, pro universa sancta aecclesia catholica . . . 218[b]—219[a] «pulchra confessio». Miserator et misericors, patiens... 19[c]—220[d] «alia confcssio» Confiteor tibi, domine deus..... 20[d]—221[d] «oratio post confessionem». Intende ad me, domine... 21[d] «alia oratio post confessionom». Largire mihi, domine, munditiam Iabiorum ....

Столбцы 222[abc] продолжаютъ вторую молитву по исповѣданію; на дальнѣйшихъ столбцахъ идутъ подобныя молитвы общаго содержанія для всякаго лица, писанныя все той же рукой, что и литанія. Послѣдняя молитва озаглавлена AD SCOS DOCTORES безъ конца за утратой. Нижнія поля лл.222[b] и 223[a] заняты коротенькими молитвами Гертруды. На л. 228[a] палимисестомъ молитва Гертруды «ORATIO AD SANCTAM MARIAM».

л. 229[a] фрагментъ, начинающійся такъ: «.... lentibus in sede romana die noctuque canatur. Quam in fine psalmi cuiuslibet siue matutini siue uespertini coniungi. apostolatus tuus et finiri praecipiat. Hoc est ut semper dicant. Gloria patri et filis et spiritui sancto. Sicut erat in principio et nunc et semper et in saecula saeculorum. Amen. Istud carmen *laudis* omni psalmo coniungi praecipias. ut fides CCCXVIII niceni concilii et nostro ore par consortio declaretur. All (eluia) semper cum omnibus psalmis affi-

gatur. In omei loco communiter respondeatur nocturno tempore In aecclesia autem a resurrectione paschae usque ad pentecosten finiatur. Inter dierum spacia quinquaginta. propter nouitatem ancti paschę vox ista laudis, canatur in aleph. quod est. Alleluia.

Sanctus Augustinus DIXIT. Cauticum psalmorum animas deorat. Inuitat angelos in anditorium. Effugat daemones. Expellit tenebras. . . .

л. 230^{b} на 6-й строкѣ кончается письмо Тріерской псалтыри. лакуна и лл. 231 и 232 заняты мнливами Гертруды, изъ которых первая гласитъ: «Oratio». Tuam domine clementiam deprecor, ut mihi famulo tuo remissionem cunctorum tribuas peccatorum, et omnibus pro quibus debitor sum ex orare uiuis sine defunctis misericordiae tuae munus impendas, ut ad aeternam nitam tua gubernatione perueniant et tuae ubique gratiae dona percipiant.

Затѣмъ: Sanctus deus. Sanctus fortis. Santus et immortalis Pro papa nostro et pro principe nostro et pro impertore nostro et pro episcopis nostris et pro abbatibus nostris et pro fratribus nostris, et pro omnibus amicis nostris et pro omnibus congregationibus aeccl(esi)ę catholicę et pro omni populo christiano . . . . . Xpc . . . dignare me indignam famulam tuam exaudire clamantem ad te . . . exaudi me domine per hos psalmos peccatricem famulam tuam. pro parentela mea. et pro fratribus et sororibus meis, et specialiter pro salute sororum meorum N: necnon et fideli amica mea N. et pro cunctis uiuis ac defunctis. . .

л. 231^{a}, строка 5—6:. . . . . inprimis pro rege nostro et pro episcopis et pro abbatibus et pro abbatissis. . . . . .

л. 231^{b}—232^{b} Литаніи Гертруды: Ut me miseram fmulam tuam Gertudam custodire digneris. domine ihesu te rogo. audi me. Послѣ одинадцати молитвенныхъ формулъ Гертруда молится за Петра:

Ut ueram pęnitentiam misere famulo tuo PETRO donare digneris.

Ut inimicos eius qui in aliquo aduersari cupiunt dextera potentię tuę cemprimere digneris. te rogo. audi me.

Ut famulum tuum Petrum uisitare et consolari digneris.

Ut ei uictoriam donare digneris.

Ut omnes laqueos aduersariorum te adiuuante illesus meretur euadere. domine ihesu te rogo audi me.

Ut inimici eius de eius ruina lętari amplius non ualeant, omine ihesu.

Ut corda pro eo tristantia letificare digneris. te rogo.

Ut eum miserum et indignum et peccatorem ac neglegentię amulo tuo PETRO et pro sanitate animę et corporis eius. te reco audi me.

Послѣ Литаніи Гертруды заключаютъ Кодексъ Гертруды двѣ молитвы: 1) «Oratio ad sanctum michaelom pro fidelibus defunctis». Sancte michael et omnes sancti dei intercedite pro animabus omnium fidelium defunctorum. Ut me peccatricem pro eis precantem exaudire digneris; 2) «Alia». Christe áli die uiui miserere animę famuli tui adę et animę famulę tueuę et animabus famulorum famularumque tuarum et nostrę congregationis fratres et sorores et omnium parentum nostrorum omniumque hic et ubique in xp̄o quioscontium et mihi indignę famulę tuę Gertrudę. et qui bona mihi fecerunt propter nomen tuum et pro quibus iussa uel debita sum siue ipsa decreui orare.

233 вставленъ переплетчикомъ и на лицевой сторонѣ занятъ позднѣйшей замѣткой. «Schutzblatt von Pergament, сообщаетъ D-r Saurland, dessen Vorderseite eine Notiz über die im J. 1557 in Cividale statt gefundene Bekehrung und Taufe einer ihrem Manne entlaufenen Jüdin und ihrer drei Kinder enthält».

Въ заключеніе я долженъ заявить признательность свою д-ру Sauerland, работа котораго надъ кодексомъ была такъ успѣшна, что служила мнѣ при описаніи большой помощью.